

В.К.Егоров

ИСТОРИЯ
В
НАШЕЙ
ЖИЗНИ

·Наука·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В.К.Егоров

ИСТОРИЯ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Москва Наука 1990

Егоров В. К.

Е 30 История в нашей жизни.— М.: Наука, 1990.—
192 с.

ISBN 5—02—008584—7

Книга доктора философских наук В. К. Егорова — приглашение читателя к размышлению о том, как и почему, вторгаясь в повседневность, давнее и недалекое прошлое, мучает наших современников, создает нередко большую общественную напряженность. Что такое исторические факты и альтернативы в истории? Какие трудности и противоречия встречаются человеку на путях исторического познания? Читатель познакомится, пожалуй, впервые и с такими вопросами, как воздействие истории на взаимоотношения между ныне живущими поколениями; можно ли во имя цивилизованного развития перейти, наконец, от историзма в науке и к историзму в политике.

Для читателей, профессионально и «на досуге» отдающих себя любви к прошлому своего народа.

Э $\frac{0503000000-243}{042(02)-90}$ 19—91—НП

ББК 63

ISBN 5—02—008584—7

© Издательство «Наука», 1990.

Обращение к истории, интерес к давнему и недавнему прошлому сегодня уже не являются прерогативой профессиональных историков. Перестройка, немислимая без анализа опыта социалистического строительства, буквально приковала внимание к минувшему миллионов наших соотечественников. Но следует подчеркнуть и такую особенность: впервые за многие десятилетия мы имеем возможность посмотреть не на урезанную, не на искаженную, а на полную и правдивую историю своей страны.

Однако возможность эта пока еще во многом не может быть реализована. Причин тому немало. Выделим среди них следующие. Предстоит серьезно потрудиться ученым, работникам архивов, издателям и библиотекарям, чтобы ввести в научный оборот, сделать достоянием читателя ранее неизвестные архивные материалы, неперездававшиеся десятилетиями сочинения историков, философов, экономистов, социологов. Было бы заблуждением полагать, что прорыв, совершенный в работе по ликвидации «белых пятен» истории, уже позволил воссоздать прошлое на уровне требований современной науки. Да, нам очень многое стало яснее и понятнее. Тем не менее пока еще сделаны только первые, хотя и весьма важные, принципиальные шаги. Вновь открываемые новые пласты исторических материалов должны быть систематизированы, проанализированы, осмыслены. В противном случае нам не избежать вольных или невольных подмен: главного — второстепенным, рационального — эмоциональным и т. д. И разумеется, мы просто обязаны самым серьезным образом изменить постановку не только исторического, но и всего гуманитарного образования. Ведь обращение к истории — это не просто просветительство. История всегда выходит на сложные, нередко острые политические, правовые, национальные и иные проблемы. Без должной культуры исторического мышления

человек легко может заблудиться в «лесу истории», а этим, к сожалению, иногда пользуются и не очень добросовестные люди.

Автор попытался рассказать в книге о трудностях на путях поиска исторических истин, о необходимости всестороннего подхода к оценке событий прошлого, о связях между историей как наукой и политикой. В задачу не входил сколько-нибудь систематизированный рассказ о советской истории, однако по мере возможности иллюстрируются те или иные положения примерами, сюжетами из истории, которые вызывают в настоящее время дискуссии, неоднозначные толкования.

И еще об одном. Сегодня немало попыток из одной крайности — канонизация марксизма-ленинизма, политики партии — броситься в другую — не видеть в истории ничего, кроме ошибок, а во всех трагедиях народа винить чуть ли не все диалектико-материалистическое учение. Мы намеренно пытались в контексте темы показать читателю на достаточно большом материале и неоднозначность истории, и продуктивные, «работающие» и поныне идеи Маркса, Энгельса, Ленина. Ибо, по нашему убеждению, культура отношения к прошлому немислима ни без полного знания, ни без объективных оценок, ни без бережного отношения к опыту и наследию.

Время крутых перемен в общественном сознании всегда было трудным для историков, для истории. И если книга хоть в какой-то мере будет способствовать утверждению стремления к объективному взгляду на «дела давно минувших дней», серьезного отношения к исторической науке, значит, труд не напрасен.

Исторические факты и исторические альтернативы

Рискнем прослыть в представлении некоторых читателей максималистски настроенными, но все же сформулируем: по убеждению автора, среди множества важных и важнейших факторов, определяющих возможности, глубину и широту познания человеком общества и самого себя, особое, центральное место принадлежит феномену историзма. Историзм, понимаемый как стиль мышления, как стержень познавательной и социально преобразующей активности людей.

Совсем не для того, чтобы спрятаться за авторитет, процитируем сразу же основоположников учения, к сторонникам которого и по рациональным, и по эмоциональным соображениям мы себя относим. Сошлемся на К. Маркса и Ф. Энгельса: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории»¹. Мысль эта приведена во имя утверждения — марксизм во многом еще не понят нами именно в своей сущности, в своем конкретно-историческом качестве: в непреходящем значении диалектического материализма и в преходящем свойстве исторических, экономических, социальных, политических положений и выводов. «Как же так, — спросит читатель, — разве мы сегодня не по-настоящему все подвергаем сомнению, следуя буквально за этим жизненным принципом Маркса?» Так-то оно так, но, однако, поясним свою мысль.

Прежде всего следует сказать, что мы еще далеко не в полной мере избавились от пачетнического отношения к наследию Маркса, Энгельса, Ленина. Над нами еще довлеют стереотипы и в понимании закономерностей исторического процесса, и в представлениях об идеалах и принципах социализма, путях их реализации. Кроме того, и в науке, и в массовом общественном сознании не преодолены убеждения, постулаты, взгляды, восходящие, собственно, даже не к марксистскому учению, а к его догматическому, схоластическому прочтению. Обставленному

между тем буквально частоколом цитат, положений, высказываний «из классиков». И как обратная реакция на это «издевательство над марксизмом» (как говорил Ленин) — попытки отказать теории марксизма, социализму, так сказать, в праве на жизнь, на перспективы в истории. Подобные мотивы известны давно по советологическим и марксоведческим работам. Они присутствуют не только у идеологических противников коммунизма как движения, но и у серьезных, несубъективистски настроенных исследователей. Ныне же такие идеи, прикрываясь демократической или национальной терминологией, подчас переключиваются «на знамена» различных объединений, союзов и фронтов. Отсутствие историзма в мышлении, в действиях и здесь проступает более чем очевидно.

Судите сами. Можно ли строить взаимоотношения между народами на оценках отдельных фактов, вырванных из контекста истории, подбираемых по принципу «нам нравится это, но непринемлемо то». Или логично и здраво ли судить идеалы, воззрения, принципы общественного устройства исходя не из сущности, а из извращений. В состоянии ли человеческая мысль добраться до истины, если факты отодвигаются на второй план, а на передний выдвигаются несостоявшиеся альтернативы, когда вся система рассуждений покоится на предположениях «вот если бы... тогда бы...». Нельзя забывать про альтернативы, но тем более негоже отбрасывать факты. Но сказанное — одна сторона вопроса. Другая же заключается в том, что человек, общественные движения, общество всегда заинтересованы в сопоставлении явлений, событий, результатов и здесь трудно избежать субъективности. Ведь, к сожалению, весами истории «заведуют» не творцы настоящего, а их наследники в будущем.

Подлинному историзму чужды и исторический фатализм, и исторический нигилизм. Но, чтобы понять внутреннюю диалектику этих различий, следует разобраться сначала в том, что же такое наука истории, что стоит за исторически свершившимися фактами и несостоявшимися вариантами развития, в чем заключена логика исторического процесса. «Весь дух марксизма, — отмечал В. И. Ленин, — вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»².

Об исторической памяти, о воссозданной и еще не написанной истории

Историческая память, т. е. способность к воспроизведению прошлого,— это одно из фундаментальных свойств и человека, и человеческого общества. При этом осмысленное, осознанное обращение к прошедшему времени, к уже состоявшемуся действию отличает человека от остального живого, которое также имеет способности к закреплению навыков, их сохранению, к передаче опыта. Но именно по причине сознательного обращения к истории в известном смысле всегда есть момент противопоставления прошлого и настоящего. И в этом противопоставлении заключено как позитивное, так и негативное начало. Позитивное, поскольку опыт, сообразуясь с уроками истории, передается, так сказать, в снятом виде. В своих полезных, прошедших проверку временем свойствах и качествах. Негативное же начало опять-таки предопределяется этим осознанным отбором: отторгаемое, непринимаемое сегодня из наследия предков может оказаться (и часто оказывается) завтра незаслуженно недооцененным.

«Преувеличенный» субъективизм, присущий общественному организму как таковому (в отличие от мира природы), способен к целенаправленным действиям, содействующим как прогрессу, так и регрессу. Однако покуда сетовать на естественное, природное развитие — дело достаточно непродуктивное, даже наивное (при всех возникающих на этой почве потерях и трагедиях, эмоциональных напряжениях), то и свыкается человек с таким положением в конечном счете вполне естественно. Как говорят в народе: бог дал — бог взял. Другое дело, когда потери в природе и в обществе происходят от действий человека. Здесь оснований более чем достаточно для негодований, критики, для суда истории.

Необходимо в то же время подчеркнуть, что, на наш взгляд, историческая память в отличие от памяти вообще как свойстве нервной системы как бы «генетически» несет в себе оценочный момент. Память существует через запоминание, сохранение, воспроизведение. Но историческая память еще и пронизывается отношениями принятия и непринятия, одобрения и осуждения, удовлетворенности или неудовлетворенности фактом, зафиксированным в памяти. Чтобы пояснить эту мысль, приведем такой пример.

Известно, что в 1765 г. уральский умелец Ползунов изобрел паровую машину, создав ее на двадцать лет раньше, чем Уатт, дело рук которого сыграло огромную роль в промышленном перевороте в Англии. С точки зрения технического прогресса важен сам факт прорыва человеческой мысли на новые рубежи. С позиций же истории существенное значение имеет и то, что формирует национальную гордость русских и англичан. С одной стороны, приоритет открытия, а с другой — массового внедрения. Здесь и гордость за талант народа, и раздумья над причинами более оперативного и масштабного использования данного изобретения. Факт из области техники, покидая уровень «обычной» памяти, выходит на более высокий уровень — на уровень анализа, выводов, т. е. выходит на уровень исторической памяти, которая органически сопряжена с осмыслением внутренних связей, закономерностей исторического процесса.

Можно вместе с тем возразить: с включением элементов анализа память покидает свое лоно, где господствуют, как мы уже отмечали, запоминание, сохранение, воспроизведение, и становится уже фактом знания, преднауки или собственно науки. Это, конечно, так. Мы, однако, имеем в виду другое. А именно то, что историческая память как память об истории изначально, сущностно вторгается в эмоционально-чувственную сферу человека.

История человечества знает немало форм фиксации исторического опыта, памяти: религиозные мифы, народные сказания, простейшие хронки исторических событий — формы, рождавшиеся и развивавшиеся одновременно с самой исторической наукой. Читателю, убеждены, будет интересно познакомиться с содержательной книгой М. А. Барга «Эпохи и идеи», в которой на большом материале прослеживается история историографии³. Отметим здесь сейчас следующую мысль автора: «История формирования пространственно-временных представлений проходит две фазы. Сперва течение времени, отмеченное сменой дня и ночи, времени года, положением небесных светил, фиксируется в памяти и выступает в качестве объективного фактора простой адаптации человека к естественной среде. И только во второй фазе этого процесса происходит активное вычленение пространственно-временных связей из опыта практически-предметной деятельности и их сознательное использование в целях ее организации...

Только архаическая эпоха должна была сама создавать для себя «задел» опыта во всех сферах человеческой деятельности, включая «задел» мыслительного материала. И поистине многозначительным является тот факт, что, осваивая окружающий мир (или, точнее, осваиваясь в нем), современники той эпохи формулировали свои вопросы исторически: откуда взялся огонь, как возникли ремесла и т. п. Познавательного гораздо важнее именно эта изначальная направленность человеческой пытливости на познание истоков настоящего, его начала, нежели исторические формы, в которые облекался ответ на подобные вопросы»⁴.

Может быть, одна из самых больших бед догматического отношения к истории заключается в отождествлении процессов смены общественно-экономических формаций и типов культуры. Здесь есть взаимозависимости, но нет ни идентичности, ни синхронности. Конкретному же типу культуры соответствует и тип историзма. «По этой причине об историках можно было бы сказать: все они специфическими для них средствами не только воссоздают прошлое, но и, того не сознавая, запечатлевают и себя и тем самым свое время — горизонты его видения и способы выражать увиденное»⁵. Как верно отметил М. А. Барг, «историографические революции» не только отражают, но и являются составной частью процесса смены и общественных формаций, и типов культур. Для нас же в рассматриваемой связи принципиальным представляется то, что, надо полагать, есть основания говорить о трех наиболее значительных этапах развития истории как исторической памяти и исторического знания. Первый связан с тем, что выше было обозначено как архаическая эпоха. Это время создания «заделов», основ для запоминания, воспроизведения прошлого опыта. Здесь еще нет собственно пространственно-временной ориентации, а есть лишь первичная адаптация человека в историю. Второй этап — этап фольклорного, мифологического освоения истории при доминировавшей тогда устной форме передачи знаний. И наконец, третий — период, связанный с развитием собственно исторической науки.

Сведения о прошедших событиях, хранившиеся и передававшиеся в устных сказаниях, легендах, мифах, воспроизводить и транслировать от поколения к поколению было чрезвычайно сложно. Кроме того, их исполнители, сказители приносили много своего. Постоянно что-то

выпадало, дополнялось, корректировалось. Так, подсчитано: исполнение «Илиады» Гомера занимает в форме пения под аккомпанемент около двух недель. И это при трехчасовом ежедневном исполнении. Полное воспроизведение древнеиндийского эпоса «Махабхарата» требует четырех месяцев, а китайского, времен «Троецарствия», — почти года. Трудно сказать, в большей или в меньшей степени были по сравнению с новейшим временем склонны к импровизации певцы-сказители в древности, но вот любопытные сведения. Согласно данным полевых исследований, проведенных в 1960 г., при наблюдении за исполнителями югославского эпоса было выявлено, что в поэму, насчитывающую в печатном варианте 2200 строф, один из певцов внес почти 12 тыс. новых за счет деталей и инноваций⁶.

Уже в древнейшем из памятников исторической науки (из дошедших до нас), относящихся к европейской культуре, — в знаменитой «Истории» Геродота обращение «отца истории» к читателям начинается так: «Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности...»⁷.

С развитием человеческой цивилизации, с прогрессом в области образования, науки, культуры изменяются и формы сохранения исторической памяти, исторических знаний, и формы их трансляции, передачи новым поколениям. Но это отнюдь не означает, что с течением времени отторгаются и предаются забвению какие-то из них (из этих форм) и они полностью заменяются рожденными более поздними эпохами. Здесь все прогрессирует по более сложным законам.

Культура исторического мышления, познания является всегда частью культуры данного общества. Она, культура, как и все, что создается человеческой цивилизацией, проходит определенные этапы в своем развитии. Можно сказать: развитие культуры, ее прогресс в самом общем виде можно рассматривать в контексте нашего понимания прогресса в целом. Прогресса как движения вперед с переходом от низшего состояния к высшему, от менее совершенных форм к более совершенным формам и т. д. Но надо подчеркнуть сформулированную выше оговорку — лишь в самом общем виде.

Понятие прогресса возникло в глубокой древности. Конечно, оно не анализировалось тогда столь обстоя-

тельно, не рассматривалось как научная дефиниция, как категория во всех своих связях и отношениях. Однако общее понимание прогресса как более совершенного состояния, более желательного устройства человеческой жизни, людского общежития было уже у древних мыслителей. Идя, так сказать, от обратного, говоря о потерях, древнегреческий титан Платон Афинский говорил, что «...нашим городом в древности были свершены великие и достойные удивления дела, которые были потом забыты...»⁸. Подчеркнем здесь такую важную для нас в данном случае особенность: идеи прогресса связаны у человека прежде всего с социальной историей. Речь, собственно, идет преимущественно об общественном прогрессе.

Сегодня общепризнано среди специалистов, что само понятие «прогресс» имеет относительное, не абсолютное значение. Что нельзя переносить логику развития (можно в известном смысле сказать, логику прогресса) из общественной сферы в мир природы. Что в природе считать прогрессом? Каковы критерии прогресса, скажем, вселенной? Однако относительно культуры мы пока еще весьма редко задаемся вопросом: а как понимать прогресс в культуре?

На наш взгляд, находясь на точке зрения марксизма, следует глубже осмыслить одно известное предостережение Маркса. Осмыслить применительно именно к культуре. К. Маркс писал: «Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени к самой себе... и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике». И несколькими страницами позднее такое замечание: «Понятие прогресса не следует брать в обычной абстракции»⁹.

Мы считаем необходимым обратить внимание на марксово сомнение в правомерности одностороннего отношения к прогрессу как к своеобразной культурно-исторической лестнице, где при подъеме каждая ступень находится выше предыдущей (предыдущих). Во-первых, нет такой лестницы в истории, а во-вторых, при самокритичном подходе «новейшие формы» были бы «способны осознать» нередко относительность или даже сомнительность своей прогрессивности. Будет, полагаем, правильным рассматривать прогресс в качестве процесса не отрицания предыдущих достижений последующими, а как развитие (прогресс) путем накопления, обогащения, рас-

ширения и углубления исторического наследия человеческой цивилизации. И в этот процесс должны вписываться переосмысление, переоценка, но не во имя отбрасывания или изоляции тех или иных культурно-исторических феноменов, явлений, а в целях обогащения, приобретения дополнительного знания, нового опыта.

В этой связи надо сделать еще одно уточнение. Как, например, вписывается наше понимание культурного прогресса в трагические и тяжелые для социализма в целом, для культуры общества в том числе, годы сталинизма? Если посмотреть на созданное художниками в 30—50-е годы — культура развивалась. И весьма успешно. Если же оценивать общественно-политическую атмосферу, в контексте которой жила культура, то картина возникает мрачная. А если обратиться ко многим публикациям последнего времени — можно нередко встретить утверждения: была всеобщая, в том числе культурная, деградация. При обращении к подобным вопросам, в особенности к таким периодам истории, следует исходить из понимания, что в культуре свои закономерности, которые часто проявляются не адекватно закономерностям социально-экономического и политического развития. Уничтоженное же в культуре невосполнимо практически абсолютно.

Для чего сделано это отступление, как кое-кому может показаться, в сторону от темы? Сделано оно с единственной целью — для утверждения читателя во мнении, что к историческим знаниям, истории как науке необходимо подходить с позиции их понимания как части культуры данного общества. А коли мы придерживаемся такой позиции, то и «судить» науку историю полагается соответствующим образом. При всем понимании условностей предлагаемого разделения имеет, как нам кажется, смысл такая логика: политические воззрения, идеологические взгляды историка должны оцениваться по законам политики и по меркам, по содержанию, диктуемым идейными борениями времени; профессионально-научную сторону наследия ученого следует анализировать с позиций того, что нового внес он в изучаемый предмет, в чем способствовал накоплению исторических знаний, что сделал для научной реконструкции прошлого; нравственно-педагогический облик исследователя вырисовывается перед современниками и потомками в зависимости от его воспитательно-просветительской деятельности, ибо историк всегда выступает (независимо от воли и сознания)

в качестве учителя, наставника, проповедника, если хотите.

Знания об истории можно рассматривать в двух аспектах. Один из них связан с пониманием знания как некоего фиксированного состояния и объема. Это то, что называется единовременным срезом. При этом для исторического познания важен бывает не только современный срез, т. е. фиксация того, в каком качестве воссоздана история к настоящему времени. Для проникновения в сущность той или иной эпохи принципиальное значение имеет представление об уровне исторического знания того конкретного, исследуемого времени. Т. е. надо знать, каким объемом знаний и какой широтой информации располагали тогда историки и политики для анализа прошлого и для практических выводов.

Уровень и широта воссозданной к данному времени истории — проблема чрезвычайной важности. Она дает и такое понимание истории исторической науки: в принципе являющееся для Науки (с большой буквы, для науки вообще) ясным, известным может по субъективным причинам, порой прямо по умыслу, исчезнуть из научного оборота. Историческое знание оказывается не востребованным, пассивным.

Так, в содержательной беседе Е. Н. Городецкого и А. С. Покровского, опубликованной в книге «Историки спорят», приводятся следующие два момента, имеющие исключительное значение для понимания того, как складывалась история, из чего состоит и что нередко отсутствует в воссозданной к настоящему времени истории.

Первый: в заключении к «Краткому курсу» (который Каганович назвал «энциклопедией марксизма-ленинизма») говорилось: «...после Ленина Сталин и другие ученики Ленина были единственными марксистами, которые двигали вперед марксистскую теорию...»

А так как «других учеников Ленина» в 1938 г. уже не оставалось, то таким «единственным» оказывался Сталин.

Древние говорили: «Боюсь человека единой книги». В таких «людей единой книги» стремились превратить историков.

Что касается главы «Краткого курса» по истории Октябрьской революции, то в ней не было идеи народного характера Октября. Подлинные руководители революционных событий или были вычеркнуты из истории, или превращены во врагов партии, врагов народа... Февральская революция, которая явилась исходным пунктом

процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, на страницах учебника была оторвана от этого процесса, была дана в «Кратком курсе» как событие периода империалистической войны... К сожалению, такой разрыв мы находим и в значительной части современной литературы...

В «Кратком курсе» сказано, что 16 октября 1917 г. ЦК создал Партийный центр по руководству восстанием во главе с товарищем Сталиным, который являлся руководящим ядром Военно-революционного комитета и руководил практически всем восстанием. Кто входил в этот центр, не указано. Как известно, это были А. С. Бубнов (уже арестованный в 1938 г. и поэтому не названный), а также Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, М. С. Урицкий, которые тоже не были даже упомянуты. Между тем в документах Петроградского ВРК, полное фондовое издание которых осуществлено в 1967 г., нет упоминания о Сталине в период восстания. Он впервые появился в ВРК только 31 октября, когда восстание уже победило. Его имя не упоминается ни в протоколах ВРК, ни в оперативных документах.

Второй сюжет из беседы: «Необходимо отметить, помимо политических причин, в микроклимате науки также психологические моменты, сам характер исторического мышления, определяющие в известной степени застой и торможение в изучении истории советского общества, в частности истории Великой Октябрьской социалистической революции.

При изучении данной темы, как правило, наблюдается некий исторический фатализм. Мы, историки, в отличие от реально действовавших лиц истории слишком хорошо знаем, что произошло потом, в результате всего, и потому не всегда утруждаем себя познанием, что же и как было *тогда*. И вольно или невольно подгоняем исследование под свершившийся результат: как „все дороги ведут в Рим“, так и все события 1917 г. „должны“ составить один путь, привести к Октябрю. И потому, рассуждаем мы, стоит ли разбирать все завалы на этом пути, все тропинки, подъемы и спуски, повороты и зигзаги, если все равно известно, чем все кончилось? Подобный, возможно, полубессознательный подход проявляет себя и в исследованиях, и в публикациях документов. Во многие сборники документов, посвященные борьбе за установление Советской власти в центре и на местах, включены лишь такие документы, которые соответствуют,

„подыгрывают“ итогам. Как школяры, которым лень самим решать математические задачи и они подсматривают ответ в конце учебника, так и мы часто забываем, что герои нашей истории в отличие от нас не могли предвидеть *всех* ее результатов и шли к намеченной цели не всегда прямо, а иногда зигзагами, падали и поднимались, порой работая методом „проб и ошибок“»¹⁰.

Воссозданная история, можно, таким образом, заключить, характеризуется следующим. Это история, существующая во включенных в научный оборот документах, представляющая прошлое в той полноте фактов, которые стали доступными для анализа. Это история, написанная, доносящая до современников события, явления, идеи и борьбу интересующей эпохи. История, к настоящему времени воссозданная, может существовать в двух уровнях — профессиональном и «любительском». Причем данные уровни могут различаться, и весьма серьезно, как по широте, так и по глубине проникновения в ткань минувшего. Более того, существуя в этих двух уровнях, она подчас значительно отличается и по степени правдивости воссоздания прошлого. И бывают периоды, когда профессиональные формы фиксации исторического знания (монографии, статьи, сборники документов, в определенной мере мемуарные материалы) больше грешат против истины, нежели историческая память очевидцев событий или память, сохраняющая их воспоминания.

Отмечая последнее, нельзя, однако, не заметить, что воссоздание правды истории не имеет ничего общего с принципом «не перегибешь — не выправишь». Следует помнить, что историческая наука — это часть культуры. И прогресс в ней достигается путем накопления, методом дополнения и углубления знаний, а не хирургическими операциями по изъятию одних данных и «приживлению» других. Разумеется, речь здесь идет о фактах подлинных, а не фальсифицированных.

Что же касается второго аспекта, в котором можно рассматривать историческое знание, то он является «синонимом» исторического познания. При таком подходе делается не горизонтальный (временной) срез истории исторической науки, а сама эта наука рассматривается как процесс исторического познания. В этом смысле уже воссозданная история всегда не соответствует по своей широте и глубине реальной истории. Данный момент, видимо, не нуждается в особых комментариях, поскольку ясно, что живая действительность и в прошлом и в на-

стоящем многограннее, богаче любого человеческого знания. Но необходимо отметить и следующее: наука история, написанная когда-то история, имеет, к сожалению, способность и терять некоторые прошлые завоевания.

Так, в приведенный пример с историей Октября надо внести такое уточнение. По работам наших историков в первые годы Советской власти, по активно публиковавшимся тогда документам, воспоминаниям очевидцев картина революционных событий в Петрограде выглядела, конечно же, не так, как это было описано позднее. Достаточно сказать буквально о взрыве публикаций в связи с 10-летием Октябрьской революции. О богатейших материалах, появлявшихся в журналах «Красный архив», «Пролетарская революция», «Историк-марксист», «Каторга и ссылка» и др. В 20-е годы стали активно выступать молодые историки. Можно сказать, например, что подлинный научный подвиг был совершен впоследствии репрессированным С. М. Дубровским. Его работы по участию крестьянства в революции и в настоящее время не потеряли своего научного значения¹¹.

Да, прошлое не воссоздано в полном объеме, история настоящая еще не написана — такой вывод безусловен и объективен. И нам понятно, в чем его безусловность. Прежде всего в том, что процесс познания бесконечен. Перед исследователем всегда открыты возможности для поиска новых сведений и фактов, для нового, более глубокого и всестороннего прочтения исторического материала. На каждом новом витке развития общества возникает свой интерес к прошлому, формируется потребность введения в научный оборот исторических сюжетов, ранее невольно (ввиду своеобразной объективной «ненужности») или из-за сознательного «забвения» находившихся вне поля зрения науки, политических партий и социальных групп, т. е. за пределами внимания общества. В приведенных выше примерах читатель может сам, занявшись аналитической работой, увидеть, как живут и действуют все эти условия развития науки в конкретной исследовательской и публикаторской практике.

Есть в то же время в науке «история» и объективные ограниченные возможности, не связанные с ее спецификой как социальной науки. Они в несовершенстве инструментария, в ограниченности научных возможностей и данных. Впрочем, и момент «забвения» ранее открытого наукой — это тоже не прерогатива только общественных наук. Разумеется, сопряженность с политикой, общест-

венной борьбой, социальными движениями усиливает в них подобные минусы, но сколько примеров и в физике, и в математике, и в биологии, когда научные открытия долгое время оказывались невостребованными. В каждом отдельном случае мы должны отделять объективную «слепоту» и субъективное, преднамеренное сокрытие фактов и идей.

Возвращаясь же к объективным ограничениям в развитии исторической науки, следует привести хотя бы несколько примеров для пояснения нашей мысли. Так, наиболее очевидны новые открывающиеся возможности, скажем, в такой исторической дисциплине, как археология. Здесь результаты раскопок периодически производят подлинные революции в нашем знании о прошлом. Постоянный рост научного знания на основе новых конкретно-фактологических открытий явственно наблюдается в этнографии и этногенезе народов.

Новое, более полное знание позволяет корректировать и, казалось бы, устоявшиеся представления в теории исторического процесса. Мы часто еще до сих пор абсолютизируем прямогу, последовательность и направленность линии общественно-экономического прогресса, выстраивая ее таким образом: первобытнообщинный строй — рабовладельческий — феодализм — капитализм — социализм (коммунизм). Однако давно известно, что история многих стран целыми эпохами «не вписывается» в эту формационную последовательность. В науке остается незаконченной дискуссия об азиатском способе производства. Возникает много вопросов, скажем, о характере формаций, к которой «принадлежит» Киевская Русь. Да и в классических рабовладельческих цивилизациях — в Греции и Риме — основную производительную силу составляли не рабы, а мелкие собственники земли и землевладельцы-общинники. Это, кстати, предполагал Маркс, но доказательства были «представлены» наукой только в наши дни. Предельно общая теория, как видим, упрощает представления о реальной истории¹².

Наука постоянно расширяет познавательные возможности человека. Создаются новые отрасли знания, которые обогащают и историю. Так, рассказывая о такой малоизвестной науке, как археоастрономия (наука на стыке археологии и астрономии), Э. И. Кучеренко рассказал читателям «Недели» об очень любопытных сведениях. Среди них, например, такая информация. Еще в X в. экзарх болгарской церкви Иоанн настаивал на том, что

Земля имеет форму шара, сообщал ее основные параметры, утверждал гелиоцентрическую теорию. (Деятельность Коперника и Дж. Бруно — это XV—XVI вв.!) Эта «ересь» была распространена и в нашей стране, известны списки XIII в. Более того, русская церковь не преследовала, а пропагандировала эти знания. В XVII в. на Крутицком подворье у митрополита Павла работало коперниковское общество. И это во времена жесточайшего преследования подобных взглядов в Европе¹³.

Нет, видимо, необходимости говорить о значении подобных открытий и для более полного воссоздания истории цивилизации вообще, и для более глубокого понимания отечественной истории и культуры. Тем более тогда, когда естественность критического анализа переходит в предвзятое отношение ко всему и вся. Когда отечественная история начинает кое-кем представляться в однозначно негативном свете.

Историческая наука — наука не архаичная, как может показаться кое-кому по незнанию. Она сегодня использует (далеко, конечно, не в том объеме и качестве, как необходимо) самые современные достижения науки и техники. Бережное воссоздание прошлого, сохранение настоящего для потомков уже немислимо без этого. Атмосфера истории, дух эпохи будут, убеждены, со временем хорошими помощниками человеку в его научно-познавательной деятельности.

Сегодня, когда мы все чаще и чаще обращаемся к истории, хотелось бы вспомнить идеи М. С. Шагинян: «Мы научились сохранять энергию Солнца, сохранять энергию падающей воды, но энергию той простоты, чистоты воздуха, которым дышали старые большевики (эти слова относятся к размышлениям об обстановке в партии при Ленине.— В. Е.), — как, в каких сложных аппаратах сохранить ее для потомков?»¹⁴

И эти размышления можно было бы сформулировать как своеобразный социальный заказ науке и технике от имени науки «история», от имени гуманитарных, гуманистических потребностей общества и человека. Нам трудно даже представить, насколько богаче, объективнее, многограннее будет историческая наука в будущем. И каким это будет великим подспорьем человечеству в его стремлении к самопознанию. Через изучение фактов, осмысление альтернатив, через выбор пути в многовариантной и одновременно детерминированной истории.

Наш разговор об истории, об изучении исторического процесса логично будет продолжить размышлениями о том, а что же такое исторический факт?

Давайте вспомним, в каком контексте звучит у поэта строка, вынесенная в заголовок: «Припади и попей из реки по имени — „Факт“»¹⁵.

Припади и попей... Река фактов, из которых черпает человечество живительную влагу познания... Спасительный глоток знания, которым не исчерпать, не испытать до конца реку истории, но без которого нельзя современнику, творцу настоящего... Сколько глубины в этих поэтических строках, насколько метафоричны они!

В самом общем виде исторический факт рассматривается как понятие в двух ракурсах. Можно сказать, в двух качествах. Исторический факт как принадлежность истории, как часть действительности и исторический факт как достояние науки, как отражение в науке факта, имевшего место в реальной жизни. На таком понимании в принципе сходятся все специалисты, хотя для научного исследования проблемы исторического факта, разумеется, недостаточно подобной констатации. Читателю, заинтересовавшемуся этим вопросом, мы бы порекомендовали сначала обратиться к статье Г. М. Иванова «К вопросу о понятии „исторический факт“», опубликованной в одном из сборников научных работ Томского университета¹⁶. В ней не только рассматривается сама проблема, но и приводится обширная библиография. С размышлениями над понятием «исторический факт» можно познакомиться в книгах М. А. Барга «Категории и методы исторической науки», В. В. Косолапова «Методология и логика исторического исследования», А. И. Уварова «Гносеологический анализ теории в исторической науке»¹⁷, в работах ряда других советских исследователей.

Исходя из задач нашей книги, считаем необходимым коротко познакомить читателя не с историографией вопроса, говоря на профессиональном языке историков, а с более широкими размышлениями вокруг проблемы «исторический факт». Воспользуемся в этих целях большой собирательной и аналитической работой, сделанной В. В. Косолаповым.

В только что упомянутой книге В. В. Косолапов, помещая историографический обзор, исследует понятие

«исторический факт» с позиций гносеологии и логики науки, дает свое определение¹⁸. Нам же есть смысл обратиться к тем сюжетам, которые дают читателю представление о сложности, неоднозначности, казалось бы, совершенно ясного вопроса — что такое исторический факт?

Констатация того, что исторические факты можно рассматривать в двух качествах: факты действительности и факты науки, — это действительно лишь самый общий подход. Нельзя забывать, что познание — это процесс отражения действительности и оно воспроизводит только часть реальности. В данном случае часть прошлого. Поэтому совпадение факта жизни и факта науки возможно только тогда, когда мы имеем то, что Косолапов назвал «наименьшей неделимой частицей социально-исторической информации о действительности».

Понять процесс, явление, событие можно только на основе всей совокупности фактов. Но вся совокупность далеко не всегда может быть «под руками» у историка, да и анализ имеющихся данных — дело не простое. Поэтому особое значение в науке имеет проблема интерпретации фактов. Сфальсифицировать исторические данные, сокрыть одни, выпятить, поставить на несвойственное место другие — значит создать возможности для манипулирования, политиканства.

Разумеется, надо иметь в виду, что для познания исторических закономерностей нет необходимости знать все факты. Это и невозможно. Всеми фактами не оперирует и естествознание. Важны научность, объективность, профессионализм при отборе фактического материала, его анализе, умение отделить главное от второстепенного, определяющее процесс от иллюстрирующего какой-то частный или неопределяющий сюжет.

Это лишь некоторые моменты, которые следует знать, чтобы правильно подходить к вопросам, связанным с понятием «исторический факт». Более подробно заинтересовавшихся данными проблемами мы и адресуем к указанной литературе.

Важно в то же время, как нам представляется, иметь в виду и еще одно значение понятия «исторический факт», которое в литературе практически обходится. Речь идет об историческом факте как достоянии общественного, массового сознания.

Безусловно, можно сказать, что любой исторический факт, ставший достоянием науки, высвеченный истори-

ческой мыслью из небытия прошлого, уже включается в историческое сознание общества. И это так. Но вся сложность взаимодействия истории и современности, сама возможность делать выводы из опыта, из уроков минувшего, прогнозировать на этой основе практические действия, общественные преобразования, упирается в проблему ограниченного восприятия исторического факта в настоящем. Эта ситуация достаточно часто встречается в реальной действительности. Настолько часто, что было бы неразумно ее недооценивать.

Этот аспект рассмотрения «исторических фактов» можно, конечно, квалифицировать лишь в качестве формы его существования в настоящем, на нынешнем отрезке процесса исторического познания. В таком случае это будет своеобразная общественно-массовая форма жизни исторического факта как факта науки. Подобного рода уточнение просто необходимо. Не принимать во внимание эту сторону «жизни» фактов истории непростительно наивно. И для науки, и для социальной практики в целом.

Последнее имеет особое значение для революционных эпох, переломных моментов истории. Ибо противоречия таких периодов концентрируются вокруг борьбы старого и нового, вокруг своего рода противостояния прошлого и настоящего. Ленин отмечал в одной из последних своих работ: «Я думаю, что иначе и не бывало ни при одной действительно великой революции, потому что действительно великие революции рождаются из противоречий между старым, между направленным на разработку старого и абстрактнейшим стремлением к новому, которое должно уже быть так ново, чтобы ни одного грана старины в нем не было.

И чем круче эта революция, тем дольше будет длиться то время, когда целый ряд таких противоречий будет держаться»¹⁹.

Попытаемся вышеизложенное проиллюстрировать и прокомментировать на примере ряда вопросов, возникающих при обращении к последним письмам и статьям В. И. Ленина.

В 20-е годы, после смерти В. И. Ленина, последние письма и статьи часто назывались «Политическим завещанием». Нынешнему читателю известно из новейших публикаций, что «завещанием» их именовали и Н. И. Бухарин, и Н. К. Крупская, и др. Но завещания, как положено, надо выполнять. И вот с этими ленинскими доку-

ментами происходят для нас сейчас кажущиеся странными и непонятными метаморфозы. Во-первых, не все письма и статьи становятся достоянием партии, достоянием научной мысли, не говоря уже о массах. Во-вторых, они «лишаются» статуса завещания. При чем делается это при прямом участии ближайших соратников Ильича, включая тех, кто употреблял сам термин.

С самым содержанием ленинского завещания партии, новым поколением строителей социализма читатель, убежден, знаком. Они полностью опубликованы в 45-м томе Полного собрания сочинений. Немало опубликовано и комментариев к ним²⁰. Наша общая оценка этой особой части теоретического и политического наследия Ленина сегодня однозначна, вполне адекватна его смыслу и содержанию: «В последних, необычайно насыщенных интеллектуально и эмоционально ленинских работах сложилась система взглядов и сама концепция строительства социализма в нашей стране. Это — огромное теоретическое богатство партии»²¹. Так КПСС сформулировала свое отношение к этим документам в докладе М. С. Горбачева в связи с 70-летием Октября.

Если попытаться коротко определить содержание ленинского завещания, то можно сказать следующее. В нем продолжена концептуальная разработка теории социализма с учетом того нового, что дала практика социалистического строительства и чего не было и не могло быть в социалистической мысли,¹ конструировавшей в абстракции новый строй. Здесь развиваются и конкретизируются представления Ленина о неотделимости социализма и демократии, содержатся размышления над тем, что мы назвали бы сегодня принципами и механизмом функционирования правового социалистического государства, его политической системы, включая проблемы взаимоотношения партии, Советов, общественных формирований, вопросы участия народа в контроле и управлении на всех уровнях борьбы с бюрократизмом и т. д. В работах, объединяемых понятием «завещание», мы находим идеи, выходящие на такие принципиальные проблемы теории и практики, как характер и формы собственности при социализме, соединение интересов трудящихся с государственным интересом, инициатива, предприимчивость и плановость в развитии народного хозяйства и др. Значительное внимание уделено поиску новых форм национально-государственного строительства в условиях многонациональной страны. Ленин завещает партии и свои

идеи, связанные с культурным преобразованием общества, созданием новой социалистической цивилизации.

Провидческая сила В. И. Ленина, может быть, особо ярко проявилась в том, что буквально центральная идея последних статей и писем — это роль и место субъективного фактора в условиях социализма, внутренние пружины демократического централизма, опасность чрезмерного усиления бюрократического и личностного начал в управлении Советским государством. И корень наших бед и трагедий во многом заключается именно в отступлении от этих советов и предостережений.

Несмотря на настоящие прорывы, совершенные в нашем сознании за годы перестройки, на историографическую революцию, происходящую на глазах современников, относительно фактического развития советской истории у многих людей остается еще достаточное количество невыясненных вопросов. (А может, наоборот, по этим причинам.) Сводятся они к тому, что и это понять можно, и это, кажется, теперь ясно, но все же, все же, все же... Так сложно и мучительно осознается история. Так трудно факты истории, становясь фактами науки, становятся достоянием нашего сознания.

Вернемся, однако, для продолжения этого разговора к последним письмам и статьям Ленина.

Писались, вернее, диктовались они с 23 декабря 1922 г. по 2 марта 1923 г. «Письмо к съезду» (с добавлением) впервые было напечатано в 1956 г. Тогда же были впервые опубликованы записки, статьи «О придании законодательных функций Госплану» (с добавлением «К отделу об увеличении числа членов ЦК»), «К вопросу о национальностях или об „автономизации“». Практически сразу же по написании, при жизни автора дошли через газету «Правда» до читателей «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)», «Как нам реорганизовать Рабкрин (предложения XII съезду партии)», «Лучше меньше, да лучше».

Три документа из восьми были выведены из активного оборота более чем на три десятилетия. По чьей вине? В конечном счете по вине высшего руководства партии того периода. Ибо оно принимало решения о том, какова должна быть судьба этих документов. И самое, пожалуй, главное — партия не узнала «Письма к съезду» с характеристиками основных лидеров. А ведь борьба между ними, распри, блокировки — о чем и было в

письме! — и привели в конечном счете к отходу от ленинизма. Изменяя, как говорится, последней воле покойного относительно прав на его наследие, ближайшие сподвижники затем изменили и суть этого наследия.

Сегодня много рассуждают о том, а что было бы, если бы вместо Сталина руководителем стал... И называют то Бухарина, то Рудзутака, то еще кого-то. Думается, что сами эти «гадания» — дань зашоренности, сохраняющаяся инерция сталинского мышления, если угодно. Ленин чувствовал угрозу раскола в партии, видел предпосылки для узурпации власти. Но он никого не назвал в качестве своего преемника в большевистские руководители, как теперь формулируют. Почему? Никого не видел? Так уж лучше было бы все же (при такой логике) предложить кого-нибудь из более демократичных членов Политбюро или ЦК, дабы не дать развернуться не умеющим «осторожно пользоваться... властью», «увлекающимся администраторством». Считать, что Ленин не умел выбраться из двух зол меньшее, — наивно. И все же почему никого не назвал? Перед ним же была плеяда очень разных, но неординарнейших личностей!

По нашему мнению, перед Лениным такой вопрос и не стоял. Он, безусловно, понимал свою роль, свое положение в партии, в государстве. И видя сложности становления социалистического демократизма, считал необходимым исключить на будущее вообще концентрацию власти в одних руках. Думается, что мы не ошибемся, если сделаем вывод: Ленин понимал, что, с одной стороны, заменить его нечем, а с другой — нельзя в принципе ставить партию и страну в зависимость от одного человека.

Мыслитель и политик, столько раз имевший возможность убеждаться, что без его понимания, воли, без комплекса всех его качеств не сделали бы то-то, проиграли там-то, он, безусловно, не видел себе равной замены. Весь дух «Политического завещания», то, что мы знаем о Ленине, свидетельствуют о его понимании: субъективного выхода из положения нет (он понимал, что уходит из жизни), а объективно — его и искать на субъективном, личностном пути не следует. Теоретик и практик революции, он и в вопросе о личной власти оставался диалектиком и трезвым аналитиком.

А теперь приведем список членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК, избранных 26 апреля 1923 г. на XII съезде РКП(б). В последнем составе высшего руко-

водства партии при жизни Ленина (кроме него) были Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, И. В. Сталин, М. П. Томский, Л. Д. Троцкий — члены Политбюро; Н. И. Бухарин, М. И. Калинин, В. М. Молотов, Я. Э. Рудзутак — кандидаты в члены Политбюро. После Ленина (2 июня 1924 г. на Пленуме ЦК, избранном XIII съездом партии) Политбюро ЦК остается в прежнем составе плюс Н. И. Бухарин, а кандидатами в члены Политбюро, помимо отмеченных выше, становятся Ф. Э. Дзержинский, Г. Я. Сокольников, М. В. Фрунзе.

Интересно выделить и следующее. Пять из десяти руководителей партии получают, даже по меркам партийного товарищества и откровенности того времени, весьма нелюбимые характеристики Ленина. Больше всего «досталось» Сталину — Генеральному секретарю. Документально «поиски» другого генсека после ознакомления с ленинским «Письмом к съезду» не подтверждаются²². Видимо, не будет большим отходом от истины предположение: «грубому», «капризному», «сосредоточившему в своих руках необъятную власть» Сталину не стоило чрезмерных усилий найти общий язык для принятия коллективного решения — по сути, не выполнять ленинские советы по кадровым вопросам. Ведь в сокрытии были заинтересованы и Троцкий, «чрезмерно хватающий самоуверенностью», отличающийся, по определению Ленина, «небольшевизмом», да еще вместе с самим Сталиным являющийся угрозой расколу партии. И Зиновьев с Каменевым, которым Ленин напомнил о «неслучайности» «октябрьского эпизода». И Бухарин, который, по ленинской характеристике, был схоластиком, теоретиком, «не понимающим вполне диалектики». А это, пожалуй, било по самому больному месту «любимчика партии». Да, Троцкий и Бухарин были и очень высоко оценены Лениным по своим способностям. Но не надо думать, что в высших эшелонах люди перестают быть людьми, лишаются эмоционально-психологической реакции, вкусов, пристрастий, амбиций. При решении же кадровых вопросов одна негативная черта (еще и подчеркнутая авторитетом) нередко решает судьбу, перевешивая десяток иных добродетелей.

Остановимся подробнее и на фактическом своеобразии реакции на «Письмо к съезду». Это уже документально. В. П. Наумов писал в «Правде»: «В литературе господствовало убеждение, что только в мае 1924 года, когда Крупская передала комиссии ЦК бумаги Ленина, — толь-

ко тогда стало известно содержание всех ленинских записей... Однако документы свидетельствуют о другом. О всех записях до 29 декабря, по крайней мере, Фотиева проинформировала Сталина и некоторых других членов Политбюро...

Следовательно, члены Политбюро и часть членов ЦК были осведомлены о строго секретных личных характеристиках, данных Лениным некоторым деятелям партии. Трудно себе представить, что они никак не реагировали на эти оценки.

О грубейшем нарушении воли Ленина ему не сообщили, понимая, какую это вызовет реакцию, и учитывая состояние его здоровья. И Владимир Ильич был твердо убежден, что завещание его сохранится до съезда партии в строжайшей тайне»²³.

Считаем необходимым подчеркнуть в этой связи: факты истории не стали вовремя ни фактами науки, ни фактами массового сознания. В данном случае прежде всего — ни достоинством политики, ни достоинством партии.

Как убеждают нас дальнейшие события, и в политической интерпретации «Письмо к съезду» вольно препарировалось тогдашними руководителями. Ленин надеялся, видимо не случайно, именно на съезд! Он не обращался к узкому кругу лидеров. И даже к ЦК. Не доверял? Это было его ближайшее окружение, высоко ценившиеся им люди. Но, по всей видимости, уже не был убежден в способности Политбюро ЦК в целом решить эти вопросы принципиально. Подтверждением тому — буквальный нажим на необходимость контроля со стороны масс за деятельностью высшей власти. Нажим, проходящий сквозь многие документы «завещания». Мы еще к этому вернемся.

Вероятно, Ленин понимал, что в данном случае могут сработать механизмы групповой психологии, группового эгоизма, неспособности подняться выше личных обид и интересов. Он апеллировал к съезду, к более широким кругам партийных товарищей. По его убеждению, в ЦК были нужны рабочие, которые не «прошли длинную советскую службу», которые еще не восприняли «известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться»²⁴. Но такого ЦК еще не было. И вся его надежда на съезд, на коммунистов, еще не оторвавшихся от масс. Этой темой начинается «Политическое завещание» — смотрите «Письмо к съезду». Этим оно и завершается — смотрите статью

«Лучше меньше, да лучше». И одно лишь утешение лично-интимного свойства, что ушел Владимир Ильич в мир иной с убеждением, что выполнят его волю, прислушаются к его последним словам.

Но давайте вновь вернемся к судьбе последних писем и статей. Прочитируем дальше тот же материал В. П. Наумова: «В комиссию (по разбору ленинских материалов.— В. Е.) входили Каменев, Сталин, Зиновьев и другие. Пленум ЦК 21 мая 1924 года по докладу Каменева принял решение провести оглашение „Письма к съезду“ не на заседании съезда, а по делегациям. При этом оговаривалось, что ленинские документы воспроизведению не подлежат. Поэтому опубликованы они не были.

Перед отдельными делегациями съезда выступали Каменев, Зиновьев, Сталин. В их интерпретации получалось, что Ленин говорил лишь о возможности перемещения Сталина с поста генсека. А ведь Ленин говорил не о возможности, а о способе перемещения. Для Ленина вопрос о возможности перемещения и не стоял. Он говорил об этом перемещении как вполне определенном, решенном деле. Судя по словам Каменева, на первый план выступали лишь личные качества характера Сталина.

После чтения документа Каменев заявлял, что Сталин учтет критику. И Сталин дал слово в полной мере учесть критику Ленина. Но дело-то, как мы уже убедились, не только в личных качествах характера генсека, а в том, что он сосредоточил в своих руках слишком большую власть...»²⁵. Далее у В. П. Наумова следует: «...и вряд ли смог пользоваться ею с осторожностью». Но все дело в том, что и это не тот акцент.

Ленин выступал против сосредоточения власти в чьих бы то ни было руках. Он искал механизмы контроля со стороны массы коммунистов, рабочих, крестьян за деятельностью ЦК партии, за работой Политбюро. За постоянный и обязательный контроль выступал Ленин, а не за частные (пусть даже на вершине пирамиды власти) перемещения. Вчитайтесь еще раз, как сейчас принято говорить, «в пакете» в «Письмо к съезду», в статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше».

И когда задумываешься над этими фактами из истории партии, Советского государства, то начинаешь понимать не только роль Ленина, но и его отношение к свое-

му месту в партии. Ту гигантски трудную попытку большого вождя поправить, исправить сложившиеся перекосы.

Важно и другое. Съезд партии не только не имел возможности вчитаться в ленинское обращение, внимая интерпретаторам идей создателя партии и государства, а не его словам, но он был уже подготовлен, как бы это сказать, к «философскому», сочувственно-абстрактному отношению к последней воле «отца-созидателя и мозга нашей партии» (выражение Л. Б. Красина).

Логика Ленина была, судя по всему, такова. Для съезда партии — «Письмо к съезду» с буквально ультимативными предложениями в вопросе о кадрах. Для всей партии, для всего рабочего класса, в том числе и для съезда, — «Как нам реорганизовать Рабкрин (Предложение XII съезду партии)». В последнем документе главное не частное — кадры, а вопрос вопросов — механизм партийно-государственного демократического управления. И что интересно. Он допускал (!) возможность пребывания Сталина в роли генсека при своей жизни, поскольку строго секретное «Письмо к съезду» могло быть вскрыто только после смерти. Но он безусловно требовал ограничить власть любой должности, поставить все этажи власти под контроль масс уже на ближайшем, XII съезде РКП(б). Независимо от состояния своего здоровья. А этого сделано и не было...

Съезды же партии и XII, и XIII были подготовлены к восприятию ленинских предложений как предложений больного человека! Политические игры, видимо, по своей сути предполагают сделку с совестью. С совестью погрешили, а в дальнейшем... В дальнейшем история разворачивалась так, как она разворачивалась. И как она теперь во многом уже и написана.

До публикации статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» в Центральном Комитете партии высказывались соображения о том, что, может быть, напечатать эту статью в номере газеты с тиражом... в одном экземпляре специально для Владимира Ильича, чтобы, дескать, не волновать, успокоить его. Но Ленин все же пастоял на своем (надо думать, и не подозревая о подобных «дискуссиях»! — В. Е.). И статья появилась в «Правде».

Но вскоре после ее публикации во все губкомы партии было направлено письмо Политбюро и Оргбюро. В этом циркуляре Политбюро и Оргбюро считали необходимым довести до сведения губкомов те обстоятельства, при каких написана статья, т. е. имелось в виду болез-

ненное состояние Владимира Ильича. В этом письме сообщалось, что Ленину из-за переутомления не разрешено читать газеты; что он не принимает участия в заседаниях Политбюро и ему не посылают протоколы (стало быть, оторвался от жизни и зря боится за то, что Политбюро, будучи вне контроля партийных масс, поведет дело не так.— В. Е.); что врачи сочли возможным ввиду невыносимости для него полной умственной бездеятельности вести нечто вроде дневника; что отдельные части этого дневника по указанию и настоянию самого Владимира Ильича появляются на страницах печати. Таким образом, недвусмысленно давалось понять, как следует относиться к этим ленинским работам.

Подписали это письмо 27 января 1923 г. Андреев, Бухарин, Дзержинский, Калинин, Каменев, Куйбышев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий²⁶.

Было бы, вероятно, несправедливо, необъективно всех подписавших заподозрить в корысти, в желании дезавуировать ленинские советы во имя продолжения концентрации власти в одном органе, в одних руках. Здесь можно только предполагать. Скорее всего, были и искренние позывы (но какие?), и уже осознанное понимание путей партийно-государственного строительства. Того, что мы называем сегодня административно-командной системой.

Но факты есть факты. И они заставляют еще и еще раз вдумываться в историческую канву, ими сплетаемую.

К «Письму к съезду» партия все же официально вернулась на XV съезде в 1927 г. Многие, видимо, спохватились. Ленинские идеи, предостережения перестали быть плодом больного воображения. Но ситуация была уже иная. К мыслям о механизме демократического контроля за властью, по сути, уже не вернулись. Решения съезда можно уже было не выполнять — «Письмо к съезду» опубликовали в закрытом бюллетене, тогда как съездом было предписано иное: приложить к стенограмме съезда и напечатать в Ленинском сборнике.

Это уже был 1927 год. Позади были «новая оппозиция», «антипартийный троцкистско-зиновьевский блок», впереди — «правый уклон». Троцкий, Зиновьев, Каменев были выведены из руководства. В том же году они исключаются из ВКП(б). Дзержинский и Фрунзе уже умерли.

Таковы факты нашей истории. Часть из них была изъята из научного оборота на долгие годы, часть была фальсифицирована. На искаженном фактическом мате-

риале строилась политика, формировалось сознание людей. Потому и сознание, представления масс и не могли быть в таких условиях также недеформированными, неискаженными. А для социализма объективно отражающее историю историческое сознание масс — фактор не просветительский, фактор политический.

Ныне в научной литературе, публицистике можно встретить различные определения сформировавшейся у нас в 30—50-е годы модели социализма. Казарменный, деформированный, военно-коммунистический, примитивно-утопический. И каждое определение верно оттеняет проблему. Но с точки зрения нашего интереса необходимо сказать и следующее. Это был идеалистический путь к идеалистическому, нереальному социализму. Ибо здесь игнорировались исторические и экономические законы, насиловалась действительность, над политикой довели схемы, тогда как ее призвана определять жизнь. Ф. Энгельс диагностировал подобные подходы со всей определенностью: «...Материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты»²⁷.

! Исторические альтернативы

История учит тому, как нельзя поступать. Она предупреждает бедами предков деяния потомков. Но опыт истории, ее уроки отнюдь не говорят о том, что если мы делаем не так, как ошибавшиеся предшественники, значит, мы действуем правильно. Это было бы верно, если бы в жизни всегда было только два пути. Выбор по принципу или — или. Но даже у сказочного камня богатырю предлагалось больше вариантов для раздумий, для принятия решения.

Наше достаточно подробное обращение к последним письмам и статьям Ленина содержит внутри себя большое количество вопросов, формулируемых по типу: а что бы было, если бы... Само внимание человека к истории практически всегда имеет под собой явный или скрытый поиск закономерностей и инвариантов. Особенно в переломное время, поскольку обостренный поиск на изломах эпох всегда связан с оценкой альтернативных путей. При этом каждая альтернатива проверяется «на прочность», в том числе с помощью ретроспекций, через об-

ращения к истории. Так настоящее, заглядывая в будущее, еще раз подтверждает связь с истоками, неразрывность с прошлым.

Наша социалистическая история имеет свои этапы, свои точки отсчета. Октябрь здесь занимает особое место. И написано о нем немало. Но вот что следовало бы иметь в виду. Великая Октябрьская социалистическая революция победила потому, что здесь в истории было уникальное сопряжение объективных и субъективных факторов. Среди объективных — экономические, социальные, политические, внутренние и международные. Среди субъективных (их тоже много и разных) есть один исключительный — Ленин.

Нельзя схематизировать и упрощать прошлое. Но для иллюстрации наших представлений о сути альтернатив в истории (это подчеркнем) уместно для краткости сформулировать так: Октября бы не было без Ленина; не было никого в большевистской партии кроме Ленина, кто бы мог столь решительно взять на вооружение эсеровскую аграрную программу и обеспечить поддержку революции крестьянством (в том числе в солдатских шинелях); революция вряд ли бы выстояла в период Брестского мира без Ленина; революция бы не выдержала и позже, когда Ленин сумел повернуть Россию к нэпу... Много этих «бы», но они реальны, с ними надо считаться, если мы хотим не заучивать учебники, а изучать и осмысливать историю. В том числе есть «бы» и несвершившиеся: если бы Ленин, большевики раньше поняли иллюзорность непосредственного перехода к коммунистическим принципам сумели вовремя осознать, что многие идеи марксизма XIX в. «не работают», если бы были выполнены и завещания Ленина о путях строительства социализма, и его последняя воля по кадровым вопросам...

Все это так, скажет читатель, но не следует ли из этого вывод: Октябрь был случайным явлением на российской почве и во всех последующих событиях, в том числе в бедах народных, виновен Октябрь, поскольку страна не была готова к социализму. Что ж, такие взгляды не новы. Уходить от подобных вопросов мы научились, как, впрочем, и полемизировали с такими заключениями. Есть, однако, необходимость вернуться к ним на нынешнем этапе — и с большим знанием, и с менее клишированным сознанием.

«Обвинения» Октябрю, большевикам, Ленину концентрируются в конечном счете сегодня вокруг проблем

демократизации и законности, экономической эффективности созданного социализма. Оставленные, даже очень важные вопросы — следствие указанных. И это понятно, поскольку здесь весь узел проблем и противоречий. О фальсификациях, предвзятом анализе мы сейчас не говорим. Это вопрос особый. История же в целом учит, что нельзя нецивилизованными средствами достигнуть цивилизованности. Это относится и к экономике, которую лишили экономических механизмов саморегулирования, и к социально-классовым отношениям, которые строились вопреки большинству народа, одобряя классовую борьбу и в теории, и в политике, и в сфере духовной жизни, которую преобразовывали и подвергали «селекциям» в ущерб традициям и культуре.

Не оказалось у руля революции теоретика и политика ленинских масштабов, и сама эта революция схематизировалась, примитивизировалась, не смогла без гигантских потерь выйти из нестандартных ситуаций, положений, создавшихся во многом субъективными факторами развития.

Но в таком случае не менее правомерен, чем предыдущие, и такой вопрос: а можно ли вообще допускать, чтобы от ума, воли, личных качеств и т. п. отдельной личности столь многое зависело? Ответ здесь может быть один — допускать нельзя. Механизмы хозяйствования призваны регулировать экономику, механизмы демократии — общественно-политическую жизнь и т. д. Что же касается такого явления, как гений, то оно достаточно редко, да и история, кажется, подтверждает пушкинское — несовместимы гений и злодейство. А вот относительно сильных личностей надо всегда помнить возможность их достаточно частого и не всегда предсказуемого воздействия на историю. Развитость демократическая, пожалуй, должна измеряться прежде всего именно тем, что власть не всевластна над народом.

Не чем иным, как небрежением истории, объясняется тот факт, что после всего ужаса сталинизма мы еще и еще раз падали и переживали культы и культики. Потребовался приход к руководству партией поколения, чья политическая биография начиналась и восходила на волне XX съезда КПСС, чтобы осознать истоки деформаций социализма и начать фундаментальную работу по ликвидации последствий деятельности руководства партии и государства, сформировавшегося к концу 20-х — в 30-е годы. Результирующая борьба внутри этих политических

«когорт» — и культ сталинского оскала, и культ, характеризующийся непоследовательностью так называемого периода «оттепели», и фарсовый культ периода застоя и деградации... Вот какова цена функционирования политических структур, которые начинали давать сбои даже при наличии такого лидера, как Ленин. Сам Ленин понял это, несмотря на практическое отсутствие мирного времени для социалистического строительства при его жизни. Но в этом трагедия и народа, и социализма, и его как политика, что он не успел создать систему, партию, жизнеспособные «при любых» обстоятельствах, а не только при нем. Вот почему, на наш взгляд, даже если подходить с позиций ленинских традиций взыскательности, критичности в оценках, надо говорить не столько о вине, сколько о беде Ленина и Октября.

А теперь попробуем подробнее поговорить об альтернативах, так занимающих научную мысль и общественное сознание сегодня.

Нередко можно встретить суждения (и они усилились после неудавшейся попытки уйти от сталинизма при Хрущеве, после усилий по реставрации покачнувшегося здания сталинизма при Брежневе), что нельзя ломать логику истории. Что коли существует некая заданность в развитии человеческой цивилизации: первобытнообщинный строй — рабовладельческий — феодализм — капитализм — и затем только социализм (коммунизм), то и следовало бы России пройти через переработку классическим буржуазным строем. А потом, мол, можно было думать и о новой формации.

Условности и «необязательности» в этой линии развития мы уже отмечали. Но вот что интересно: схематизировав марксизм, пытаясь оставить его в одном (вековечном) состоянии — на уровне знания и понимания истории в XIX — начале XX в., нам никак не удаются ни постижения уроков самой жизни, ни усвоение теоретических прозрений диалектико-материалистического учения.

Да, действительно, с точки зрения шаблонизированного подхода к историческому процессу Великий Октябрь был если не аномалией, то уж по меньшей мере нелогичным зигзагом, «вывертом» истории. И страна победившей социалистической революции была не самой развитой, и пролетариат победил, по сути, в одной отдельно взятой стране, и была эта страна мелкобуржуазной (крестьянской) по преимущественному составу на-

селения, и формы общественной жизни, институты общества, рождаемые капитализмом, здесь были еще не привиты до конца к древу государственности и народной жизни, и т. д. и т. п. Так вот, рассуждают некоторые, исходя из подобных посылок, надо было нам остановиться на этапе Февраля.

Таким образом (или примерно таким) формируются представления об одной из фундаментальных альтернатив состоявшейся и продолжающейся истории социализма. Альтернативе этой в умах политиков, рядовых участников событий, историков столько же лет, сколько самим Февралю и Октябрю. Октябрь, если хотите, даже моложе своей февральско-буржуазной альтернативы.

Давайте поразмышляем: а в самом деле, насколько предопределена и насколько случайна была социалистическая революция в России?

Научной литературы по Октябрю существует много. В ней содержится богатый исторический материал. Безусловно, еще немало предстоит сделать для более полного, по ряду проблем более правдивого освещения истории Великой Октябрьской социалистической революции. Для нашего же исследования смысла альтернатив в истории накопленного знания в принципе достаточно.

Итак, наше внимание сосредоточивается на восьми месяцах. На интереснейшем, уникальном периоде между Февралем и Октябрем.

Революционный взрыв, положивший конец монархии, не только не оказался одноразовым, он приобретает характер цепной реакции. Временное правительство (образ возможного руководителя и гаранта буржуазного развития России) не в состоянии овладеть ситуацией. Революционное движение в городе, в деревне, в армии не смогли возглавить ни буржуазные партии, ни социалистические (октябристы, кадеты, социалисты-революционеры, социал-демократы-меньшевики и т. д.). Народ в своей массе, этот настоящий творец истории, более требователен, более решительно настроен, более революционен, чтобы «остановиться» на этапе классической буржуазной революции. Двоевластие, роль Советов между Февралем и Октябрем — еще одно тому подтверждение.

И все же, может продолжить наш оппонент, если бы тогда-то и те-то сделали то-то... Что ж, разговор об альтернативных вариантах развития по сравнению с фактически сложившейся историей обязательно предполагает допуски, гипотезы, логический просчет несостоявшихся возможностей.

Вспомним некоторые факты. Отнюдь не демократические меры Временного правительства по отношению к выступлениям масс, до голода доведенная страна, преследование политически неудобных партий, включая закрытие газет, и т. д. Это все было до Октября. А корниловский мятеж, подавленный при помощи большевиков. Уход со II Всероссийского съезда Советов еще до его начала, до провозглашения Советской власти, меньшевиков, правых эсеров, бундовцев. Они ушли, прихватив деньги старого ВЦИК, огласив декларацию протеста «Против военного заговора и захвата власти», ушли не в массы, а к Краснову (где был и Керенский), войска которого двигались на восставший Петроград. Гражданская война была уже развязана силами с причудливым социально-политическим составом — монархисты, буржуазия, социалисты. Это, подчеркнем еще раз, происходило до победы Октября. А сразу же после провозглашения Советской власти — подлинный разворот белого движения — Корнилов, Каледин, Деникин, Лукомский... О некоторых из этих фактов напомнил читателям «Правды» Г. Л. Смирнов как раз в дискуссии об альтернативах в период Октября и после него²⁸.

Да, альтернативы Великой Октябрьской социалистической революции были. Но они не столь однозначны и не сводятся лишь к варианту мирного, спокойного, процветающего буржуазного развития, как кое-кому хотелось бы доказать. Это во-первых. Во-вторых, всякая альтернатива, любой вариант исторического развития обеспечивается сопряжением соответствующих объективных и субъективных факторов. Какими же факторами был обеспечен Октябрь?

Октябрь был обеспечен движением революционных народных масс. Это произошло в социалистическом Октябре потому, что социалистическая революция и мыслима только как народная, только как последовательнейшим образом проводящая в жизнь демократические требования масс. К социализму через демократию, социализм как демократия для большинства — вот что цементировало принципиальные линии революции. Они концентрировались в наиболее короткой и доступной форме — в лозунгах: фабрики — рабочим, землю — крестьянам, мир — народам. А для этого — власть Советам.

Объективная потребность проведения в жизнь этих требований подняла народ. Правильно понятые интересы народа обеспечили большевикам, Советской власти под-

держку в гражданской войне, в борьбе против иностранной интервенции. Все остальное может быть правильно понято только через призму этих фактов. Резюмировать можно и так: февральская альтернатива Октябрю была обречена на неудачу и предыдущим, дофевральским развитием страны, и вытекающей из особенностей этого развития политикой, которую проводило Временное правительство. Можно дискутировать и дальше, но пусть попробуют оппоненты большевиков сначала опровергнуть этот вывод.

А как же, спросит читатель, сделанные выше акценты на том, что без Ленина не было бы Октября, мы бы не выстояли и пр.? С одной стороны, объективные истоки победы, с другой — субъективные, с точки зрения истории случайные, незакономерные.

На наш взгляд, водораздел здесь проходит вот где. Вспомните уход социалистических партий, кроме большевиков и левых эсеров, со II Всероссийского съезда Советов. Вспомните развязанную силами старого мира гражданскую войну. Вспомните попытки справиться с народом военными средствами, поскольку овладеть ситуацией буржуазно-социалистические лидеры Февраля иначе не могли. И если все это вместе (и другие подобные аргументы) иметь в виду, то следует сделать вывод: социалистическая революция в России была неизбежна. Она по самой логике развития революционного процесса стала фактом истории. Другое дело, без субъективного фактора, имя которому Ленин, могло и не быть победоносного (в своем конечном итоге) Октября. Можно было взять власть в руки Советов, но не получить затем поддержки многомиллионной, преимущественно крестьянской России, не выстоять в условиях, близких к Бресту, не найти выхода из экономических перенапряжений, как это удалось при переходе к нэпу, и т. п.

Таким образом, из всех вариантов, имевшихся в истории России в 1917 г., наиболее обеспеченным и объективным ходом событий и субъективными действиями классов, партий, политических лидеров оказался вариант социалистического Октября. Причем именно победоносной социалистической революции. Более того, надо иметь в виду, что объективное и субъективное не изолированы друг от друга. Революционные действия субъектов истории — классов, партий, политических деятелей — имеют объективизированный характер. Самым ярким и убедительным образом это проявляется даже не в действиях,

а в результатах, которые предопределяют, диктует дальнейшее поведение масс и политику. Альтернативы Октябрю не состоялись не по злему умыслу, а в силу своей меньшей обеспеченности в реальной российской истории. И в рассуждениях о том, какова бы была Россия, если бы не было Октября, убедительности не больше, чем в доводах об ином социализме, который бы мы построили, пойдя история по-другому со второй половины 20-х годов.

Альтернативы в истории — это не только познаватель-но интересная научная проблема. Это и часто узел напряжения в общественном сознании. Поэтому надо не уходить от их рассмотрения, как делалось еще недавно, а, напротив, вовремя вскрывать, пытаться понять, познать смысл инвариантов. Хотелось бы подчеркнуть момент своевременности. Он очень необходим — своевременный научный анализ, незапоздалое уяснение людьми сложных перипетий истории, поскольку обращение к прошлому — это всегда не только рациональное, но и эмоциональное. Нельзя под предлогом необходимости пощадить самочувствие человека, групп людей, поколений и наций оставлять сложные исторические вопросы «камнем, лежащим на сердце». Облегчение, через какое бы страдание оно ни проходило, может «состояться» только через знание, через освобождение от груза недосказанного, недодуманного, только через очищение.

Размышления, аналогичные этим, буквально переполняют общественное сознание, общественную психологию. Люди, совсем еще недавно далекие от интереса к истории, к политике, спорят, сопоставляют, ищут ответы на жгучие вопросы прошлого и настоящего. И так уж предопределила история, большинство раздумий современников так или иначе концентрируется вокруг того, что же происходило с нами в 30—50-е годы? Каковы истоки и последствия того давнего и одновременно близкого периода? Наше обращение к ним — не только еще одна попытка разобраться в исторически конкретном, но и приглашение к продолжению разговора об альтернативах в истории вообще.

В обзоре новейшей исторической литературы, опубликованном в журнале «Вопросы истории КПСС» № 5 за 1989 г., А. В. Бедовым сделан краткий экскурс и по линиям рассмотрения интересующего нас вопроса. «Проблема альтернатив в историческом процессе, — пишет он, — исследована еще слабо. Долгое время считалось, что, так как история не имеет сослагательного наклонения, выбор,

сделанный ею, неподсуден — задача науки лишь объяснить, что он был единственно возможным. При таком подходе неизбежен исторический фатализм, чуждый марксизму-ленинизму»²⁹. И это верно. Но только эта констатация и только на ее основе строящееся изучение исторических альтернатив не освобождают нас от недопонимания того, что же такое альтернативы.

В продолжение уже сказанного по данному вопросу считаем необходимым подчеркнуть и следующее. Видимо, надо рассматривать проблему исторических альтернатив не только через призму их объективной и субъективной обеспеченности. Такой подход принципиален, он, пожалуй, оттеняет суть, но не вскрывает всех сложностей исторических переплетений, практически изначально снимает вопрос о зарождавшихся, развивавшихся, но нереализовавшихся альтернативах. Хотя и предполагает, констатирует их наличие.

Думается, будет правильно, если не останутся без внимания науки и альтернативы, только обозначавшиеся социально-исторической практикой масс или научно-теоретической, политической мыслью данной эпохи. В конечном счете лишь для истории ясно, какие альтернативы оказались обеспеченными, какие нет, что из зарождавшегося, намечавшегося имело перспективы, а что «завяло на корню». Кроме того, утверждающие себя в истории варианты развития обладают эффектом «снежного кома». Они по этому «закону» отторгают инварианты, прокладывают свою единственную дорогу. Они по этому «закону» «пытаются диктовать» и будущим историкам, заслоняя все остальное, представляя истории этот путь как заданный, ведущий именно к данному результату. И если правдивому, объективному изучению минувшей и текущей истории (прошлого и настоящего) такие представления могут и не повредить (это маловероятно), то вот для изучения истории и современности во имя выработки правильной политики, прогнозирования будущего забвение инвариантов чревато серьезными ошибками.

В этой связи следует согласиться с мнением А. С. Ципко, который в свое время еще в дискуссионном порядке отмечал: «Да, высшим, главным критерием общественного прогресса может быть только высшая ценность истории. Нельзя оценить жизнь и достижения того или иного общества, не обладая представлением о том, что есть самое важное и главное в истории, что составляет сущность и назначение человека. Но это не озна-

чает, что мы должны оценивать прошлое и настоящее только с помощью будущего, что высшим критерием прогресса, как пишет, к примеру, Р. В. Петропавловский, становится коммунизм, что «...меру прогрессивности того или иного общества следует определять по тому, насколько оно способствует коммунизму как цели истории... Поэтому измерение прогресса не есть оценка настоящего и прошлого с помощью социального идеала Будущей подлинной жизни, а сопоставление той или иной формы социальной жизни с сущностью самой социальной жизни»³⁰. Вспомним здесь еще раз мысль Маркса о том, что новейшая ступень развития, как правило, рассматривает прошлое как путь к себе и только при определенных условиях «способна к самокритике»³¹.

Альтернативы необходимо изучать не только конкретно-исторически. Такой подход обязателен для диалектико-материалистического исследования любого объекта. Альтернативы интересны для человечества («полезны» в этом смысле) не только в собственно историческом плане, но и в футурологическом. Может быть, и беды наши во многом произошли от того, что футурология (прогнозирование) больше покоилась на социальных утопиях, а не на сопоставлении реальных альтернатив на путях к идеалу. Альтернативы преодолевались политически. И это понятно. Но они плохо перерабатывались теоретически, отбрасываясь в пользу утопической схемы. Продолжая предложенное сравнение, скажем так: «снежный ком» одного набирающего силу, начинающего доминировать варианта превращался в железный каток истории. А уж каток «гладит», выравнивая все, не оставляя под и за собой ничего живого. И живой, т. е. подлинной, богатой, противоречивой истории тоже.

Но вернемся к нашей давней и близкой истории. Попробуем показать наше понимание исторических альтернатив на развернутом примере.

В поисках альтернатив сталинизму историки, философы, политики, публицисты проходят как бы по двум уровням. Разумеется, они связаны. Первый — была ли альтернатива Сталину? Второй — была ли альтернатива построенной модели социализма? Первый своими корнями уходит к трактовке сущности культа личности и глубине деформаций, данной на XX съезде КПСС, второй, по сути, уже новое качество.

Пожалуй, на сегодняшний день одна из самых серьезных работ — это книга Л. А. Гордона и Э. В. Клопова

«Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы». В ней уделено много внимания альтернативному плану Н. И. Бухарина, поддержанному А. И. Рыковым, М. П. Томским, Н. А. Углановым. Суть этого плана — сохранение и развитие нэпа и принципов товарно-денежных отношений³². Однако книга Гордона и Клопова шире по содержанию. И альтернативы в ней рассматриваются не только по схеме Сталин — Бухарин. Авторы идут дальше. Они и по ходу реализации сталинской политики анализируют варианты, возможные подходы, существовавшие альтернативы.

Л. А. Гордон и Э. В. Клопов справедливо выделяют такой момент, как не только возможность, но и неизбежность противостояния различных вариантов социально-экономической стратегии в конце 20-х — начале 30-х годов. Это было связано с задачами, стоящими перед обществом, и объективной обстановкой, в которой им приходилось решать.

Важны и такие выводы исследователей. Состояние производительных сил диктовало необходимость индустриализации. Социально-экономическое и общественно-политическое развитие открывало возможность осуществления индустриализации в ходе социалистических преобразований. Причем именно социалистический путь предполагает сознательный выбор вариантов политики, стратегии и тактики (в отличие от стихийного характера капиталистической индустриализации). Здесь есть для этого политическая власть, владеющая ключевыми финансово-экономическими механизмами³³.

«Даже если руководители советского общества в конце 20-х годов не обладали еще большим историческим опытом и не представляли себе всего многообразия путей социалистического строительства, сама объективная возможность подобного многообразия создавала условия, в которых неизбежно выдвигались различные варианты социально-экономической стратегии и возникала ситуация выбора. Ситуация эта дополнительно обострялась достаточно сложным строением социальных и политических сил, выступавших за социалистические индустриальные преобразования. В СССР борьбу за социализм активно поддерживали и городские промышленные рабочие, и деревенская беднота, и кадры, партийно-государственного аппарата, и комсомольская молодежь. Будучи едины в главном, эти группы далеко не были тождественны по

своим текущим предпочтениям, опыту, культуре, непосредственным интересам и устремлениям»³⁴.

Далее авторы кратко анализируют сложную международную обстановку, в которой и рождались альтернативы социалистического строительства, и побеждали определенные его варианты. Общий вывод об отсутствии реальной возможности военного конфликта в конце 20-х годов подкрепляется весьма исторически точным замечанием, что «для понимания политической ситуации того времени важно не только объективное положение, но и его тогдашнее субъективное восприятие. Так или иначе, в сознании большинства партийных деятелей, в сознании партийной массы, да и в общенародном сознании жило представление о военной угрозе. Когда В. В. Маяковский в 1927 г. писал: „Раскрыл я тихим шорохом глаза страниц... и потянуло порохом от всех границ“, — он передавал ощущение миллионов и миллионов людей. „Запах пороха“ был социально-политической реальностью того времени»³⁵.

Читатель и в цитируемой подробно книге, и в других работах найдет сегодня для себя немало документального, статистического материала. В основном, в главном нам, пожалуй, ясны причины выбора командной, казарменной модели социализма, трагедии российской деревни, извращений национальной политики, удушения инакомыслия, пролеткультовского разрушения культуры, причины поражения одних и торжества других политических сил. И в обобщающем плане необходимо присоединиться к выводу: «В принципе социализм мог созидаться у нас как на путях форсированной индустриализации и коллективизации (итоги форсирования не свидетельствуют только об их вынужденности и полезности для достижения СССР политико-экономической и военно-стратегической неуязвимости, как убедительно показано новейшими исследованиями, в том числе Гордоном и Клоповым. — В. Е.), так и в рамках сохранения нэпа и плавного кооперирования деревни. Но конкретно-исторические условия, отсталость страны и военная угроза делали выбор форсированной стратегии много более вероятным, чем принятие линии плавного развития. Абстрактно говоря, форсированную индустриализацию можно вести и с помощью демократического централизма, и на базе авторитарного, недемократического централизма... Но в советском обществе 30-х годов с его культурой и традициями, с реальными политическими деятелями того времени,

с фигурой Сталина во главе партии предотвращение деспотических форм авторитарности после перехода к авторитарному режиму вообще было почти невероятным»³⁶.

И последнее, что хотелось бы отметить в книге «Что это было?». Авторы довольно часто обращаются к внутренним пружинам возможностей и развития альтернатив. Здесь мысли о порождении альтернатив в обстановке противоречий, о противоположности, напряженности между вариантами одного базового, социалистического развития, о моменте неопределенности, неизбежном при анализе неосуществившихся вариантов, об отсутствии механистического детерминизма в истории, когда неосуществленная альтернатива обязательно должна быть и неосуществимой в принципе, и др.³⁷.

Гордон и Клопов решительно выступили против исторических выводов, делающихся по логике «было и то и другое», что будто бы в период сталинизма «мирно сосуществовали добро и зло», а относительно конкретных сложных явлений следует судить по принципу «с одной стороны — с другой стороны»³⁸. Однако они же, отмечая безусловно значительное из свершенного советским народом в 30—40-е годы, пишут, что «...политическому порядку и политическому руководству, управлявшему советским обществом в 30—40-е годы, принадлежит своя доля заслуг в достижениях эпохи. Этому выводу противится нравственное чувство, отягощенное сегодняшним нашим знанием о некомпетентности, ошибках, прямых преступлениях многих деятелей того времени. Но в честном устремлении понять прошлое этого вывода не избежать»³⁹. Что же это, от чего ушли, к тому же пришли? И все-таки, думается, нет.

Одним из первых резко выступил против взгляда на историю по принципу «было и то и другое» Ю. Н. Афанасьев. Он верно подметил имеющееся в обществе стремление: вынужденно уходя от сфальсифицированного представления о прошлом, цепляться за последние линии обороны сталинизма. Не получается оставить в прошлом только «славное», значит, сосуществовали добро и зло. Не удастся характеризовать политических деятелей, их доктрины лишь на уровне ярлыков, значит, кое с чем согласимся, уберем однозное, но во что бы то ни стало не допустим самой возможности более глубокого прочтения и тем более переосмысления. Или еще вариант: «В последнее время,— писал он,— появился и отрабатывается еще один прием — попытка создать в общест-

венном сознании советских людей эдакий образ-гибрид, политический симбиоз, состоящий из двух половин: «с одной стороны — с другой стороны». С одной стороны, массовые репрессии и преступления, с другой — каждодневная радость и рекорды. И никакого очернительства нашего славного прошлого!

...Арифметическое сложение из «с одной стороны — с другой стороны», конечно, никогда не будет способствовать синтетическому постижению прошлого. Здесь необходимо нечто гораздо большее. Преодолеть прошлое — значит понять его, сделать своим, пропустить через себя, вступить в диалог на равных со всеми, со всеми без исключения, с «хорошими» и с «плохими» нашими предками. А это значит: совершить нечто вроде коллективного морального очищения. И мы, конечно же, не сможем продвинуться вперед, если вместо ползучих, постепенно и как бы свершаемых тайно, на брежневский манер, попыток реабилитировать Сталина, а вместе с тем реанимировать и сталинизм, будем сейчас, как некоторые это пытаются сделать, возлагать всю ответственность за наше общенародное горе только на одного Сталина». И затем еще одно существенное для нашего анализа: «В частности, следует обратить внимание на необходимость историзировать наше прошлое, деидеологизировать историю»⁴⁰.

Здесь мы обращаем внимание на призыв ни за что не отказываться от нравственных, политических оценок, без чего, согласны, не может быть отношения к прошлому. Ни схематизированного, ни синтетического. И идея историзации, деидеологизации исторического знания. Это важно в принципе. Но важнее вдвойне при анализе исторических альтернатив.

Добавим еще раз к разговору об альтернативах в истории: их изучение возможно и необходимо. И всякое обращение к альтернативам, к их борьбе, к противоречиям, победам и бедам, на которых лежит отпечаток узурпированной истории, отвергнутых вариантов, как бы внутренне тяготеет к тому, что, мол, было и то и это. Но на таком пути историю не познать, уроки не усвоить. Не желание «раздать всем сестрам по серьгам» должно двигать науку, а стремление понять истинный смысл происходившего, выявление ведущей тенденции. Во всех сложностях и во всех красках. А в богатой и противоречивой истории и варианты развития многоцветны. Другое дело, что несостоявшиеся альтернативы практически

всегда выглядят чище, кажутся лучше, привлекательнее. По ним, как правило, проходила только рука создававшего, формулировавшего и их меньше, чем реализованный выбор, рисовала на картине прошлого сама жизнь. Радостная и трагическая, несущая и возвышенное и пизменное.

История всем воздаст должное. И служившим возвышенному, и «продавшим душу дьяволу». В одном человеке, как бы этого кому ни хотелось, эти два начала одновременно не уживаются. Хотя и «бог» нередко на блюдет отстраненно за торжеством несправедливости. И «дьявол», бывает, не мешает добродетелям.

Но вернемся вновь к истокам нашей истории. К истокам и альтернативных поисков на социалистическом пути. Был ли все же иной, демократический (т. е. истинный), не административно-командный вариант первого в истории утверждения социализма на практике? Не гипотетически. В таком качестве он не нуждается в доказательствах. А реальный, обеспечиваемый и объективно и субъективно демократический путь социалистического строительства?

Немало эмоций было выплеснуто, главным образом в публицистике, по поводу альтернативы Н. И. Бухарина. И это вполне понятно. Общественному сознанию в короткий срок пришлось преодолеть путь, который в естественном, не зажатом сталинско-брежневскими тисками состоянии можно было пройти путем последовательного изучения, дискуссий, осмысления. Более демократичная по сравнению со Сталиным фигура Бухарина не могла не вызвать симпатии людей. Надо еще учесть и то, что находившаяся под запретом для исследователей, вызывающая сострадание человеческая судьба этой незаурядной личности отчасти предопределяла на первом этапе наличие элементов преувеличения в трактовке возможностей и последствий реализации бухаринских идей. Но проходило время. Множились публикации. Достоянием читателей стали произведения самого Бухарина. А убедительного противостояния Сталину не получалось. Наступало отрезвление. Наше понимание все больше приближалось к адекватному отражению исторических реалий: Бухарин — не Сталин, но, будучи отличным от последнего политическим деятелем, он не был последовательным и твердым оппонентом сталинскому курсу.

Такая констатация в то же время должна иметь некоторые уточнения. Да, мы знаем немало высказываний

Бухарина, свидетельствующих о том, что он вполне разделял жесткие, нередко жестокие принципы политики, проводившиеся политическим руководством, оказавшимся неспособным отойти окончательно от логики действий военного времени. Но он почти во всем, не будучи последовательным демократом, был демократичнее, мягче, чем Сталин. И в понимании темпов и методов индустриализации. И в подходах к коллективизации. И в отношении к «старым» специалистам, к интеллигенции. И, что, может быть, особенно важно, он был более способен признавать ошибки. Умозрительный прогноз относительно характера политической линии в случае победы Бухарина, Рыкова, Томского над Сталиным и его сторонниками, конечно, выглядит значительно более благоприятно. Хотя надо бы добавить: это восприятие на фоне ужаса свершенных под руководством Сталина преступлений.

В целом, на наш взгляд, эту альтернативу сталинизму емко охарактеризовал Г. Х. Попов: «Модель Н. И. Бухарина была, я бы назвал, полуальтернативой Административной Системе. Дело в том, что в этой модели социалистическая альтернатива не была заложена как единственно возможная. В этой модели остается неясным, как долго и, главное, почему государство останется пролетарским по целям, методам и составу кадров, если пролетариат перестал быть пролетариатом, если господствует крестьянство и десятки лет нет подлинного экономического базиса для социализма. Неясно, на сколько лет в таких условиях сохранится та природа надстройки, которая возникла в ходе революции. Была в этой модели и непролетарская перспектива, так как нельзя было однозначно предполагать, что составляющее гигантское большинство страны — крестьянство, став экономически самостоятельным классом, на долгие годы автоматически смирится с предназначенной ему в модели Н. И. Бухарина ролью подчиненного младшего союзника пролетариата и его партии. Поэтому вполне реальны были опасения И. В. Сталина и его группы в части того, что, добившись большинства в Советах, крестьяне начнут добиваться и более серьезных перемен — во всяком случае, в направлении устранения из аппарата всех кадров, сделавших карьеру на продразверстке и комбедах, собирающихся использовать село как топливо при выплавке социализма. И наконец, нельзя не заметить, что и в модели Н. И. Бухарина именно власть руководит развитием, а тут не исключена Административная Система. Очень Примеча-

тельно, что сам Н. И. Бухарин при первых же успехах ускоренной индустриализации и форсированной коллективизации публично на XVI съезде признал правоту сталинской модели. Судя по всему, за свою модель он выступал из-за больше всего пугавшей его опасности всеобщего крестьянского восстания против большевиков»⁴¹.

Соглашаясь в принципе с Г. Х. Поповым, мы все же считаем необходимым подчеркнуть: основная ошибка и основная, общая, базовая модель и у Сталина, и у Бухарина, и у Троцкого была одна. В ее основе лежали достижения социалистической мысли к началу 20-х годов. Именно к самому началу. Социализм представлялся строем, в котором доминирует один класс — классический пролетариат, деревня идет за городом, а в конечном счете копирует его и по формам собственности, и по формам организации труда, и по устройству жизни вообще. Все осуществляется «сверху» под руководством социалистического государства, партий, которая уже наперед знает, что такое коммунизм, и вводит, мягко говоря, все общество в безупречную и идеальную схему социально-экономического и политического устройства.

Странно, но Попов, пытаясь найти альтернативу сталинскому варианту, почему-то никак не хочет внимательнее присмотреться к ленинскому варианту. В его «сформулированном» виде, в первых шагах его практического воплощения, в выходах, в изменениях, предлагавшихся «поздним» Лениным. Социализм в ленинском варианте предстает застывшим, на него проецируется опыт сталинизма. Но это и не научно, и не исторично. Повторим: анализ альтернатив всегда идет в значительной мере на уровне прогноза, гипотез. Так почему надо отказываться в этом нереализованному, но вызревавшему ленинскому варианту?

И еще одно в этой же связи. Бухаринская альтернатива, как мы ее понимаем, была не только полуальтернативой сталинизму. Она еще была и полуленинской, ибо Бухарин, Рыков и их соратники искренне хотели довести до конца начатое на практике при Ленине. Но они не поняли и не развили теоретические прозрения, прогнозистические идеи Ленина-теоретика, шлифовавшего, корректировавшего свои же предыдущие представления. Однако при констатации этого следует иметь в виду, что в случае утверждения в качестве руководителей не команды Сталина, а команды Бухарина — Рыкова была бóль-

шая вероятность интересных, плодотворных теоретических прорывов в научном социализме. Ибо здесь власть была бы в руках тех, кто, судя по всему, не противился инакомыслию, допускал дискуссии, кто был более способен создать творческую, демократическую обстановку в партии и в стране. Без такого понимания отношение к бухаринской альтернативе и не полно, и не справедливо. А с другой стороны, подобный подход как бы изначально «ставит крест» на демократических возможностях российского социализма. Они же были. Они были заложены и гарантированы не только тем, что связано с именем Ленина. Но и тем, что связано с именем Бухарина, Рыкова, Томского. Меньшая же обеспеченность этого пути последними в конечном счете и предопределила трагедию социализма. И их личную трагедию как часть большой общенародной, общепартийной.

Убеждены, что для подобных заключений есть факты, есть доказательства. Это «не гадание на кофейной гуще», как часто происходит при обсуждении альтернатив. Достаточно для подтверждения правомерности такого взгляда посмотреть не на единичные высказывания, а на линию, на концепцию Бухарина. Здесь его протесты против бюрократизации, засилья аппарата, администрирования и при жизни Ленина, и во время его болезни, и в периоды борьбы с троцкизмом, и тогда, когда Бухарин был одним из лидеров так называемого «правого уклона»⁴². Другое дело, у Бухарина не нашли продолжения ленинские идеи о развитии, обогащении, утверждении демократических механизмов при социализме. И это еще раз подтверждает сказанное выше.

Размышляя над этим, еще раз понимаешь: насколько далеки были от Ленина его соратники. Ученики, товарищи, не воспринявшие идей союза с крестьянством, союза как не временного соглашения, а как формы пролетарской диктатуры в России вплоть до отмирания пролетарского государства. Ученики, товарищи, шедшие за схемами и доктринами, а не за жизнью. Но если доктрины большевизма правились, корректировались жизнью при Ленине и благодаря Ленину, то после его смерти они застыли. В этом была, увы, жестокая предопределенность истории: вспомним — Ленин, давая характеристики большевистским вождям в «Письме к съезду», не считал возможным никого отметить в качестве творчески, диалектически мыслящего теоретика!

Что же касается альтернативы Н. И. Бухарина, отметим еще один момент. По давней российской традиции — нет пророков в своем Отечестве — мы, видимо, не давая свободно мыслить соотечественникам, подпали на какое-то время под влияние Стивена Козна, исследователя действительно хорошего. Поиски наших обществоведов и публицистов шли как бы «по указаниям» Козна. Надоели старые доморощенные директивы, а свободно мыслить еще не привыкли. Современность взгляда стала кое у кого ассоциироваться с абсолютным отказом от существовавших ранее взглядов. И первый всплеск интереса к Бухарину (и шире — к целому этапу истории) вполне прошел по козновскому сценарию: «История подчас помнит своих главных актеров не за то, за что следовало бы. В течение многих лет после смерти Бухарина он ассоциировался в западном политическом сознании не с его ролью в большевистской партии и не с тем, что он представлял в советской истории, а почти исключительно с показательным процессом 1938 г. ...

Достоверного описания расстрела Бухарина не существует. Согласно рассказу, ходившему по Москве, Бухарин и Рыков умерли с проклятиями Сталину на устах...»

Правдива эта версия или нет, она принесла утешение тем в Советском Союзе и за его пределами, кто оплакивал кончину Бухарина и русского большевизма.

...Вывод о том, что взгляды Бухарина займут когда-нибудь господствующее положение в кругах советских историков, подсказывается не только общим направлением пересмотра истории во времена Хрущева, но и растущим числом неподцензурных изданий. Критический разбор сталинизма, являющийся частью попыток реформаторов отыскать в прошлом Советского Союза подлинную несталинскую традицию, продолжается со второй половины 60-х годов именно в таких публикациях. Неказенно мыслящие марксисты-ленинцы, к числу которых принадлежат и дети нескольких погибших бухаринцев и других большевиков, возродили и здесь бухаринскую традицию. Иные из них категорически утверждают, что политика Бухарина в области сельского хозяйства была «единственно правильной в противовес неправильной политике Сталина». Другие просто вторят его критике «нереалистической и авантюристической» политики Сталина, клеймят сталинский «казарменный коммунизм» и заключают вслед за Бухариным, что «без Сталина мы, несомненно, смогли бы достигнуть значительно больших успехов».

Хотя эти вопросы относятся к области истории, они, как мы видим, и сегодня имеют большое значение. С политической точки зрения будущее репутации Бухарина и всего того, что он представлял в большевистской революции, зависит в основном от судьбы коммунистических реформаторов, особенно в Советском Союзе. Если реформы будут отвергнуты, о бухаринизме будут, скорее всего, вспоминать как об изолированном всплеске в истории революции, о неудачной альтернативе сталинизму в деле модернизации и формирования Советской России. Если, с другой стороны, реформам дано будет создать более либеральный коммунизм, «социализм с человеческим лицом», взгляды Бухарина и отстаивавшийся им непковский порядок покажутся в конце концов истинным образом коммунистического будущего — «альтернативой сталинизму после Сталина»⁴³.

С. Коэн в последнем прогнозе неоригинален. Над ним довлеет, как бы то ни было, тезис о том, что Сталин — верный ученик Ленина. Но это не так. И вернее будет сказать: Бухарин, Рыков, Томский не смогли обеспечить изначальное недопущение сталинской альтернативы ленинским подходам к тому, что Коэн называет «либеральным коммунизмом», «социализмом с человеческим лицом». Разница, как видим, существенная.

В многочисленных публикациях так или иначе затрагивается и проблема альтернативы, связанной с именем Л. Д. Троцкого. Отказываясь от ярлыкового подхода к теории, к политике, к истории как таковой, надо признать, что троцкизм — это не «социал-фашизм» и не «социал-предательство», как утверждалось начиная с 30-х годов. И ленинская характеристика воззрений Троцкого как меньшевистских отнюдь не означает, что он в основном не разделял марксистских убеждений или не был видным руководителем Октября. Факты говорят о другом. Да и попросту невозможно себе представить, чтобы Ленин был способен работать рядом с явным врагом, да еще и доверять ему. Но нельзя грешить перед историей и в другую сторону — рассматривать Троцкого не как такового, а как только оппонента Сталину. Да и вопрос еще: в чем был и не был он оппонентом Сталину как политик, а не как теоретик и литератор в изгнании.

Слово правды о Троцком немислимо без выводов о сути его теоретических воззрений и политических предпочтений. Настоящее изучение политической биографии Троцкого и троцкизма в нашей историографии еще впе-

реди. Исходя же из задач данной книги, считаем возможным ограничиться двумя оценками. Р. А. Медведев отмечает: «Хотя и Троцкий, и Зиновьев, и Каменев высказывали в ходе этой борьбы (внутрипартийные дискуссии 1923—1927 гг.— В. Е.) немало верных суждений, их общая линия не была верна и могла бы повести к быстрому свертыванию политики НЭПа и нарушению союза рабочего класса и крестьянства. Хорошо известно также, что основную часть этой троцкистской политики вскоре взял на вооружение сам Сталин и осуществил ее с такой невероятной жесткостью, на которую, по-видимому, был бы не способен и сам Троцкий»⁴⁴. Согласны и мы с этим «по-видимому», но только с той оговоркой, о которой, возможно, помнит читатель: несостоявшиеся альтернативы обычно предстают перед потомками в авторском исполнении и в этом смысле идеальном. Демократизм и гуманизм по отношению к Троцкому эпитеты, мягко говоря, безусловные.

И приведем здесь же лаконичное и, по нашему мнению, справедливое заключение Г. Х. Попова: «Модель Л. Д. Троцкого и ее варианты ... альтернативами считать нельзя. По сути, это все та же Административная Система»⁴⁵.

А теперь обратимся к Троцкому и к одному из его виднейших биографов — И. Дойчеру, глава из книги которого «Пророк в изгнании» была опубликована в начале 1989 г. в «Иностранной литературе». Любопытно, например, заявление самого Л. Д. Троцкого на суде, им самим организованном в ответ на политические процессы в Москве. Контрпроцесс проходил в 1937 г. В последнем слове 17 апреля Троцкий сказал, что «либо он и почти все члены ленинского Политбюро предали коммунизм и Советскую власть, в чем их обвиняют в Москве, либо Сталин и члены его Политбюро лгут. Третьего не дано»⁴⁶. Но было и третье. Есть еще правда истории, которая не была написана ни Сталиным, ни Троцким. Да, в Москве лгали, фальсифицировали и перекраивали историю всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Но и измена ленинских соратников (а к ним относится и сам Троцкий) Ленину, ленинизму была. Разница лишь в том, что Троцкий служил как практик казарменному социализму по 1927 г., а Сталин по 1953-й.

Небезынтересно читателю будет познакомиться и с концовкой речи Троцкого на этом контрпроцессе. «Закончил Троцкий апофеозом Октябрьской революции и ком-

мунизму. Даже при Сталине, отметил он, несмотря на все ужасы репрессий, советское общество по-прежнему являло собой величайший прогресс в социальной организации, когда-либо достигнутый человечеством. В трагическом перерождении большевизма надо винить не революцию, а то, что она не сумела распространиться за пределы России. В настоящее же время перед советским рабочим классом стоит выбор между Гитлером и Сталиным. Рабочие предпочли Сталина и были в этом правы: «Лучше Сталин, чем Гитлер». До тех пор, пока не явится иной альтернативы, рабочие сохраняют апатию даже перед лицом чудовищного правления Сталина. Но они воспрянут от этой апатии при малейшем проблеске надежды на новые победы социализма за рубежом»⁴⁷.

Как видим, Троцкий до конца своих дней оставался верен своим взглядам. Вряд ли приходится сомневаться, что он, не задумываясь, бросил бы страну в пучину войны, дабы реализовать саму установку: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови — Господи, благослови!»⁴⁸ И различие с ленинизмом в этой альтернативе не в вере или неверии в мировую революцию. Граница проходит там, где выступают антиподами авантюризм и реализм, здравый смысл.

Отвлечемся, но ненадолго, чтобы хотя бы кратко высказаться и в связи с бытующими, достаточно распространенными иллюзиями относительно демократизма мышления лидеров-интеллектуалов 20-х годов в области культуры. В том числе и Троцкого. Вот-де Сталин был невежествен, а другие построили бы культурную политику иначе. Мол, в области экономики, «чистой» политики было у всех действительно всякое, но уж в отношении развития литературы, искусства тут сталинскому курсу были альтернативы реальные.

Следует подчеркнуть, что Троцкий был, конечно, эрудированным человеком. Его суждения о литературе, художественном творчестве, свободе творчества даже несравнимы по широте и особенно по лексике со сталинско-ждановскими откровениями и афоризмами. Но все это сводится на нет стержневыми, корневыми моментами взглядов на роль и место культуры, искусства в обществе. Сводится на нет тоталитаризмом мышления как такового. Так, Троцкий, говоря о гуманизме, различных течениях в искусстве, осуждая примитивизм официозности под названием «социалистический реализм», выдавал в качестве квинтэссенции своих представлений такую

формулу: «...в нашу эпоху функции искусства определяются его отношением к революции»⁴⁹. Вот так.

И. Дойчер, повествуя о попытках создать Международную федерацию писателей и художников, пишет: «В очередной раз мы можем проследить здесь странный цикл в эмоциях, возбуждаемых Троцким в среде его последователей-интеллектуалов. Большинство из них обращалось к нему с чувством величайшего почтения. Но постепенно его образ жизни и мышления выдавал в нем невыносимое моральное напряжение, он в самом деле оказывался «за пределами их восприятия». Они обнаруживали, что их король Лир по-прежнему оставался самым жестким из революционеров... Сам не отступающий от своих принципов ни на йоту, он не терпел отступничества в других. Он требовал от своих сторонников несокрушимой убежденности, полного безразличия к общественному мнению, непоказной готовности к самопожертвованию и пылкой веры в пролетарскую революцию, чье дыхание он ощущал постоянно (в отличие от них). Словом, он полагал, что они слеплены из того же теста, что и он»⁵⁰. Не правда ли, мы уже проходили эту школу, только по другому, состоявшемуся варианту развития. Но поиск альтернатив сталинизму, административно-командной системе продолжается. В теории поиск может быть бесконечным. И в известном смысле он и должен быть таковым в науке. Но отношение к реальностям истории, если оставаться на позициях правды, историзма, ограничивает поиск альтернатив факторами, из которых они складываются.

В этой связи представляются убедительными аргументы Г. Л. Смирнова против попытки Г. Х. Попова (см. упоминавшуюся нами статью «С точки зрения Леонида Красина») найти альтернативу ленинскому плану построения социализма в СССР в размышлениях Л. Б. Красина⁵¹.

Небезынтересна попытка Р. А. Медведева «взглянуть на события весны 1918 г. под несколько иным, чем это было принято раньше, углом зрения и проанализировать возможные, но не найденные тогда альтернативные пути развития революции и строительства Советской власти». Историк видит возможность начала политики по типу нэпа еще весной 1918 г.⁵² Это интересная, глубокая статья. С высоты сегодняшнего дня нельзя не согласиться ни с одним тезисом. Но, думается, все же нужны более определенные «оговорки», чем делает Медведев.

Ученые, надо полагать, еще обратятся к этой проблеме. Мы же считаем необходимым подчеркнуть: ненайденные альтернативные пути можно обсуждать с точки зрения научного интереса, но только непременно имея в виду положение, в котором находились современники событий. Т. е. те, кому следовало бы находить альтернативы. В 1918 г. была ли готова социалистическая мысль к теоретическому прорыву на уровне понимания эпохи? Думается, что нет. Можно ли было сосредоточиться в условиях гражданской войны, иностранной интервенции, еще не познанных даже в круницах опыта первых шагов первого в истории практического социалистического строительства, можно ли было в этих условиях сосредоточиться на том, чтобы понять: «Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм»⁵³. А ведь это «Странички из дневника», завещание, январь 1923 г.! Исключительную централизацию, чрезвычайные меры в экономике, политике мы оговариваем как необходимость для периода Великой Отечественной войны после всех сталинских деформаций. А разве законы войны не действовали при Ленине? Да и вообще по всем меркам Ленин практически не работал в мирных условиях.

Можно, конечно, предположить, что гражданская война не получила бы такого размаха, ожесточения, не будь политики военного коммунизма. Но были ли готовы не только политики, но и рабочие массы к ленинской политике без горького опыта прямого прорыва к коммунизму? Принял бы пролетариат — опора революции, большевиков — возвращение к «буржуйским порядкам»? Разве можно сбрасывать фактор романтического угара, властвовавшего над гегемоном? Все это очень непростые вопросы, чтобы их решать только на уровне: был или не был возможен «кабинетный», теоретико-политический прорыв в неизведанное социалистической мыслью.

По другому поводу, в связи с обсуждением идеологических, политических и военных аспектов развязывания второй мировой войны на заседании Комиссии ЦК КПСС по вопросам международной политики (28 марта 1989 г.), Г. А. Арбатов справедливо говорил, что нельзя подменять «...вопросы 1939 г., которые очень важны, особенно для Польши, для Советской Прибалтики, да и для всех советских людей, рассуждениями о новом политическом мышлении...» Путь к постижению ныне элементарных

истин труден, продолжал он, развивая мысль на конкретных примерах. «Это же относится и к категории общечеловеческих ценностей, которые должны быть увязаны с предыдущей системой наших воззрений, с ранее выдвинутыми тезисами о расколе мира на две системы и непримиримой антагонистической борьбе между ними»⁵⁴. Мы привели это высказывание для того, чтобы подчеркнуть: новое прочтение, более глубокий, незашоренный анализ истории, осмысление альтернативных путей развития плодотворны только на почве историзма. При ином подходе — от оторванных от жизни, от реальной истории рассуждений до спекуляций — один шаг. В науке исследование альтернатив, если так можно выразиться, должно находиться всегда на двух уровнях: в нашем понимании и в понимании или непонимании, в восприятии современников, участников событий, рождавших сами варианты развития.

Возвращаясь к ленинскому наследию, к его завещанию, хотелось бы сказать, что, по нашему убеждению, Ленин, основываясь на доступном ему опыте, имевшихся человеческих возможностях, приложил усилия, чтобы изменить представления о социализме⁵⁵. Эти усилия лежали в направлении того, что мы сегодня называем строительством правового государства, демократии, децентрализацией и развитием инициативы, борьбой с бюрократией. Того, что мы имеем в виду под экономическими методами в экономике. Две эти задачи он напрямую выделял как первое и второе, говоря о пересмотре взглядов на социализм⁵⁶. Это была реальная и единственная альтернатива «казарменному социализму» со всеми его изводами.

Была ли эта концепция отработана? К сожалению, нет. Причины тому известны. Была ли возможность «подумать» концепцию и провести ее в жизнь? Да, была, но для этого требовалось слишком много субъективных обстоятельств. Главная гарантия — Ленин, могла работать при его наследниках, если бы они сумели его понять по-настоящему. Если бы выполнили прямые указания, предложения. А бывшие соратники, будучи яркими личностями, были, увы, простыми смертными. Не более. Иначе как понять, что, к примеру, Г. Е. Зиновьев, сам участвовавший в измене «Политическому завещанию», в кадровом вопросе (о смещении Сталина с поста генсека), уже потеряв все, в 1933 г. сетовал не на себя за результаты политики, открывшей путь диктатуре Ста-

лина, не на других своих единомышленников в этом деле, а (!) на Ленина. В набросках воспоминаний можно прочесть такую фразу: «Ленин во время болезни (общее) — поездка (последняя) в Москву. „Ошибка“ завещания: не точно представил себе, как будет все выглядеть без него»⁵⁷.

Зиновьев пишет о Ленине с исключительным уважением, можно сказать, с восхищением. Но, оказывается, Ленин должен был еще что-то сказать более определенное. (Куда уж определеннее, чем о Сталине в «Письме к съезду»!) А лучше, видимо, еще и на этом этапе истории надо было, как говорят, «и кашку разжевать, и в рот положить». Вот такие силы были у сталинских альтернатив! И в этом тоже истоки трагедии партии, социализма, народа.

Рассматривая же варианты развития, в том числе в нашей истории, надо иметь в виду, так сказать, законы жизни и существования самих альтернатив как исторических возможностей. Помимо уже отмечавшегося, подчеркнем необходимость исследовать и корни, смысл альтернатив, и причины осуществления одного пути и нереализованности иных возможностей. Альтернативы — это не простой феномен. Они, как и все в человеческом мире, зависят от комплекса объективных и субъективных факторов, но не только это определяет их особенности. Альтернативы бывают реальными, существовавшими в истории и гипотетическими, порожденными жизнью, но не «жившими» в истории. Они «имеют право» на существование в науке, в познании, в поиске ученого. Однако все-таки надо различать теоретическую возможность определенного варианта решения проблемы и возможность, заявившую себя на практике. Каким образом — идеей, концепцией, политическим шагом или действием, каким-либо другим способом — это в данном случае уже не столь важно. Важно знать, отдавать себе отчет (и исторiku, и политику, и кому бы то ни было, обратившемуся к прошлому), что желательный вариант развития мог и не созреть, не выйти из эмбрионального состояния. Проблема, «требуя выхода», могла и не «выкристаллизовать» в себе иного способа своего разрешения. Ясный для потомков выход мог, наконец, просто быть нереальным для предков. Мы не имеем права судить наших предшественников с уровня современного знания. Никому же не приходит в голову предъявлять претензии к имениннику и даже геннальному физику начала века за

незнание, непонимание проблем, очевидных сегодняшним студентам. Так почему же иные подходы бытуют по отношению к экономистам, философам, политологам?

Постоянно обращаясь к Ленину, мы делаем это отнюдь не для того, чтобы еще раз воздать ему должное. Наше общество в муках и трагедиях пережило и переживает еще сегодня отступления от правды истории, от объективного анализа теории и практики социализма. Есть все основания к пророческому опасению поэта — «Не залить бы приторным елеем ленинскую простоту»⁵⁸ — добавить и предостережения на будущее не только в этическом, но и в научно-практическом отношении. Уже по прошествии времени нам действительно многое виднее, многое понятнее. Плодотворный поиск альтернатив, столь необходимый анализ вариантов общественного развития страны на путях социализма при Ленине и после его смерти, вновь и вновь возвращает нас к проблемам формирования ленинской концепции социалистического строительства. И право же, целевая установка не на поиск истины, а на непременно отыскание вариантов ленинизму, давая приращение знаний по сравнению с предыдущей одноплановой и убогой трактовкой истории и теории, может, превращаясь в самоцель, создать новую зашоренность. Методологическая сущность подобной новации будет сродни старой — идеологическое клиширование, примат идей над реальной жизнью.

В статье «К современной концепции социализма», подготовленной учеными для газеты «Правда» на основе дискуссий в семинаре, организованном АН СССР, современный поиск в науке резюмируется в интересующей нас части следующим образом: «Было бы преувеличением считать, будто в 20-е годы в советском обществе была полностью разработана и практически апробирована целостная модель экономического управления народным хозяйством и всей общественной жизнью. Однако если бы партия большевиков и далее следовала ленинским курсом, последовательно реализуя разработанный им план социалистического строительства в советском обществе, а способы экономического управления производством совершенствовались и развивались применительно к изменившимся условиям, то можно было бы рассчитывать на создание модели социализма, адекватной потребностям нашей эпохи»⁵⁹. Все верно. Только все эти «бы», неоднократно присутствовавшие и в наших рассуждениях, могли реализоваться только во взаимосвязи:

Без демократического развития социалистического общества не могла нормально развиваться экономика (как и получилось), а без многообразия форм собственности, без обеспечения хозяйского интереса производителей нельзя обеспечить демократизм.

В силу малого опыта социализма Ленин не мог составить все расписание движения локомотива российской революции к коммунизму. И это естественно. Само требование такого расписания — это уже не марксизм. Кроме того, по причине болезни Ленин ограничивался набросками, «постановкой вопроса», как он сам писал относительно проблем теории и практики социалистического строительства. Так, излагая мысли о понимании социализма как строя цивилизованных кооператоров, он подчеркивает, что таков путь, а не все его составные, «...этим задача только еще поставлена в общих чертах, потому что тут еще остается неопределенным, не описанным детально все содержание задачи практически...»⁶⁰. Ленинское завещание буквально пронизано и поиском новых принципов и механизмов советского государственного строительства. В основе этих поисков — опора на массы, борьба с бюрократией, изучение передового опыта управления в буржуазных странах во имя создания принципиально нового типа управления, раздумья о взаимодействии партии и Советов, всенародный учет и контроль не только за производством, но и за действием всех институтов власти, включая высшие ее эшелоны. Как это звучит современно. Как будто отчет с XIX партийной конференции или со Съездов народных депутатов СССР. А это из знаменитой, но так и не ставшей нам своеобразной школой политики работы «Лучше меньше, да лучше»⁶¹.

Альтернативных вариантов на таком же уровне широты и глубины понимания проблем ленинскому плану в действительности не было.

И последнее. Мы отмечали, будем говорить еще, о такой особенности социализма, как общество, строящееся на научной основе сознательным творчеством народа. Только надо подчеркнуть умение отличать науку от псевдонауки, имитацию активности масс от их подлинного, свободного творчества. Творчества во всем.

Историческое мышление, историческое познание и историческое сознание

Не только марксистской аксиомой, не только очевидным для теоретиков положением, но и достаточно распространенной в пропаганде формулой стали известны ленинские слова: «По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем»¹. Существенно, однако, то, что мы некогда понятие «должен возрасти» стали представлять как нечто автоматически обеспеченное при социализме. Произошла достаточно распространенная подмена «сущего» и «должного». Это с одной стороны.

С другой стороны, разговор о «сознательном историческом деятеле» нередко перемещался с понятия «массы» на понятие «деятель» в его если не индивидуальном, то групповом, клановом, каком угодно качестве, но только не в массовом по-настоящему. Не потому ли как едва ли не откровение, как новое состояние политики, пропаганды и информации, всей системы связей партийно-государственного управления с народом зазвучали недавно призывы возвратиться к ленинским урокам правды. Возвратиться, чтобы руководствоваться его пониманием: «...государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»².

И еще вот о чем. Важно иметь в виду, что само понятие «масса» и неоднородно и исторично. А революционные преобразования способны осуществлять массы, составляющие большинство народа. «Понятие „массы“, — писал В. И. Ленин, — изменчиво, соответственно изменению характера борьбы... Когда революция уже достаточно подготовлена, понятие „массы“ становится другим: несколько тысяч рабочих уже не составляют массу. Это слово начинает означать нечто другое. Понятие массы изменяется в том смысле, что под ним разумеют боль-

шинство, и притом не простое лишь большинство рабочих, а большинство всех эксплуатируемых; другого рода понимание недопустимо для революционера, всякий другой смысл этого слова становится непонятным»³.

Для нас в настоящее время особенно необходимо осмыслить внутреннюю диалектику этой проблемы. Проблемы активного участия масс в историческом творчестве. С точки зрения самого характера периода перестройки мы сегодня имеем дело с массой в ее подлинном смысле, когда большинство народа поднимается на сознательные исторические действия по переустройству общества. Надо откровенно сказать о том, что часто забывают о самой сущности социализма. А ведь социализм — это в конечном счете общество соединенного общественного, группового и личного интереса, коллективистское, самоуправляемое народом общество. Вот почему отчуждение миллионов от средств производства, от собственности, от власти — самое существенное извращение социализма, корневая причина его неспособности в прежнем (еще не преодоленном) состоянии выявить свою эффективность, свои преимущества.

Размышления в данном плане ныне уже не новость. Еще раз напомнить об этом хотелось бы по той лишь причине, что обращения людей к подобным проблемам настоящего всегда сопровождаются обращениями к истории. Ибо там уроки, в ней опыт, корни сегодняшнего состояния всех сфер общественной жизни. Состояния общества и человека. А диапазон выводов из всевозможных исторических экскурсов чрезвычайно широк. Продолжая разговор на эту тему, отметим следующее. Уже изрядно перемешались рассуждения о том, что России надо было остановиться на этапе Февраля 17-го года, что к социализму страна была не готова, что строили его (социализм), исходя из постулатов марксизма XIX века, что не поняли и не смогли развить Ленина, что все было правильно и сталинизм вроде бы и не отступление от ленинизма, да вот вовремя не учли новейшие требования этапа развития постиндустриального общества, НТР, что искать выход сегодня надо, обновляя представления о социализме, и что выход только чуть ли не в отказе от него. И так далее и тому подобное.

Еще вчера, даже не в таком «разбросе», подобные идеи высказывались лишь в кулуарах, в кругу близких. Изредка они находили отражение в научных дискуссиях, появлялись в трактатах «инакомыслящих». Сегодня же

споры вокруг этих проблем, полярных взглядов ведутся широко в массовом общественном сознании. И не только этика отношения к истории, к прошлому, к делам предшествующих поколений, но и возможность правильно понять настоящее, сделать верные выводы на будущее зависит от культуры исторического мышления масс, от уровня знания ими истории, от развитости исторического сознания народа.

Понятие «историческое сознание», как это ни странно может показаться спервоначалу, не так давно, что называется, конституировано в нашей науке. Достаточно сказать, когда специалисты обращались к проблеме уровней, форм, видов сознания, они чаще всего даже не упоминали историческое сознание⁴. Историческое сознание подчас интерпретировалось как объем, структура, содержание знаний в их историческом развитии. Практически не развивался подход, согласно которому историческое сознание — это «все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, точнее, в которых общество воспроизводит свое движение во времени»⁵. Да и то здесь, как не может не заметить читатель, понятие «осознает» уточняется понятием «воспроизводит». Смещается, казалось бы, небольшой акцент, но он очень существен. Воспроизведение без осознания «уводит» историческое сознание к историческому познанию. Насколько это неверно, а иногда и опасно, мы постараемся далее показать.

Вместе с тем объективность требует подчеркнуть наличие ряда работ, весьма глубоко освещающих многие упомянутые нами проблемы. Так, вопросы истории с точки зрения методологии социального познания исследовались В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзоном. Структура и содержание исторического познания, особенности исторического объяснения и предсказания с позиций теории познания освещены в специальной работе А. И. Ракитова. Историческое сознание, историческая мысль теоретически и преимущественно в контексте становления исторической культуры народов от античности до эпохи Просвещения были проанализированы М. А. Баргом⁶.

Но сложности возникают не только с осмыслением конечного феномена выстроенной (заявленной нами в названии главы) цепочки «историческое мышление — историческое познание — историческое сознание». Перейдем к их рассмотрению.

Что же такое историческое мышление?

Под мышлением в философии понимается высшая форма активного отражения объективной реальности. И в этом своем качестве мышление рассматривается марксистами как процесс познания человеком, поколениями людей, человечеством (субъектом) существенных связей и отношений внутри явлений, предметов и между ними. Речь, стало быть, идет о процессе обобщенного познания окружающей действительности. Кроме того, именно с мышлением мы связываем и производство новых идей, переработку «старых» ценностей, и прогнозирование развития природы и общества.

Мышление всегда детерминировано потребностями и интересами общественного развития. Прямо или опосредованно. Оно и возникает, и реализуется в ходе постановки и реализации практических и теоретических проблем, постоянно встающих перед человеком. «Природе потребовались миллионы лет для того, чтобы породить существа, одаренные сознанием,— писал Ф. Энгельс,— а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы организовать совместную деятельность сознательно: сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы, действуя совместно и добиваясь сообща заранее поставленной общей цели. Теперь мы уже почти достигли такого состояния. Наблюдать этот процесс, это все приближающееся осуществление положения, небывалого еще в истории нашей планеты, представляется мне зрелищем достойным созерцания, и я в силу своего прошлого не мог бы оторвать от него своего взора. Но это утомительно, в особенности, если полагаешь, что призван содействовать этому процессу; и вот тогда изучение природы оказывается большим отдохновением и облегчением. Ведь в конце концов природа и история — это два составных элемента той среды, в которой мы живем, движемся и проявляем себя»⁷.

Отдельные стороны феномена «мышление» исследуются различными науками. Теорией познания, логикой, кибернетикой, психологией, эстетикой, науковедением, отраслями биологии и медицины. Для нас в данном случае важно внимание к историческому мышлению как к виду общественного мышления. Поэтому мы его будем рассматривать через такие особенности, как характеристика интеллектуального развития личности и социальных общностей, как процесс воспроизведения сознанием закономерностей и особенностей исторического развития человеческого общества. В последнем своем качестве мышление «имеет дело» и собственно с объективной реальностью, и с опосредованной реальностью, с опосредованной историей, заключенной в исторических знаниях. Эти знания накапливаются поколениями людей, и осмысление их на каждом новом этапе, соотнесение со все более детально и глубоко анализируемой действительностью — одна из существенных функций мышления.

Подобный подход к вычленению, например, такого специфического вида общественного мышления, как экономическое мышление, был предложен В. Д. Поповым. Логика его подхода, основания, положенные в аргументацию, нам представляются в целом вполне приемлемыми и для изучения исторического мышления⁸.

В то же время историческое мышление, естественно, имеет и свои особенности. Всякое мышление по своей природе исторично, поскольку постоянно развиваются природа и общество, поскольку бесконечен процесс познания, реализующийся, «живущий» в исторической системе координат. В этом смысле абсолютно значение мысли Маркса и Энгельса об исключительной роли «науки истории»⁹. Это с одной стороны. С другой стороны, в широком смысле, по Энгельсу (см. приведенное ранее положение), изучение общества — это и есть изучение истории. А основа истории — это, согласно взглядам основоположников марксизма, все «гражданское общество на его различных ступенях»¹⁰. При таком подходе история предстает всеохватной, а историческое мышление становится по сути синонимом общественного мышления вообще. Правомерность подобного взгляда на природу и характер мышления очевидна. Но мы имеем в виду под историческим мышлением более узкое, конкретное, более определенное понимание. Историческое мышление в контексте анализа истории развития человеческого общества и исторического познания, накопления собственно

исторических знаний. В том смысле теоретического исторического познания, в котором «теоретическое познание должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении...»¹¹.

Так что же такое историческое мышление, как его понимать?

Любой вид мышления в его настоящем состоянии является продуктом развития знаний, представлений, понятий, суждений и умозаключений. Они накапливались и углублялись усилиями многих поколений. Поэтому о зрелом историческом мышлении можно говорить с позиций комплекса наук о жизни человека и общества. Мышление любого человека, любой общности людей опосредовано развитием мышления всего человечества. Следовательно, о развитости исторического мышления можно судить по способности субъекта исследования рассматривать реальную действительность во всех трех временных измерениях (прошлое, настоящее, будущее). Но этого мало. Рассматривать необходимо, оперируя новейшими достижениями различных наук, выявляя тем самым качественно более высокую, новую сущность связей и взаимоотношений многообразных процессов, явлений. Процессов и явлений, которые привели общество к нынешнему состоянию, взаимодействуют сегодня, имеют такие-то, вполне определенные тенденции в своей эволюции.

Что это дает для повседневной практики людей? Не является ли внимание к данным проблемам очередным погружением «науки в науку», упражнением в области научных дефиниций, уже неоднократно осужденном публично? Убеждены, что нет, и вот почему.

Развернем один историко-теоретический пример, связанный с социалистической революцией в России.

Как известно, марксизм исходил из того, что социалистическая революция способна победить одновременно в группе наиболее передовых капиталистических стран. Этот вывод базировался на анализе доминирующего развития капитализма. При переходе его в стадию империализма усилились тенденции к неравномерности, обострилась борьба за рынки сбыта, все явственнее стали проявляться противоречия между группами, блоками капиталистических государств. Исследование нового качества позволило Ленину сделать вывод о возможности победы пролетариата первоначально в одной отдельно взятой стране. Составными анализа империализма было

исследование внутренних противоречий капиталистической системы, выявление слабого звена в ней, осмысление особенностей и характера развития революционного процесса в мире в целом и в стране, где в данный период находился центр революционного движения. Сосредоточением наиболее острых проблем и противоречий, страной с вызревшими объективными и субъективными факторами революции стала в начале XX в. Россия.

История, однако, свидетельствует, что большевики надеялись, были уверены — международный рабочий класс поддержит выступление российского пролетариата. Возможность победы социалистической революции первоначально в одной стране, тем более со средним уровнем развития капитализма, отнюдь не мыслилась изначально и как необходимость, вынужденность социалистического строительства во враждебном окружении. В такие тяжелые условия первое рабоче-крестьянское государство было поставлено историей, что называется, вопреки теоретическому прогнозу. Европейский пролетариат оказался не в состоянии поддержать Великий Октябрь на уровне, который требовался для прорыва капиталистической системы по достаточно широкому фронту.

Не претендуя на всестороннее обозначение всех ключевых проблем истории Октября и ленинской теории социалистической революции, отметим еще несколько «узлов».

Рабочий класс в нашей стране составлял меньшинство в численном составе населения. Да, мы хорошо помним, что сила и вес пролетариата в революции не прямо пропорциональны этому фактору. Здесь на первый план выдвигаются сплоченность, сознательность, опыт как самого рабочего класса, так и его партии. Но ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством имело, по мысли его создателя, отнюдь не тактический характер — привлечь крестьянство во имя захвата власти. Это уже позднее история была написана задним числом по далекой от жизни схеме. В 30-е годы пролетарский Октябрь был представлен таковым не только потому, что это была социалистическая революция, но и якобы потому, что таковым он был по движущим силам. Так, трудящиеся, но не пролетарские массы города и деревни были постепенно объявлены чуть ли не ближайшими врагами социализма. На основе данного (антимарксистского изначально) вывода Сталин сконструировал целую теорию — направление главного удара против мелкобуржуазной де-

мократии, против социал-демократов, объявленных «социал-фашистами». Мировому коммунистическому движению пришлось поплатиться за это, в том числе и расколом, поражением крупнейшей, тельмановской партии германских коммунистов. Исправление политической ошибки на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г. (читатель может с этим познакомиться подробнее по известному докладу Г. Димитрова)¹² было сделано, но упущенного, потерянного было уже не вернуть.

Эти и другие исторические сюжеты, связанные с судьбами крестьянства, других непролетарских слоев населения, ныне вышли на передний план идейной борьбы вокруг Октября. И нелишне будет напомнить, что большевиков издавна волновали вопросы, связанные с революционным потенциалом российской деревни и путями крестьянства к социализму. Они тщательно анализировали развитие капитализма в деревне (возможности и перспективы американского или прусского пути, как пример), вели большую работу среди крестьянства и солдатских масс. На втором съезде Советов Ленин оглашает Декрет о земле. В его основу были положены эсеровская аграрная программа, 242 крестьянских наказа. Недоумевающих было немало. Немало было и протестующих. Для Ленина же важно было не то, кем написана программа, а то, отражает ли она реальные интересы масс. Брать власть, удерживать власть, двигать революцию дальше с опорой на меньшинство — это авантюризм, бланкизм. На этот счет среди руководства большевистской партии почти не было колебаний.

Отмеченный момент весьма показателен. В политике большевиков по отношению к крестьянству были ошибки. На наш взгляд, так следует расценивать введение комбедов, просуществовавших лишь полгода. Общепризнаны ошибки, связанные с нарушением товарообмена между городом и деревней. Но важно то, что изначально, еще до выявления перспективы социалистического строительства в одиночестве, Ленин искал пути для крестьянского большинства в революцию, искал приемлемые для самой деревенской массы способы перехода к социализму.

При отсутствии опыта, при известных иллюзиях о путях и средствах достижения социализма, да еще и в отчаянном положении перипода гражданской войны трудно было все предусмотреть, взвесить, учесть. Ошибки в известной мере были неизбежны. Но методологические

основы Декрета о земле и нэпа и лозунг-принцип «Не смей командовать крестьянином» — это одна цепочка. Логика развития одной политики, несмотря на все ее зигзаги.

И еще об одном. Большевикам немало пришлось выслушать пророчеств о гибели. Не только прямые классовые противники из лагеря буржуазии, но и многие видные социалисты предрекали поражение Советской власти. Россия не готова, не созрела для социализма — вот главный вывод. Ленин, как известно, отвечал: «Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западноевропейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные „ученые“ господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не могли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он, под влиянием безвыходности своего положения, броситься на такую борьбу, которая хоть как-нибудь шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации?»

...Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный „уровень культуры“, ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»¹³.

Что здесь для наших размышлений особенно важно? Именно то, что касается логики и метода исторического, социологического, экономического и т. д. анализа. Цивилизованность вбирает все. Причем следует подчеркнуть: своеобразный переворот в последовательности стадий исторического развития был не насилием над историей, а напротив. Здесь Ленин предлагал своеобразное возвращение в русло общечеловеческого прогресса в оригинальных условиях и неведанным доселе способом. Своеобразно, где своеобразие предопределялось особенностями российской социалистической революции, особенностями реальной истории после победы Октября.

Итак, мы в достаточно пространном экскурсе в нашу историю отметили ряд весьма существенных моментов. Они существенны не только для истории и теории революции, но и для понимания сути, смысла исторического мышления.

Сразу же отметим: ни для большевиков, ни для нынешних историков и политиков недостаточно было бы только политического, экономического, нравственного (мышления, познания, сознания) для анализа тех проблем, формулирования тех выводов, которые были предложены нами в исторической схеме-экскурсе. Здесь действительно требовались и требуются историческое мышление, историческое познание. Реальная действительность, предстающая перед нами и интересующая нас как прошлая и текущая история, может анализироваться с помощью именно исторического подхода. В том понимании истории, которое включает и историю экономического развития, и историю классов и политических партий, и т. д.

Здесь, как, видимо, заметил читатель, подмечена и такая характеристика мышления (в том числе исторического), как целенаправленность процесса познания. Как способность мышления выявлять наиболее существенные связи, обобщать, делая выводы из взаимопереплетения, чередования явлений и событий. Причем тех, которые представляют для субъекта интерес. Тех, в которых есть потребность разобраться.

Историческое мышление обладает и таким свойством в своем зрелом состоянии, как переработка старых идей и представлений, производство новых. И их постановка возникает не абстрактно, а в ходе реализации практических задач общественного развития и осмысления возникающих при этом теоретических проблем. Кроме того, мышление не только формирует представление об окружающем мире и интересующих человека (общности, группы людей) процессах, выявляет в них существенные связи и закономерности. Оно на основе накопления знаний производит и другую работу — прогнозирует дальнейшее развитие, пытается представить будущее.

На этом сюжете есть необходимость остановиться несколько подробнее. В наши дни, в процессе переосмысления исторического опыта, эмоциональный накал в дискуссиях нередко перехлестывает здравый смысл. Забвению предаются, отвергаются исторические и философские идеи, положения, которые еще вчера казались аксиома-

тичными. В кругу этих споров нет-нет да выходят на передний план сомнения в возможностях человека, науки познать закономерности исторического развития, прогнозировать будущее.

В самом палиции и выходе на авансцену подобного рода сомнений нет ничего удивительного. Переломные эпохи, время умственных смятений и обостренного поиска новых истин практически всегда сопровождалось в истории не только усиленным вниманием к теории, в том числе к футурологии, но и растерянностью, упадничеством, нигилизмом.

Показательными в этом отношении являются многие идеи, высказывавшиеся на рубеже двух веков, в начале XX в. различными русскими философами. Не случайно и возрастающее внимание к их наследию. Здесь, убеждены, действует для многих не только феномен открытия ранее недоступных, по-настоящему интересных, спорных, глубоких, самобытных и субъективных теорий и концепций. Здесь срабатывают типологически созвучные нашему времени размышления. Только вот не поступить бы и нам так, как сделали в 20—30-е годы недалекие лидеры агитационно-пропагандистского фронта: вместо изучения, переработки, преодоления, критики немарксистских идей — запрет. А взамен — пропагандистские штампы, догматизированные постулаты, нежизненные схемы. И все это под флагом диалектического учения! Афористическую ленинскую формулу «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» примитивизировали до абсурда. Просто верно, и дальше — не задумывайся. Почему всесильно, почему верно, как и в силу чего марксизм смог наиболее глубоко объяснить и полнее других теорий выразить диалектику развития природы и общества — об этом только на уровне лозунгов и изречения истин. Так вот, не уподобиться бы и нам этим «марксистам», ставя под сомнение те или иные положения Маркса, Энгельса, Ленина. Ставить под сомнение надо. Но не во имя огульного отторжения, а в целях нового осмысления, переработки, нового прорыва в наших представлениях об историческом процессе.

Сравним для примера два высказывания по одной проблеме. Они как бы концентрируют в себе взгляды авторов на пределы возможностей исторического мышления.

С. Н. Булгаков: «Самые смелые теории прогресса не идут в своих предсказаниях дальше обозримого исторического будущего, а исторический глаз видит далеко...

Научная теория прогресса подобна тусклой свече, которую кто-то зажиг в самом начале темного бесконечного коридора. Свеча скудно освещает уголок в несколько футов вокруг себя, но все остальное пространство объято глубокой тьмой»¹⁴.

В. И. Ленин: «Единственный вывод из того, разделяемого марксистами, мнения, что теория Маркса есть объективная истина, состоит в следующем: идя *по пути* марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же *по всякому другому пути*, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи». И затем здесь же, в «Философских тетрадах»: все изменения «...не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов. Самое большее, что открыты *законы* этих изменений, показана в главном и основном *объективная* логика этих изменений и их исторического развития... Самая высшая задача человечества — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить к *ней* свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран»¹⁵.

Прав был Булгаков, отрицая возможность предсказания будущего во всей его полноте. В то же время, также не занимаясь гаданиями о перипетиях будущего развития во всех деталях и подробностях, Маркс, Ленин исходили из возможности и необходимости такого исторического мышления, которое позволяет познать логику, закономерности исторического процесса. С выявленными закономерностями и сообразуют свою практическую деятельность передовые общественные силы. Вот в чем особенности двух подходов. Вот каков вес отдельных «нюансов» в теории и политике.

В конечном счете именно исторический тип мышления, историческое познание моделируют в сознании облик будущего. Реализация потребностей и интересов, сопрягаясь со стремлением достичь искомого, желаемого состояния, порождает потребность в производстве новых идей, теорий, формирует стратегию и тактику практических действий. Историческое мышление начинает отрицать себя в самом этом качестве тогда, когда оно ограничивается историческим познанием на уровне собирания, отбора, даже систематизации и классификации фактов и материалов, характеризующих прошлое. Ибо оно (историческое

мышление) предполагает аналитическую работу по поиску и выявлению закономерностей истории. Но историческое мышление в его диалектико-материалистическом понимании призвано еще и способствовать прогнозированию, моделированию возможных состояний в будущем. А это невозможно не бросая взгляд из настоящего и не опираясь на прошлое.

Указание на диалектико-материалистические основания исторического мышления отнюдь не означает, что, по нашему мнению, только с приходом марксизма появилась возможность зрело мыслить, обращая взоры на исторический процесс. Речь лишь о том, что историко-теоретические прозрения или глубокое понимание смысла исторического познания, имевшие место у подлинных ученых и ранее, получают теперь философское объяснение, обоснование. Можно утверждать: историческое мышление, предполагающее накопление знаний от поколения к поколению, в полной мере и всегда подчинялось и подчиняется такому закону — суждения, выводы, являющиеся достижениями прошлого, есть обязательный атрибут современного знания. Если это не так, значит, развитие образования и культуры переживает кризис, а возможно, и деградирует.

Нельзя, безусловно, сравнивать крупного ученого, деятеля прошедшей эпохи со среднеобразованным (или среднеобразованным) человеком, живущим позднее. Читая у замечательного русского историка, мыслителя Т. Н. Грановского, что когда-нибудь история «сделается в высшем и обширнейшем смысле... наставницею народов и отдельных лиц и явится... не как отрезанное от нас прошедшее, но как цельный организм жизни, в котором прошедшее, настоящее и будущее находятся в постоянном между собой взаимодействии»¹⁶, мы понимаем истинное значение и глубину сформулированного им в свое время. Однако именно при возможности сравнения с такими суждениями постулатов 30—50-х годов нам еще более неприемлемыми кажутся взгляды на прошлое, действия по отношению к историко-культурному наследию народов всевозможных деятелей на ниве политики и культуры в эти ужасные времена.

Важной функцией исторического мышления является раскрытие, показ качественных различий состояния того или иного объекта исследования. Причем анализировать следует развитие объекта. Исторические явления, процессы имеют свои корни и причины, свои тенденции в эво-

люди. Одни тенденции при этом усиливаются, другие ослабевают, третьи переходят в иное качество или «исчезают» и т. д. Осмыслить законы перехода одного исторического состояния в другое — вот к чему стремятся (осознавая или не осознавая это) отдельные люди, социально-исторические общности, политические партии, целые поколения, народы, классы. Человечество в конечном счете. А то, из чего «состоит» субъект, зависит от объекта исследования.

Трудно и неправомерно было бы искусственно разрывать отдельные составляющие исторического процесса. Понимая условность их разделения, все же отметим (взяв примеры из исторического экскурса, сделанного ранее в этом разделе) следующее.

Так, интересы классов в революционный период фокусировались вокруг судеб собственности, политической власти и т. п. Политические партии, выражая интересы классов и социальных групп, развивая классовые интересы, углублялись в проблемы стратегии и тактики борьбы за власть, за обеспечение такой расстановки социально-классовых и политических сил, которая бы позволила практически обеспечить осуществление соответствующих экономических, политических, национальных задач и притязаний. Народы России вступали в борьбу, видя в революции возможность реализации своих национальных целей и идеалов, включались в интернациональный национально-освободительный поток. Он, как известно, стал значительным фактором революционного движения и победы социалистической революции.

Что это значит для исследования, для понимания сущности исторического мышления? Это значит, что в процессе мышления познание идет не только от простого к сложному, но и от анализа элементов исторического целого к исследованию системы. А сам процесс исследования от элементов к системе протекает не только по линии углубления знаний, скажем, человеком или отдельной партией, но и по той же логике от элементов к системе, имея в виду различные составляющие субъекты познания. Следовательно, ретроспективный взгляд современного человека, исследовательское внимание к текущей истории должны учитывать особенности исторического мышления, а значит, и специфику исторического познания, различных, подчас весьма многообразных составляющих субъекта познания. Игнорирование или непонимание этого ведет или к научной неадекватности, или к поли-

тической наивности. Или, и чаще всего, и к тому и к другому одновременно.

Призыв к такому, скажем многомерному, подходу может породить выводы о том, что чтобы ни говорили, а до истины действительно не докопаешься. Хаос в истории, в обществе оборачивается-де неразберихой в мышлении и познании. Подобные сомнения издавна волновали мыслителей. И материалисты, диалектики в конечном счете нашли решение этих сложных и противоречивых проблем. Да, мы снова говорим о поиске результирующей исторического процесса, о поиске закономерностей, о познании законов истории. Г. В. Плеханов по этому поводу писал: «Чтобы понять историю человечества, т. е. в данном случае историю его мнений, с одной стороны, и историю тех общественных отношений, через которые оно прошло в своем развитии,— с другой, надо возвыситься над точкой зрения взаимодействия (каждая сторона жизни влияет на все остальное.— В. Е.), надо открыть, если это возможно, тот фактор, который определяет собою и развитие *общественной среды и развитие мнений*»¹⁷. В этом «возвыситься», уметь открыть определяющий «фактор» и заключена зрелость исторического мышления. Что же касается оговорки (если возможно), то невозможное сегодня может стать возможным завтра, послезавтра. Процесс познания, еще раз повторим, бесконечен.

Другое дело, возвышаясь над конгломератом и хитросплетениями фактов и явлений живой действительности, всегда есть опасность оторваться от жизни. Здесь уже вступает в силу такой фактор, как зрелость субъекта, его способность диалектически мыслить.

В известной полемике В. И. Ленина с Н. Сухановым заложено краеугольное положение диалектики истории и революционного процесса: «При общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»¹⁸. И если со своеобразием форм большинство историков «свыклось», то с пониманием своеобразия «порядка» исторического развития нет-нет да и начинаются «недоразумения».

Так, неординарно и заостренно выступая по самому широкому кругу проблем истории советского общества, Ю. Н. Афанасьев не раз уже обращался и к истории Октября. Идеи им высказываются разные. В том числе бесспорные, а тем, кто знаком с нашей историографией

20-х годов, и достаточно известные. Есть положения и дискуссионные. И это тоже естественно. Но вот что любопытно: новый взгляд, новое мышление вновь подчас уживаются с отторжением ранее достигнутого. Приведем для точности достаточно пространные размышления историка.

«И диалектический материализм,— пишет Афанасьев,— не может оставаться в его гегелевско-классической форме, и даже в форме доработанной и критически пересмысленной.

В чем объективное основание такого непрерывного самообновления, перестройки марксизма? Любая форма мышления, дабы оставаться живой, должна постоянно пребывать в состоянии диалога с другими, развивающимися рядом и быть способной благодаря этому к непрерывному обогащению своего собственного достояния. Это особенно важно на перевале второго и третьего тысячелетий, когда мы оказались перед лицом глубоко изменившейся социальной практики, перед качественно другой ситуацией, требующей нового мышления.

Чтобы пояснить эту мысль, укажу, например, на следующее.

Маркс и Ленин исходили из двух посылок, развивая учение о социализме, о победе революции. Первая: капитализм свою роль уже сыграл, он развил до предела свои производительные силы и создал те отношения, те политические надстройки, которые остается только взять и тут же пачать использовать для социалистического развития. Но история показала иное. Тот этап, который наблюдал и изучал Маркс (и впоследствии Ленин, назвавший его «империалистической стадией развития капитализма»), был, как теперь уже ясно, одним из ранних состояний капитализма. Даже самому гениальному человеку нелегко было предвидеть, что затем последует первая научно-техническая революция, вторая, да еще и третья. Основоположники марксизма-ленинизма думали, говоря, современными терминами, что раз возникло индустриальное общество, значит, созданы и предпосылки для социализма. Трудно было предвидеть, что затем будет общество постиндустриальное и даже постпостиндустриальное, электронная революция, атомная, лазерная, компьютерная и т. д.; революция сверхпроводимости, наконец, которая грядет только сейчас. Иными словами, историческая практика показала, что развитие машинного, индустриального производства есть лишь ранняя, незрелая ступень того технического прогресса, которому суждено было раз-

впаваться внутренним ходом, разворачиваться, перестраиваться, ломая все прежние формы, включая и частнокапиталистическую.

Ленин констатировал начало монополистической стадии капитализма. Но с течением времени мир подошел к системе, имеющей иные сложности, — их нельзя уже анализировать с помощью того инструментария, которым располагали Маркс и Ленин. В этом смысле некоторые из их идей устарели.

Вторая посылка вытекала из первой. Наши великие учителя были убеждены, что они — современники кануна перехода в коммунизм. Маркс ждал его еще при своей жизни. Ленину тоже, при всем понимании им сложностей и трудностей перехода, сам переход виделся как относительно кратковременный — максимум какие-то десятилетия. Более того, большевикам сразу после захвата власти в 1917 г. казалось, что можно отказаться от рынка, от денег и начать строить коммунизм, пусть пока что и военный. Это не было просто заблуждением или утопией. Такое убеждение было основано на переоценке достижений капитализма, тех предпосылок, которые он создал. Казалось, что и в отсталой стране, какой была Россия, — и тем более в любой иной, развитой, — после захвата власти дальше все пойдет как по маслу. Жизнь показала, что это не так. После монополистической стадии мы уже пережили третью и четвертую стадии капитализма.

Переходная эпоха — это, как выяснилось, эпоха, в которой сосуществуют две системы — капитализм и социализм. Это никак не было предусмотрено классиками нашего учения. Они все-таки представляли, что один этап заканчивается, второй, следующий за ним, т. е. социализм, тут же начинается. Возможно, в России, по с непременным последующим распространением на весь мир. Сосуществование двух систем, однако, длится не год и не два — оно продолжается несколько десятилетий и, возможно, растянется на целую историческую эпоху. И это значит, что обе системы должны вести постоянный диалог между собой, приспособливаться друг к другу, взаимобогащаться и конкурировать, но не в ущерб, а на благо будущему.

Это, судя по всему, означает, что социализм — не на развалинах капитализма, к тому же отличающегося от прежнего рядом существенных признаков: он должен использовать не просто наследие капитализма, а и внутри себя использовать многие категории капиталистического

общества в сочетании с перераспределением собственности и изменением характера власти»¹⁹.

Для чего нам понадобилась столь длинная цитата? Во-первых, в ней содержится ряд интересных замечаний и поворотов, которые важны для более полного осмысления исторического мышления. А во-вторых, вступая в полемику с автором по некоторым принципиальным историческим и теоретическим проблемам, мы продолжим начатый разговор о мышлении и познании.

Прежде всего такое замечание. Пожалуй, за исключением ряда «частностей», мы бы согласились с основной линией размышлений Афанасьева (марксизм-ленинизм в контексте истории и современности), если бы у него присутствовало уточнение: о каком «марксизме» идет речь? По логике статьи вроде бы о советских интерпретациях. По сути — это о концепциях развития на базе диалектико-материалистического учения вообще и о современном состоянии учения в целом. В таком же случае нужны существенные пояснения. Марксистская мысль в целом (при всех проблемах ее развития) не застывала в постулатах XIX и начала XX в. Если мы отходим от политико-идеологических стереотипов, то негоже забывать, что отнюдь не по нашим учебникам и тем более не по «Краткому курсу» осмысливали проблемы капитализма и мирового развития, скажем, А. Грамши, П. Тольятти, М. Торез. Немало нового, вполне современного содержится и в более поздних документах и материалах тех же итальянских и французских коммунистов. Достаточно напомнить о положениях, содержащихся в статьях и выступлениях Ж. Марше и безвременно ушедшего Э. Берлингуэра. А это ведь только одна из ветвей марксистского поиска.

О работах западных марксистов несколько позднее упоминает и Афанасьев. Но говорит он об этом как бы уже в разговоре на другую тему. Соедини он размышления о развитии социально-экономических теорий у нас и за рубежом, «столкни» эти фрагменты, и все бы было верно. Правда, «замах», критический пафос оказался бы существенно снижен. Проиграла бы форма, но содержание бы выиграло. Выиграла бы истина.

Некорректно замыкать и достижения отечественной мысли на уровне учебников по истмату, паучному коммунизму, истории КПСС, или по близким к ним по духу «самостоятельным исследованиям» наших догматиков. Покуда речь идет о теории революции, то отметим, что, по нашему убеждению, например, такому крупному спе-

циалисту, как Ю. А. Красин, каяться особенно не в чем. Сожалеть о невозможности публично и в свое время высказать все свои идеи — другое дело.

Состояние нашего «марксистского» исторического мышления вчерашнего и во многом сегодняшнего дня Ю. Н. Афанасьевым «схвачено». Но оно подмечено по намеренно усредненным, «приземленным» тенденциям. Однако это отнюдь не достигнутый профессиональный уровень марксистской мысли, как бы ни старались его официально возвести в норму. Нелогично марксизм «оценивать» в прошлом по вершинным основаниям (Маркс, Энгельс, Ленин), а в настоящем — по примитивно-пропагандистским высказываниям. Из чьих бы уст они ни звучали.

Ю. Н. Афанасьев безусловно прав, когда говорит о том, что не может никакое учение претендовать на жизнь, если оно постоянно не развивается, оказывается не способным к критической переработке, переосмыслению собственных положений. Вполне обоснован и вывод, согласно которому мышление диалогично по своей сути. В ином, монологичном состоянии оно обречено на догматизм, на отрыв от хода истории, а значит, и на гибель. Историческое мышление как вид, как тип, присущее, к примеру, определенному классу, партии, без диалога с «развивающимся рядом» движением общественной мысли — это уже, собственно, и не историческое мышление в его зрелом качестве. Это уже не уровень для развитого мышления согласно духу диалектического и исторического материализма. Хотя бы потому, что историческое мышление формируется в ходе анализа окружающей действительности, знаний и идей, приобретенных и выработанных поколениями, но оно теряет такое фундаментальное качество, как историчность, если останавливается в развитии.

В цитировавшейся статье Афанасьев касается и других вопросов. Он берет действительно самые актуальные и сложные проблемы. Одна из них — «зрелость» капитализма для своей гибели, для того, чтобы окончательно сойти с исторической арены, и соответственно подготовленность мирового хозяйства к переходу к социализму.

Действительно, многое не могли предвидеть основоположники марксизма. Немало идей, высказывавшихся ими, естественно, устарели. Классики марксизма-ленинизма, отмечает Афанасьев, переоценили зрелость капитализма для социализма, намечали не оправдавшиеся практикой методы и пути созидания нового общества. Но вот почему,

говоря об этом, обходятся сторопой многие положения и мысли «позднего» Ленина? Разве это не принадлежит тому периоду развития марксизма?

Что мы имеем в виду? Например, пишется о пост- и постпостиндустриальном обществе, об электронных и атомных революциях, но ни слова об отмеченном нами ранее ленинском положении — возможно изменение «порядка развития», сначала власть народа, а затем догонять ушедшие вперед цивилизации. Ведь если отстали в постпостиндустриальном развитии, в той или иной области (ином качестве) революции в науке, технике, технологии, то как раз все это и вписывается в курс на следование за ушедшими вперед странами. Мы далеки от мысли полагать, что Афанасьев считает — социалистическая революция должна свершиться, когда произойдут все технические, технологические, научные революции. Ясно, что подобные революции будут продолжаться. Можно ли будет когда-нибудь их все предугадать? — Невозможно. Но вот коли данная (исключительно глубокая, диалектичная идея!) ленинская мысль не принимается во внимание — то думай, читатель, о чем угодно. Хочешь — о том, что несвоевременно большевики взялись социализм строить (своеобразный перепев из Плеханова времен первой русской революции: «Не надо было браться за оружие»). Хочешь — о том, что Сталин — последовательный продолжатель дела Ленина, так как ничего не говорится о новых взглядах Ленина на социализм, на роль тех же товарно-денежных отношений, о поиске демократических путей развития в условиях однопартийных Советов и т. п. Другой вопрос — и Сталин и его преемники клялись Лениным, не понимая и изменяя Ленину.

Здесь, видимо, у Афанасьева вкрались неточности, пмеются недоговоренности. Это понятно как издержки краткости изложения и желания сконцентрироваться на том, что было предано забвению, сосредоточиться на ошибках, на объективных ограничениях в развитии мысли, в том числе марксистской. Однако критический настрой требует тоже научности, историчности. Не только остроты. Ну как, например, серьезно можно говорить о том, что классики нашего учения не предусмотрели существования двух систем — капитализма и социализма? А как быть с рожденной Октябрем, Лениным концепцией мирного сосуществования государств с различным социальным строем? Высказываться за диалог, взаимодействие, взаимообогащение двух систем, за поиск новых

подходов в этих вопросах — и верно и нужно. Но утверждение о том, что длительное совместное существование социализма и капитализма не было предусмотрено, не принималось во внимание в теории и политике, неверно. Не соответствует действительности. Здесь есть не только опыт, уроки, но и такое: мы в свое время доизапламодельствовали до того, что заключили договор о дружбе с гитлеровской Германией. Куда уж дальше! Другое дело, что последнее было прямой изменой и ленинским традициям, и просто элементарной нравственности.

И конечно, нельзя так примитивизировать, искажать историю марксизма, что, мол, классики исходили из зрелости капитализма, а отсюда бери все и используй для социализма. И производительные силы, и производственные отношения, и надстройку. Известно же, сколько трудностей, ошибок, поисков и открытий (!) было у большевиков, у Ленина по таким теоретическим и практическим проблемам, как экономика и социализм, демократия и социализм, нравственно-культурные, национальные вопросы развития и социализм. А размышления и идеи вокруг путей крестьянства к социализму? Без этого немыслимо понимание истинных рубежей, истинного уровня, истинных «плюсов» и «минусов» марксизма на том этапе, который анализировал Афанасьев. (Мы в данном случае даже не говорим о явной ошибке — подвел, видимо, критический настрой — марксисты никогда не собирались, как пишет историк, использовать старую надстройку. Вспомним учение о сломе государственной машины и проблемы вокруг этого. Вспомним хотя бы марксистский взгляд на государство вообще. А ведь государство — центральный элемент надстройки. Не единственный, но центральный. И если уж чем погрелили марксисты в теории, а затем и на практике — так это недооценкой опыта, традиций буржуазного демократизма.)

Вот каковы подчас зигзаги исторического мышления, познания, совершаемого даже на уровне профессионала. Вот почему столь высоки должны быть требования к историческому мышлению в обществе, строящемся на основе научной теории.

В чем, однако, еще интересность и полезность (и безусловная) размышлений Ю. Н. Афанасьева? Прежде всего в подходах к новому мышлению, к задаче «воссоздания нашей общественной идентичности»²⁰.

Новое мышление, по Афанасьеву, связано с необходимостью критического отношения к идейно-теоретическому

багажу марксизма-ленинизма, решительного освобождения от догматизма, схоластики, примитивизации, достижения качественно нового интеллектуального состояния на путях творческого развития теории, постижения правды истории, на путях «диалога с западным марксизмом» и непредвзятого, основанного на принципах общекультурного взаимоотношения диалога, обмена идеями и информацией с немарксистской наукой. С этим следует согласиться самым решительным образом. При этом добавив: критическое отношение необходимо ко всем теориям, идеям, с которыми мы вступаем в диалог. Не надо отбрасывать, но не надо и копировать.

Так можно, пытаясь выбраться с «обочины» истории, оказаться в ее «обозе».

Конечно, кое-кто может сказать, что сама идея нового мышления (в теоретико-познавательном, а не политическом смысле) возникла из-за утери марксистской мыслью способности к самокритике, самообновлению, к производству новых идей. Это так. Здесь тем не менее следует различать уровень и состояние теории и ее на уровне пропаганды доминирующие интерпретации. Есть проблемы достижений теоретической мысли и проблемы их невостребованности обществом, политическими институтами и т. д. При всей взаимосвязи здесь мы имеем дело с разными вопросами.

Наша советская наука имеет при всем нашем критическом настроении немало достижений. В условиях командно-административной системы, догматического диктата в идеологии специалисты, интересовавшиеся кругом вопросов, входящих в философию истории, теорию исторического процесса и познания, уходили в «чистое» науковедение. Но не из любви к дефициям, а чаще всего из-за невозможности говорить серьезно, правдиво по сложным проблемам прошлого и настоящего. Однако накопленные знания не проходят бесследно. Пусть читатель к рассматривавшимся суждениям и идеям, для примера, приложит такой вывод, сформулированный Б. Ф. Поршневым еще на заре застоя, как сейчас говорится. «Подлинный историзм.— писал он,— должен всегда видеть целый процесс исторического развития человечества и, сравнивая любые две точки, соотносить их с этим целым процессом... Тот, кто изучает лишь ту или иную точку исторического прошлого или какой-либо ограниченный период времени,— не историк, он — знаток старины, и не больше; историк только тот, кто, хотя бы и рассматривая в данный момент под

исследовательской лупой частицу истории, всегда мыслит обо всем процессе»²¹.

И заданный действительными учеными имеющийся у нас уровень исторической культуры должен сказаться и на общем состоянии исторического мышления, исторических знаний, исторического сознания масс. Не может не сказаться. Хотя, понятно, для этого потребуется еще немало усилий и времени.

Историческое познание: пути и перепутья

Разговор на эту тему для нас значительно упрощается в сравнении с размышлениями по другим проблемам, заявленным и рассматриваемым в книге, поскольку есть интересное исследование — уже упоминавшаяся монография А. И. Ракитова «Историческое познание: системно-гносеологический подход». Вышла она в трудный для науки период, и читатель, посмотрев на титульный лист — 1982 год, может, поддавшись общей оценке научной литературы этого времени, скептически отнестись к ней априори. Но данная книга такой реакции не заслуживает. Она из тех, что принадлежат науке, а не конъюнктуре.

Попытаемся кратко прореферировать эту работу, синтезировать идеи, выводы, замечания, сформулированные Ракитовым, а затем уже перейдем к собственным комментариям и соображениям. С известной долей условности можно сказать, что мы попытаемся, по Ракитову, пройти с читателем по путям исторического познания. Путям или уже изведенным наукой, или ею намеченным. А потом по перепутьям.

А. И. Ракитов вполне оправданно начинает разговор с проблемы необходимости и полезности исторического познания. Отмечая такую его важную и непреходящую функцию, как выработка социального самопознания различных общностей людей, он пишет: «Часто говорят, что историческое познание играет в обществе ту же роль, какую в деятельности индивида играет память... Благодаря памяти человек в состоянии хранить и передавать сведения обо всем увиденном и услышанном. Отсутствие или потеря памяти ведут к невозможности осуществления любой социально и индивидуально значимой деятельности. В каком-то смысле индивидуальная память может служить аналогом исторического сознания»²².

Весьма существенно и следующее далее: «Социальная потребность, удовлетворению которой служит историче-

ское познание, — это создание необходимых условий для культурного, социально-этнического самоопределения народа, для осознания им себя как особой этнической общности, отличной от других, как особой целостности. Однако в отличие от индивидуальной памяти историческое сознание существует не как функция индивидуального ума, не как продукт личного жизненного опыта, но как общезначимое знание, доступное и понятное всем членам данной общности. Оно обеспечивает связь поколений, их преемственность, создает условия для общения, взаимопонимания и определенных форм сотрудничества людей в различных сферах социальной деятельности. Историческое познание и историческое сознание тесно связаны генетически и по содержанию, но не совпадают полностью. Поэтому первый вывод из сказанного состоит в необходимости тщательного изучения их связи, взаимодействия и того, каким образом они удовлетворяют потребности формирования социального самопознания»²³.

Историческое сознание удовлетворяет в обществе и такую потребность, как социальное воспитание. При этом следует иметь в виду, что «прожектор исторического познания выхватывает одни ситуации и оставляет во мраке другие»²⁴. И в этом своем качестве оно не может не рассматриваться через призму того, какие потребности возникают у классов, социальных групп в процессе их политической деятельности. В политике как сфере их взаимоотношений и борьбы.

Уровень же научности, в этом смысле способность к масштабному, не субъективно сфокусированному историческому познанию, зависит от многих обстоятельств. История знает, пожалуй, все в диапазоне от поисков прецедента в политической и юридической практике до осмысления исторического опыта.

В этой связи Ракилов упоминает и о сомнениях в полезности истории, которые обуревали многих выдающихся мыслителей. Он приводит пример с Гегелем. И пишет о несогласии с этой линией в науке и культуре. Так, в книге приводится примечательное суждение В. О. Ключевского: «История, говорят не учившиеся истории, а только философствовавшие о ней и потому ею пренебрегающие — Гегель, никого ничему не научила. Если это даже и правда, истории несколько не касается как науки: не цветы виноваты в том, что слепой их не видит. Но это и неправда: история учит даже тех, кто у нее не учится; их проучивает за невежество и пренебрежение. Кто дей-

ствуется помимо ее или вопреки ее, тот всегда в конце жалеет о своем отношении к ней. Она пока учит не тому, как жить по ней, а как учиться у нее, она пока только сечет своих непонятливых или ленивых учеников, как же-лудок наказывает жадных или неосторожных гастрономов, не сообщая им правил здорового питания, а только давая им чувствовать ошибки их в физиологии и увлечении их аппетита. История — что власть: когда людям хорошо, они забывают о ней и свое благоденствие приписывают себе самим; когда им становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость и ценить ее благодеяние»²⁵.

Подобного рода размышления завершаются у Ракитова выводом: историческое познание необходимо, его потребность обусловлена и потребностью человека, общества в предвидении, предсказании будущего. «По мере того как человечество разочаровывалось в религиозно-мифологических способах предвидения и переставало доверять оракулам и пророкам, оно с большой настойчивостью стремилось найти объективные основания для удовлетворения этой важной социальной потребности. В процессе накопления исторических знаний и обнаружения относительно-го сходства и повторяемости исторических событий и ситуаций многие мыслители начали рассматривать историческое познание как единственное основание для предвидения будущего». И далее, говоря о необходимости познавательных механизмов, структур для выявления исторических законов (без них нет объективных оснований для прогнозирования), исследователь пишет: «Нечего и говорить, что историческое познание оказывается в высшей степени полезным, если такая (научная.— В. Е.) концепция законов общественного развития уже выработана, а их применение подтверждено практикой и приводит к определенным результатам. Вопрос о природе, сфере действия и логической сущности законов исторического развития становится в силу этого одной из центральных проблем исторического познания, а суждение о его полезности оказывается зависящим от разрешения данного вопроса»²⁶.

Особо выделяется Ракитовым вопрос об особенностях исторического познания в контексте XX в. Здесь он говорит о таких трех основных факторах современности, как всемирность, глобальность единого и полного различий, противоречий исторического процесса; мировой революционный процесс, начало преобразования мира на

социалистических началах, что заставляет по-новому взглянуть на историю; и фактор научно-технической революции со всеми ее последствиями и тенденциями²⁷.

Дальнейшее рассмотрение А. И. Ракитовым исторического познания ведется преимущественно с позиций теории познания как философской дисциплины, с позиций науковедения с меньшими выходами на практику. И это правомерный и необходимый аспект исследования. Другое дело, что мы избрали иной ракурс, другой подход.

Он предложил термин «историческая эпистемология», разумая под этим преимущественно научное познание. Логика его рассуждений такова: поскольку в советской философской литературе в качестве синонима термину «теория познания» употребляется термин «гносеология», а последняя включает все формы познания — обыденное, художественное, философское, политическое и научное, постольку целесообразно научное познание выделить, обозначив особым термином — «эпистемология»²⁸.

Историческое познание обладает как общими, так и отличными чертами по сравнению с характеристиками всякого познания. Именно поэтому возникает и понятие «историческая эпистемология». Она имеет, по мнению самого автора, ряд стилистических преимуществ. Речь, короче говоря, идет о терминологических тонкостях и удобстве употребления тех или иных понятий, а также о более принципиальных для науки проблемах — не игра в дефиниции, но понятийная ясность, культура научного анализа. Историческая эпистемология, по мнению А. И. Ракитова, имеет свой предмет — процесс исторического познания. При анализе здесь концентрируется внимание не на деталях и этапах, механизмах социально-исторического процесса, а на исследовании концептуальных моментов, объективных условий, рациональных, логических, психологических, интуитивных и других факторов, участвующих в формировании и развитии исторического познания²⁹.

В рассматриваемой книге большое место уделяется проблеме интереса в истории и историческом познании. «Интерес» относится к многозначным, структурно сложным понятиям, богатым внутренними связями и зависимостями. Это «пакетные понятия», пишет автор. Обращаясь к исследованиям предшественников³⁰, он характеризует интерес как особую психологическую потребность в определенных видах деятельности, как источник желанных переживаний и средств достижения желанных

целей. Задача эпистемологии — выявить содержание, обусловленность и направленность каждого конкретного вида познавательного интереса³¹.

Исследуя работы философов и историков прошлого, труды современных авторов, Ракитов обратился и к проблемам генезиса исторического познания, развития научных представлений о его содержании и структуре в античной, европейской и восточных культурах. Что же показывает анализ генезиса исторического интереса? — задается он вопросом, завершая историографический экскурс, и отвечает: — «Прежде всего становится ясно, что исторический интерес не результат абстрактного отношения к вечным и неизменным культурным ценностям, но феномен, порождаемый самой историей. Возникнув и сформировавшись, он входит в набор ценностей определенной эпохи, в ценностную парадигму. Как бы обособившись от своего объективного источника, он приобретает культурную и познавательную самостоятельность. Войдя в общую систему мировоззрения античного общества, в его культурную парадигму, интерес к прошлому закрепился в основных когнитивных структурах и приобрел статус некоторого методологического... мировоззренческого принципа, установки, организующей и направляющей познание. Отношения, обусловившие генезис исторического интереса, в данном случае „переворачиваются“: он сам становится отныне стимулом к познанию. Прошлое завораживает, притягивает, волнует, вызывает споры, включается в систему политической и правовой аргументации. Все это порождает иллюзию первичности, исходности исторического интереса...»³².

Исторический интерес реализуется в историческом познании. При этом оно развивается, вполне подчиняясь общим законам познания. То, о чем всегда говорится при выделении индивидуального и объективированного познания, имеет и такое значение: индивидуальная интеллектуальная деятельность входит в общий контекст общественного сознания. Кроме того, по мере «накопления духовных ценностей возникает необходимость осознания не только самого объективного бытия, но и знания о нем, т. е. осознания сознания»³³. В то же время с процессом становления науки, образования, с развитием культуры в широком смысле происходит и обособление исторического познания в рамках исторического сознания (выделяется, например, историческое сознание, целиком обращенное в прошлое, индивидуальное познание, с этим

тесно связанное, и т. д.). В этом обособленном качестве нет изначально ничего, что бы предопределяло его сугубую субъективность или оторванность от потребностей исторического развития,— в этом русле идут дальнейшие размышления Ракитова³⁴. Размышления, подчеркнем еще раз, интересные, заслуживающие безусловного читательского внимания.

В книге специально анализируется системный подход к изучению исторической реальности, предстающий перед нами в процессе исторического познания. Называются основные структуры, применяемые в историческом познании, главные отношения, без которых историческое познание невозможно (временные отношения и упорядочение временных отношений прошлого, последовательность, чередование исторических событий, отношения синхронности или сосуществования событий, явлений в истории, отношения причины и следствия и отношения, выражающие детерминацию между ними, отношения взаимосвязи и взаимодействия). При этом справедливо выделяется и проблема индивидуального в истории, неповторимости событий прошлого во всех их характеристиках³⁵. Исследуется в связи и под углом зрения вышеизложенного вопрос об идеологии и истине, достоверности в историческом знании (познании)³⁶.

Напоминая ленинское положение о том, что объективная истина не зависит ни от отдельного человека, ни от человечества³⁷, Ракитов справедливо выделяет такое обстоятельство: марксизм исходит из неравноправия различных идеологий, их неравноценности в различных обществах и на различных этапах его развития³⁸. Очень важный, подчеркнем, момент, «забываемый» и оппонентами диалектико-материалистического учения, и его, мягко скажем, непоследовательными сторонниками.

«Исследование методов установления истины вообще составляет главную проблему теории познания. В настоящее время она располагает целым рядом теорий, дающих более или менее адекватное представление о способах построения и проверки истинных знаний, прежде всего в математике и науках о природе. Исследование исторической истины осложняется тремя обстоятельствами: неполнотой информации о прошлом; невозможностью экспериментально-практического взаимодействия с прошлым; тесной связью исторического познания с идеологией»³⁹. И если принципиальное отношение А. И. Ракитова к последнему обстоятельству мы отметили, то два первых

он подробно анализирует в специальных главах и параграфах монографии. Его внимание приковано к таким проблемам, как классификация и типология знания, структура исторического исследования, познавательный статус исторического знания, дифференциация исторического познания и возникновение исторической науки, эмпирическое познание истории и концептуализация исторического исследования с выходом на вопросы о том, что такое историческое объяснение и исторический закон. К ряду этих тем мы еще будем обращаться в нашей книге. В целом они представляют серьезный интерес для профессиональных историков, философов, политологов.

Внимание любого человека (профессионального исследователя, политика, читателя, «случайно» обратившегося к истории в силу обстоятельств) к прошлому всегда выходит на проблемы уникальности истории, ее неповторимости и закономерностей исторического процесса. И для исторического познания, и для исторического прогнозирования, предвидения — это вопросы вопросов. Причем даже признание того, что в истории есть закономерности, не снимает нередко сомнения относительно их познаваемости.

Это вполне объяснимо, поскольку заинтересованность человека в историческом познании с необходимостью создает такую ситуацию: любое стремление, любые усилия по объективному познанию исторического процесса сопряжены с субъективностью исторического взгляда исследователя. В самом деле, история познается для того, чтобы лучше понять место общества и человека в самой системе — прошлое, настоящее, будущее; укрепиться или усомниться в мнении относительно соответствия развития данного строя логике истории, прогрессивному восхождению человечества в экономике, социально-политической, культурной жизни; оправдать или осудить конкретную общественную систему; закрепить или изменить общественный порядок и т. п. Есть, разумеется, и стремление к «чистому» историческому знанию. Но определение «чистое» все-таки надо действительно ставить в кавычки. Ибо и «чистое» знание имеет свою цель: удостовериться в чем-то, удовлетворить свои культурно-познавательные, патристические, национальные, какие-либо групповые чувства и интересы и т. д. За редким, пожалуй редчайшим, исключением, стремление к «чистому» знанию истории все же имеет свой, скрытый,

шеявный, активно не проявляющийся, но вполне определенный общественный интерес.

Диалектико-материалистическое понимание истории природы и общества, теории познания, как уже говорилось, исходит из познаваемости мира, из бесконечности процесса познания, из наличия законов истории. Но в конечном счете во все времена и с позиций любого мировоззрения по-разному, но ставился и ставится вопрос о познании истины. Исходя из убеждения, что история учит, опыт истории не проходит бесследно, мы, однако, нередко грешили против правды, отходили от собственных мировоззренческих принципов: желаемое выдавали за действительное, полуправду пытались представить как полную. А это не могло не приводить и не приводило ни к чему, кроме искажения истории, а затем и к искажению политики.

Неполнота знания о прошлой и текущей истории — в конечном счете объективная данность обществу и человеку. Другое дело, что объективно существующая неполнота — это вынужденное состояние и оно предполагает возможность максимально объективного анализа. Субъективно же суженные знания, искусственно ограниченное поле аналитической деятельности — это практически гарантия ошибок и просчетов. Причем гарантия, закладываемая самим человеком.

Данные проблемы имеют особое значение для социализма, т. е. для общества, строящегося сознательной деятельностью на основе теоретических представлений и выводов из предшествующего опыта. И важно понять, что совпадение классового, общественного интереса с объективным ходом истории существует у прогрессивных общественных движений и классов, но не всегда это совпадение может быть адекватно понято, осмыслено теоретически. И естественно, в таком случае политические партии, политические лидеры, ученые, их обслуживающие, не могут предложить политику, основанную на науке, если объективный ход развития и уроки истории, опыт предшествующих действий анализируются субъективистски. Вина здесь не диалектико-материалистическое учение. Вина в его волюнтаристские интерпретаторы, нерадивые ученики.

История и познание не соотносятся с понятиями «нравится» или «не нравится». На этот счет виднейшие марксисты высказывались неоднократно и вполне определенно. К сожалению, политики и толкователи великой

диалектической теории не всегда оказывались способными усваивать эти уроки. Г. В. Плеханов с присущими ему наблюдательностью и сарказмом еще в классической работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» писал: «Обыкновенному русскому читателю историческая теория Маркса кажется каким-то гнусным пасквилом на человеческий род. У Г. И. Успенского... есть старуха чиновница, которая даже в предсмертном бреде упорно повторяет гнусное правило всей своей жизни: „в карман норови, в карман!“ Русская интеллигенция наивно думает, будто Маркс приписывает это гнусное правило всему человечеству; будто он утверждает, что чем бы ни занимались сыны человеческие, они всегда, исключительно и сознательно, „норовили в карман“. Бескорыстному русскому „интеллигенту“ подобный взгляд, естественно, столь же „несимпатичен“, как „несимпатична“ теория Дарвина какой-нибудь титулярной советнице, которая думает, что весь смысл этой теории сводится к тому возмутительному положению, что вот, дескать, она, почтенная чиновница, представляет собою не более как наряженную в чепчик обезьяну. В действительности Маркс так же мало клеветает на „интеллигентов“, как Дарвин — на титулярных советниц»⁴⁰.

Заблуждается тот, кто считает, что подобные взгляды на мысли, идеи, концепции ученых, пытающихся разобраться в сути общественного прогресса, подлинном и мнимом интересе общностей людей, уже где-то позади, в далеком прошлом. Еще совсем недавно клеветой на интернационалистскую сущность социализма считались любые попытки поднять вопрос, разобраться в проблемах сущности национального характера, национально-исторической самобытности развития страны в целом или в отдельных республиках, регионах. Отступлением от социалистических идеалов объявлялись любые попытки поднять разговор о рынке, товарно-денежных отношениях. А уже в период перестройки кое-кто пытался шельмовать экономистов и публицистов, с тревогой заговоривших о перекосах в сторону «примата рубля», о необходимости сопрягать экономику и нравственность. Раньше говорили ни больше ни меньше как «от имени социализма», сегодня — не ниже как «от лица перестройки».

Из социального познания нельзя, конечно, устранить такой фактор, как включенность субъекта в сам процесс познания. Эта проблема — диалектика объективного и субъективного в познании — привлекает внимание мно-

гих специалистов. В советской науке есть немало настоящего глубоких исследований данной проблемы⁴¹. Пожалуй, доминирующая линия в данных работах — попытка разобраться, углубить наши представления о соотношении объективности и объективизма, объективности и классовости, партийности в познании.

Ученые вполне справедливо «не забывают» ряд фундаментальных ленинских положений. Ленин, как известно, был твердо убежден и в возможности объективного познания истины, и в невозможности в борьбе идей стоять «над схваткой». Последнее, как правило, называется объективизмом. Однако думается, что в трактовке самого подхода — невозможно в обществе, разделенном на классы, отрешиться от их борьбы — есть определенные перекосы. Именно благодаря им (перекосам) логика различения объективности и объективизма (при этом понятая механистически) переносится на соотношение объективности и партийности. Причем, рассматривая последнее соотношение, производится подчас такое смещение, при котором в партийности начинают противоборствовать объективность и пристрастность. Забвению придается то, что в известном смысле возможно такое «разведение мостов»: объективность — это рациональное начало, а классовый, партийный интерес — рационально-эмоциональное. В партийном подходе к самому процессу исследования, познания истории, общества «не должно присутствовать» противоборство рационально-беспристрастного и эмоционально-пристрастного. Должно быть соединение познания от радио с определенностью оценок. И тогда позиция исследователя, детерминированность его платформы с меньшей вероятностью будут работать против истины.

В. И. Ленин отмечал, что «... „беспристрастной“ социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе... Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»⁴². Но Ленин здесь ничего не говорит (и не мог говорить!) о невозможности объективной науки. Объективно выражая интересы пролетариата и буржуазии, соответствующие партии, ученые и т. д. пытаются проанализировать наиболее полно экономику, политику и пр., чтобы точнее, успешнее вести пристрастную классовую политику. По Ленину, «...ни один живой человек не может не становиться на сторону

того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию»...⁴³ Как видим, объективность анализа (а как же иначе понять взаимоотношения классов?) вполне уживается, сопрягается, сосуществует с эмоциональной пристрастностью в поведении. Разумеется, и в личном и в политическом.

Немало несуразиц происходит из-за весьма, на наш взгляд, тенденциозно-упрощенного прочтения ленинского подхода к объективности и объективизму. Не только в авторских статьях и монографиях, но и в учебниках, энциклопедических словарях известному суждению Ленина на этот счет даже предшествуют наводящие, предваряющие читательскую мысль размышления. Например, такого рода: «В противовес... четкой марксистской позиции мн(огие) бурж(уазные) ученые культивируют идею объективизма в науке, отождествляя при этом объективизм с научностью»⁴⁴. Сразу же после приведенного текста в энциклопедическом словаре следуют ленинские слова: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения... Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм...». Далее в цитате сделана следующая купюра: «Он (материалист.— В. Е.) не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость». Это весьма существенный момент для понимания Ленина. «С другой стороны,— продолжим ленинскую цитату,— материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»⁴⁵.

Как видим, Ленин говорит не о проблеме объективно-го или предвзятого взгляда, а о глубине анализа. Речь идет о недостаточности констатации фактов, о необходимо-

сти изучать их для выяснения внутренних пружин развития. И только такой подход, по его мнению, может претендовать на материалистическое исследование, которое в силу сказанного глубже, а следовательно, и объективнее отражает жизнь.

Ленин считал обязательным стоять на почве реальных фактов. Но этого мало. Необходим их анализ в конкретно-историческом контексте. В противном случае интерпретация фактов с позиций схем и общих формул, а не с точки зрения реальных условий приводит к следующему: «...всякую истину, если ее сделать „чрезмерной“... если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд»⁴⁶. А объективность, сведенная к поверхностному «объективизму», так же как и вульгарно понимаемый принцип партийности, зиждется на схожих основаниях — на неумении и нежелании отделить главное от второстепенного, на преувеличении одних и принижении других факторов. В одном случае правда факта оказывается способной заслонить правду всего процесса — за деревьями не видят леса. В другом же законы политики и идеологии переносятся на сферу науки и культуры.

Социально-историческая деятельность настолько связана с общественными и личными интересами, что Ленин даже считал возможным заметить: если бы геометрические аксиомы противоречили чьим-либо интересам, то непременно нашлись бы люди, ставшие их опровергать⁴⁷. Задача исторического познания, кроме всего прочего, заключается еще и в том, чтобы уяснить и показать сущность всех «объективистских» и «объективных» подходов. Вскрыть общественные интересы, стоящие за концепциями, идеями, позициями. Эта задача, представлявшаяся нам еще вчера как отвлеченно-теоретическая или сугубо направленная на, так сказать, «внешнее потребление», ныне предстала в качестве актуальной научной и еще более злободневной политико-идеологической проблемы.

Многочисленные дискуссии — это примета времени. Безусловно, каждая газета, всякий журнал должны иметь свое лицо. Но происшедшее размежевание органов печати, практическое отсутствие на страницах одного и того же издания альтернативных мнений, разных взглядов говорит об их «захвате» определенными группами. И не культура дискуссий является теперь главным вопросом.

Главное, как нам представляется,— в выявлении интересов этих групп, в том, что стоит за историческими концепциями и современными теориями. Да, различающиеся по позициям группы были и будут всегда. Без этого нет нормального демократического процесса. Но народ должен знать, что и кто стоит за словом. В противном случае он будет затруднен в поисках верных выводов и поступков. И может быть, основная роль правящей партии в обеспечении социалистического плюрализма мнений, гласности должна заключаться в подобного рода аналитической работе. И в переводе выводов науки на язык политики, идеологии перестройки. При этом всегда следуя истинно марксистскому, ленинскому подходу: научность, а значит, объективность (в известном смысле предельная объективность, объективизм, если угодно) и партийность при проведении партийной политической линии во имя верно понятых интересов народа не противоречат друг другу.

Все эти проблемы тесно связаны с культурой отношения к прошлому. Историческое познание, как уже говорилось, в чем-то сродни исторической памяти. Когда же возникает вопрос об историческом самопознании общества, то здесь должно не только различать, но и сопрягать полноту памяти народа, групп людей, отдельного человека. Ведь не только «чисто научное» знание открывает простор для самопознания общества. Но и память человеческая. И не только учебниками и научной литературой сохраняемая, а и памятью народа. Понимая в то же время, что, «выученные» знания, «выигрывая» подчас в широте (при соответствующей постановке образования, информации, пропаганды) перед памятью, питаемой житейским опытом, имеют меньшую оценочную устойчивость. Меньшую глубину. Они не прошли, не переработались через эмоциональную сферу человека. Ими, следовательно, легче манипулировать.

Социальное воспитание человека и его социальное самоопределение в немалой степени зависят от знания истории. Люди сами склонны рассматривать исторические знания в качестве инструмента для политического анализа современных проблем. Согласно опросу, проведенному в 1987—1988 гг. кафедрой идеологической работы АОН при ЦК КПСС, таким образом оценивают исторические знания 96,8 % опрошенных⁴⁸. Причем социологическое исследование в данном случае проводилось среди людей, имеющих преимущественно высшее образование,

а свои знания об истории они оценили в большинстве как средние и низкие — 81,9 %. Ситуация, полагаем, в особых комментариях не нуждается — 80 % респондентов явно не удовлетворены или лишь частично удовлетворены постановкой исторического образования⁴⁹.

Недооценивать такое положение было бы непростительной близорукостью. Исторической, политической, нравственной. Мы еще вернемся к этой проблеме. А сейчас остановимся на одном примере, характеризующем уровень наших познаний и широту, многогранность самой истории.

Известно какую остроту приобрели вопросы трактовки путей и методов присоединения Латвии, Литвы, Эстонии к СССР, сущности так называемого пакта Молотова — Риббентропа и др. На наше достаточно утвердившееся мнение о ходе истории (активное участие СССР в создании системы коллективной безопасности против угрозы войны, непоследовательная позиция стран Запада, «мюнхенский сговор», угроза фашистского порабощения для прибалтийских народов, пролетарская интернациональная солидарность Страны Советов с трудящимися Латвии, Литвы, Эстонии, помощь им перед лицом гитлеровского вторжения, меры, в том числе те, несостоятельность которых показала история, по попытке отодвинуть войну, начало второй мировой войны 1 сентября 1939 г. после нападения Германии на Польшу, новый этап этой войны, начавшийся 22 июня 1941 г. и т. п.) чуть ли не вдруг стала накладываться новая информация, иные интерпретации. Сюжеты, связанные с пактом 23 августа 1939 г. между СССР и Германией, обсуждались специально на Втором съезде народных депутатов СССР. Они широко теперь известны советской аудитории.

В этой связи хотелось бы порекомендовать читателю материалы «круглого стола» «Вторая мировая война — истоки и причины», проведенного редакцией журнала «Вопросы истории»⁵⁰. Факты, новые документы, оригинальные размышления участников дискуссии дают возможность каждому интересующемуся человеку более детально и объективно разобраться в существе сложных исторических и политических вопросов.

Из всего обилия материалов и идей «круглого стола» упомянем лишь некоторые: от каких событий вести отсчет второй мировой войны (7 апреля 1939 г. Италия напала на Албанию, в сентябре 1938 г. Чехословакия исчезла как государство, для Испании началась война в

1936 г., для Эфиопии на год раньше. А как вписываются в процесс втягивания мира в мировую катастрофу тяжелейшие по европейским масштабам бои СССР с Японией, советско-финская война?)? Или вопрос о том, почему именно подписание 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении пытаются сейчас представить как ключевой момент в переходе Европы к большой войне? Если идти за фактами, а не идеологическими предпочтениями, то надо вспомнить: еще 15 июня 1933 г. был заключен «пакт четырех» (Великобритания, Франция, Италия и Германия). Он не был ратифицирован Францией, но, например, Великобритания в 1935 г. и позднее принимала соглашения с Гитлером, суть которых одна — раздел сфер влияния: Прибалтика, да и вся Восточная Европа отдаются Германии. А сколько еще поучительного фактического материала по другим аспектам этих проблем «выплеснуто» на страницы журнала. В том числе позволяющих в более полном контексте развития исторических событий читать и советско-германский пакт, и сталинскую линию поведения в отношении фашистского государства (политика, действительно не имеющая нравственных оправданий в целом), и просчеты, ошибки советского руководства, стоившие стране колоссальных жертв.

«Наблюдая нынешнюю картину,— говорил на «круглом столе» В. М. Фалин,— можно, наверное, сказать, что она служит лучшей иллюстрацией к известному тезису: история есть политика, обращенная в прошлое. Причем именно политика актуальная, которая жаждет взять историю в свои служанки. Возьмите документы той поры, 1938—1939—1940-х годов, вы не встретите в комментариях правительств и заявлениях официальных лиц и доли того, что говорится теперь по части обвинений СССР в «содействии» развязыванию второй мировой войны или даже ассистирования Гитлеру и Японии в этом занятии.

Соответственно нужно было бы прежде всего проявить несколько ключевых моментов. Вольно или невольно, часто даже подсознательно мы становимся пленниками стереотипов, навязанных извне, овеванных традицией, но не выдерживающих серьезной научной критики...

Говоря об утрате нами на каком-то этапе нравственных ориентиров, мы сравниваем внешнюю политику при Сталине с ленинскими принципами, с той практикой и обычаями, которые были широко распространены в дея-

тельности правительств и дипломатии тех лет. Когда идея коллективной безопасности стала недостижимой, мы перевели свой курс на рутинные рельсы, взяли на вооружение нормы, в соответствии с которыми вели дела и англичане, и французы, и американцы, и немцы, и поляки, и многие, многие другие. Советский Союз делили до войны десятки раз все кому не лень, и не только на сферы влияния и интересов...

Желательно не упускать это из виду, чтобы не взять на себя авторство безнравственной дипломатии. С широких позиций можно считать, что СССР, к сожалению, оступился, он опустился до того зауженного, назовем его деляческим, уровня, который процветал в то время»⁵¹.

Сказанное выше лишь обозначение каких-то важных (но не всех) моментов данной проблемы. Понять же в полном объеме вопросы вхождения Латвии, Литвы, Эстонии в состав СССР можно только в том случае, если международные аспекты будут дополнены всесторонним и правдивым изучением двусторонних отношений СССР с Прибалтийскими государствами до присоединения и в его процессе. Если в контекст этого анализа лягут и материалы, показывающие развитие внутренних процессов в этом регионе в целом, в Латвии, Литве, Эстонии в отдельности. И такое познание будет действительным историческим познанием.

Подлинно историческое познание, направленное на выявление исторических закономерностей, осмысление законов истории невозможно вне исследования прошлого во всей полноте сопоставления фактов и событий, изучения тенденций развития. Оно невозможно без попыток понять доминанты исторического процесса на основе анализа причинно-следственных связей, определявших облик минувшего.

Разумеется, и при таком подходе, при самом скрупулезном следовании требованиям научного исторического анализа возникает вопрос об истинности знания. Вопрос об адекватности нашего понимания мотивов тех или иных поступков наших предшественников. Далеких и близких. И говоря об этом, мы должны трезво воспринимать свое место в процессе познания. Диалектический материализм не рядится в тогу теории, все знающей уже сейчас и во всем объеме. Но он и не стоит на позициях беспомощности человека и человечества перед многообразием окружающей действительности и истории. Данное учение «...признает относительно всех наших знаний не в смысле

отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»⁵².

Кажется, еще на школьной скамье мы усваиваем, что практика является критерием истины. К. Маркс подчеркивал, что «...вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью,— вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос»⁵³. Однако ни логическая убедительность, ни ссылка на авторитеты не снимают вопросов, рождающихся у человека, когда речь идет об изучении общества и истории. И это понятно, поскольку здесь невозможно экспериментальное повторение прошлого.

Но система аргументации в защиту убеждения в том, что история познаваема, вполне отработана. В конечном счете это сбор фактического материала во всей возможной полноте, всесторонний анализ фактов в их взаимосвязи и развитии. Об этом мы уже говорили. Интересен, однако, как нам представляется, и такой тезис: не следует абсолютизировать невозможность «экспериментального» подтверждения ранее полученного исторического знания. Не повторения, а подтверждения, так как полное повторение в истории действительно невозможно. И экспериментальное в кавычках, поскольку в истории общества, в политике, как правило, сознательным экспериментаторством все же не занимаются. Здесь речь об эксперименте как повторении уроков истории на практике. Разумеется, в иное время и в отличных условиях. Об этой стороне особенностей исторического познания, по сути дела, исследований нет. По крайней мере в таком ракурсе.

Приведем такой пример. На XX съезде КПСС были даны оценки культу личности Сталина, последствиям отступлений от ленинских норм партийной и государственной жизни. Анализ был сделан неполный, по нынешним представлениям, недостаточно глубокий. Но по меркам своего времени — вполне определенный, принципиальный, мужественный. Немало было в этом анализе довольно противоречивого, непоследовательного. В то же время совершенно иной стала обстановка в стране. И видимо, прав был во многом Н. С. Хрущев, который, судя

по воспоминаниям С. Н. Хрущева, подытожил свое время в разговоре с сыном таким образом: «Главное я сделал. Отношения между нами, стиль руководства поменялись в корне. Разве кому-нибудь могло пригрезиться, что мы можем сказать Сталину, что он нас не устраивает, и предложить ему уйти в отставку? От нас бы мокрого места не осталось. Теперь все иначе. Исчез страх, и разговор идет на равных»⁵⁴.

Но постижение истории, осмысление ее уроков для общества в целом, для всей партии не были на требуемом уровне. Можно сказать и так: историческое познание было урезанным, недостаточно научным. Предвидение, осуществлявшееся на этом уровне познания, не могло быть встесторонним. Иначе, думается, ни партия, ни народ в своей массе не восприняли бы достаточно однозначно («на первых порах») смещение Хрущева. Люди довольно спокойно перешли от многочисленных анекдотов про Хрущева к признанию целесообразности акта, свершенного в октябре 1964 г. И как бы кто ни пытался сегодня утвердить обратное, большинство людей поддержало тогда смену руководства.

Кроме того, неполные знания в обществе о себе (о масштабах и глубине деформации социализма, о репрессиях и т. д.) просто необходимы для политического субъективизма, для узурпации власти. И Брежнев со своей командой, по сути, не только ублажал личные (достаточно примитивные) амбиции, но и осуществил попытку экспериментально-практическим путем еще раз подтвердить жизнеспособность казарменного социализма. Разумеется, с модификациями и косметическим обрамлением.

Страна была буквально отброшена на десятилетия назад, куда известное топтание на месте в период застоя проходило на фоне вступления мира в эпоху НТР, освоения законов постиндустриального развития. Было сведено на нет и главное достижение Хрущева, ибо высшему партийному руководству было уже не под силу (в нем не было таких сил) заменить маразмирующего руководителя, а после смерти Ю. В. Андропова не удалось противостоять даже очевидно бесперспективному и очевидно больному, пробрежневски (и в этом смысле неосталинистски) настроенному лидеру. Увы, с точки зрения практической проверки истинности исторического познания возможны и подобные экспериментальные повторения прошлого.

Возможны и иные. Когда страны, вставшие на путь социалистического строительства, «выбирали» стратегию и тактику своего развития, Югославия не пошла по нашему пути. Большинство стран (в экономике, политике, в идеологии) в значительной мере последовали за СССР. Но были у них и весьма существенные особенности. Не копировались методы насаждения социализма в деревне. Не отбрасывалась (так, как у нас) предшествующая культура народа чуть ли не в полном объеме. Иные были взаимоотношения с религией.

Читатель скажет — другие страны, отличные условия, своя культура, свои традиции. И это действительно так. Думается вместе с тем, что присутствовал здесь и такой момент: желание (поскольку это было возможно в тех условиях) не повторять полностью социальный эксперимент, не повторять «не свой» в историко-географическом смысле опыт и «свой» опыт с точки зрения его формационной (социалистической) принадлежности. Но такой уровень учета специфики отдельных стран оказался недостаточным. Более того, когда начались глубокие преобразования в социалистическом мире, многие лидеры пытались удержать свои страны в прошлом. Конечно, это только штрихи к процессам, происходившим и происходящим в Восточной Европе.

В заключение подчеркнем: в области исторического познания невозможность экспериментального повторения прошлого в известной степени заменяется возможностью или невозможностью (желательностью или нежелательностью) следовать за опытом, за уроками истории или действовать им вопреки. Уметь делать правильные выводы из опыта, своего и чужого, — это высший показатель глубины исторического познания, его способности на научное прогнозирование будущего.

Отражающее и творящее сознание

Название данного параграфа — это сокращенно перефразированная формула Ленина. «Сознание человека, — писал он, — не только отражает объективный мир, но и творит его... Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его»⁵⁵.

При обращении к проблемам общественного сознания нас прежде всего интересует, как в процессе познания складывается сознание, способное объективно, адекватно отражать объективный мир, какова его структура, какие

виды общественного сознания следует различать, как сознание воздействует на практическую человеческую деятельность и т. д. Читатель имеет возможность познакомиться с обширной литературой на эту тему⁵⁶.

Разумеется, последовательное, систематическое изучение указанной литературы — дело специалистов. Для того чтобы представить себе круг обсуждаемых философами, психологами, социологами вопросов в связи с проблемами общественного сознания, может быть достаточно познакомиться с книгой Б. А. Грушина «Массовое сознание». Она подготовлена и выпущена Издательством политической литературы в серии «Над чем работают, о чем спорят философы» и дает в целом возможность охватить сами темы дискуссий⁵⁷.

Для нас важно хотя бы кратко разобраться в структуре общественного сознания как духовной стороне исторического процесса, а затем уже перейти к рассмотрению исторического сознания.

В самом общем виде общественное сознание — это не только сложное, но и целостное духовное явление. Оно — не сумма или совокупность сознаний индивидуальных, групповых, классовых. Оно состоит из последних. Но оно диалогично, плюралистично по характеру образования — «со-знание» (знание, приобретенное совместно,работанное в ходе «диалога»). И оно, при своем внутреннем многообразии, целостно для общества на данном историческом этапе. Это первое, что следовало бы иметь в виду.

Второе. Общественное сознание различается по уровням. Теоретическое и бытовое, а иногда выделяют еще и художественное сознание. По такой логике: если есть художественное мышление как тип, как вид познания окружающего мира, стало быть, должно быть и такое сознание — художественное по преимущественным характеристикам, особенностям отражения. К уровням общественного сознания отнесут и идеологию и общественную психологию.

Общественное сознание, наконец, существует в особых формах. К ним относят такие формы общественного сознания, как политическое, правовое, религиозное сознание, мораль, наука, искусство и т. д.

При всей сложности вычленения отдельных составляющих цепочки «мышление — познание — сознание» следует еще раз не только отметить момент этой сложности, но и несколько подробнее остановиться на внутренних связях и переходах. Воспользуемся в этих целях еще раз

исследованием В. Д. Попова, которому удалось, как нам кажется, кратко и содержательно их выразить: «Последовательность... взаимного перехода можно представить так:

— отражение общественного бытия, воспроизведение людьми действительности;

— образование системы знаний общества и других духовных образований — формирование сознания общества как совокупности всевозможных знаний (осознаваемых), идей, чувств, взглядов различных социальных общностей, индивидов;

— кристаллизация общезначимых для общества, классов духовных образований, формирование таким образом общественного сознания, воздействие общественного сознания на сознание отдельных индивидов, социальных общностей, т. е. внедрение общественных (общезначимых) идей в сознание общества;

— превращение сознания в духовную общественную силу, в средство совершенствования общественных отношений, всех явлений и процессов, обслуживающих жизнедеятельность людей.

Далее все повторяется сначала.

В процессе формирования общественного сознания происходит движение идеального в направлении: личное, индивидуальное — коллективное — групповое — классовое — общественное через призму: общий — общезначимый или общественный интерес...

Сформировавшееся общественное сознание, проявляя себя как объективная реальность, действует в другом направлении, т. е. в последовательности: общественное — классовое, групповое — коллективное — индивидуальное, где проявляет себя в первую очередь опять же общественный интерес. Конечно, здесь взаимосвязь общественного и, скажем, личного может быть и прямой, но, как правило, она опосредована классовым, коллективным сознанием»⁵⁸.

И еще об одном, что необходимо иметь в виду, дабы разобраться в таком феномене, как общественное сознание в целом. Рассматривая его, следует обратить внимание на критерии, на наиболее существенные признаки, по которым судят и о специфических особенностях общественного сознания как такового, и о характерных различиях его компонентов (видов, уровней, сфер, связей между ними).

В науке сегодня вычленяется конкретно-исторический подход при выделении типа сознания. Скажем, буржуазный или социалистический. Ведущий критерий здесь — тип общественных отношений. Аспект гносеологический, позволяющий понять истоки процесса отражения и познания. Упор здесь делается на то, что и как, в какой форме отражается и познается. Ведущий момент, следовательно, объект отражения. Социологический подход, при котором на передний план выдвигается вопрос: кем и почему отражается объект? Речь, следовательно, идет о том, кто носитель идей и знаний, какова их роль в данном обществе, какие функции они выполняют и что это дает обществу. Акцент при этом — на субъекте познания. А поскольку разделение на объект и субъект в общественном мышлении, познании, сознании весьма относительно, то и говорится часто (и справедливо) о едином гносеолого-социологическом подходе⁵⁹.

После этих, так сказать, вступительных отступлений перейдем непосредственно к разговору об историческом сознании. Необходимость его вычленения как вида общественного сознания, отдельные характеристики исторического сознания давались уже в литературе. Помимо отмеченных в начале главы работ, назовем также книги А. Гулыги, Н. Ерофеева, Е. Жукова⁶⁰.

Как часто, к сожалению, исследователи пренебрегают уже сделанным предшественниками. Так, Л. Кукса справедливо предлагает, помимо выделения «традиционного перечня форм общественного сознания» — политическое, правовое, философское, нравственное, художественное, религиозное, включить и такие, как экономическое и экологическое. Но она даже не упомянула о специальной монографии В. Д. Попова, посвященной экономическому сознанию, его обоснованию. Ничего не говорит Кукса и об историческом сознании. Она не включает его ни в «традиционный перечень», ни в свой, расширенный⁶¹. Но это замечание по ходу дела, что называется. В целом статья Л. Куксы заслуживает самого серьезного отношения.

Концентрированная характеристика исторического сознания (практически на уровне определения) дана в упоминавшейся уже статье Г. Т. Журавлева, В. И. Меркушина, Ю. К. Фомичева «Историческое сознание: опыт социологического исследования». Авторы пишут: «Историческое сознание как часть, элемент общественного сознания включает в себя прежде всего знание истории, а так-

же обобщение исторического опыта, уроков истории, отношение к событиям, к историческому процессу, оценку фактов, убеждения. В то же время содержанием исторического сознания являются не только события прошлого, в нем совмещены все три модуса исторического времени — прошлое, настоящее и будущее. Рассматривая и оценивая прошлое через призму настоящего и настоящего как результат прошлого развития, оно и будущее воспринимает как проекцию реальных, совершенно конкретных процессов и тенденций, действующих в современности, на дальнейшие ступени развития общества.

Историческое сознание, являясь важным средством научного понимания социальных процессов в их исторической перспективе, позволяет прогнозировать будущее. Но это лишь в том случае, если историческое сознание адекватно отражает закономерности исторического развития, что возможно только на основе правды истории. Всякое одностороннее, субъективное, искаженное истолкование фактов, событий, полуправда и замалчивание „неприятных“ явлений искажают прошлое, и тем самым и будущее»⁶².

В приведенной характеристике исторического сознания отмечено наиболее важное, сущностное. Кроме, на наш взгляд, ряда принципиальных моментов, внимание на которых было акцентировано М. А. Баргом. Эти моменты как бы подразумеваются. Но значение их таково, что есть все основания вычленишь, подчеркнуть эти моменты.

Мы имеем в виду прежде всего фундаментальное значение «прочтения» исторического сознания в контексте духовной культуры конкретного времени, в контексте движения, развития, самопознания культур. Барг справедливо отметил следующее обстоятельство: «...обычно подчеркивают зависимость форм восприятия времени от свойственного данной эпохе типа культуры. Однако не менее важна и вторая сторона этого взаимодействия, именно влияние форм восприятия исторического времени и пространства на складывание данного типа культуры. О важности этой стороны анализируемого взаимодействия свидетельствует столь же длительный, сколь и мучительный, процесс формирования способности культуры осознавать себя в своих отличительных особенностях, т. е. постигать себя посредством пространственно-временной ориентации в мире истории» (курсив мой.— В. Е.). И далее, развивая мысль о том, что историческое сознание в

теоретическом отношении определяет пространственно-временную ориентацию общества и этим способствует его самопознанию, а в плане «прикладном», т. е. историографическом, определяет способы фиксации исторической памяти (миф, хроника, история), отбор, объем, содержание достопамятного, он резюмирует: «В результате историческое сознание является в одно и то же время и измерением типа культуры, и фактом историографии, но, что следует помнить прежде всего,— фактом самой истории... *Стержнем исторического сознания* во все времена являлось *историческое настоящее, сущее*. Одним словом, историческое сознание — это духовный мост, переброшенный через пропасть времен,— мост, ведущий человека из прошлого в грядущее»⁶³.

А как часто люди не осознают, что они находятся «на мосту»! Отсюда и крайности всякого рода, содержание которых зависит от того, магнит какого берега притягивает больше, перетягивает человека. Кто-то не может никак перейти в настоящее, все пребывая в прошлом. Кто-то возмнил уже, что все осознал, все понял, совершил прыжок в будущее и имеет право судить о настоящем с высоты времени. История, как известно, наказывает одинаково и опаздывающих и спешащих. И консерваторов и радикалов.

Перестройка всех сторон общественной жизни выдвинула проблемы исторического сознания на передний план. Это обусловлено потребностью социалистической цивилизации самоосознать себя именно в таком качестве. Собственно, достижение нового облика социализма есть придание ему нового состояния. А это реализуется и путем отторжения наносного, в том числе изначально в идее неприсущего социализму или гипертрофированного, что стало понятно на основе познанного, осмысляемого опыта истории. Это реализуется и на путях принципиально нового созидания как выражения потребностей времени. Требований, вытекающих из сопоставления, состязания исторически конкурирующих культур, цивилизаций (капиталистической и социалистической), как и по сей день принято различать.

Отсутствие диалектического понимания единства прошлого, настоящего, будущего в теоретико-познавательной и социально преобразующей деятельности отрицательно сказывается на формировании цивилизованного отношения к истории как к историческому процессу. Как к прогрессу человеческой культуры со всеми находками и

потерями при складывании результирующей линии восхождения общества и человека. Здесь мало исторической памяти. Необходимо историческое сознание. Ибо только на многомерном уровне культура может оказаться способной осознать себя во времени, в историческом процессе, в конкретных и опосредованных связях и зависимостях с иными культурами. И во времени, и в пространстве настоящего.

Пространственно-временная ориентация общества — это проблемы и науки и нравственности. Причем во всем спектре познания природы, общества, истории. «Особое место на стыке культуры, науки и этики заняли сейчас сложные вопросы отношения к историческому, культурному, национальному, природному наследию. Не следует упрощать — родились они не искусственно, не на пустом месте, а на давних и недавних упущениях, ошибках, на том, что реальные проблемы не только не решались, но очень часто загонялись вглубь и тем самым становились еще острее. Более того, необходимо отдавать себе отчет в том, что не только нынешнее поколение является владельцем, судьей исторического, культурного прошлого, как, впрочем, и настоящего. Это принадлежность и других поколений — до нас и после нас. Последнее слово остается за историей. Вот почему надо сберечь и донести до будущего все ценное, что досталось от былого, от нашего настоящего, и непременно в подлинном, неискаженном виде. Это действительно необходимо во имя нравственного здоровья и духовной силы коммунистической цивилизации»⁶⁴.

Недооценка наследия прошлого или гиперболизация воздействия «плюсов» и «минусов» истории на настоящее, искаженная трактовка отдельных периодов, процессов, достижений и ошибок минувшего имеет корни методологического, фундаментального порядка. В смысле как научно-теоретическом, так и моральном. Собственно, верно будет утверждать, что формирование научного отношения к прошлому немыслимо вне морали. Вне ответственности за то, что и как принимается по наследству, что и как к нему прибавляется и в конечном счете что и как передается потомкам. Такой подход только и может называться марксистским. По убеждению Маркса, человек является и предпосылкой и результатом истории⁶⁵.

Заметим, однако: слишком часто люди, понимая себя и свое время как результат истории (такое понимание тоже имеется, к сожалению, не всегда), не отдают отчета в том, что сами они — предпосылка будущего развития,

существования наследников и наследия. А история, как говорил Ленин, «мамаша суровая».

Является ли пространственно-временная ориентация культуры, цивилизации прерогативой дней нынешних? Безусловно, нет. Такая ориентация производится деятелями каждой эпохи. Более того, каждой культуре внутренне присущи потребность и способность к самоориентации. Вся проблема заключается в качестве, в степени приближения оценок своих отличительных черт, своего достоинства к оценкам истинным. А они будут даны только в будущем. В данную же эпоху их характер, глубина существуют лишь в виде прогноза, в форме предположения.

Представляется, что многие наши беды в прошлом были следствием забвения буквально аксиом диамата и истмата. Плеханов, выступая против идеалистического, метафизического понимания истории, говорил о том, как часто непонимание «законосообразности общественно-исторического процесса» идет от того, что «закон развития является в виде провидения». Он подчеркивал: «Фатализм в истории несколько не мешает утопическому отношению к действительности на практике. Напротив, он содействует ему, обрывая нить научного исследования. Фатализм вообще нередко идет рука об руку с самым крайним субъективизмом. Фатализм сплошь и рядом объявляет неотвратимым законом истории свое собственное настроение»⁶⁶. И по нашему мнению, в этом русле лежат методологические корни ошибок Сталина, Хрущева, Брежнева. Здесь имели место примитивно схематизированное представление о социализме, утилитарно-упрощенный взгляд на коммунизм, причудливое и механистическое переплетение того и другого начала в концепции так называемого развитого социализма. Объединяло же их утопическое, настроенческое понимание путей и методов «осуществления» законов истории. Читай по Плеханову: учет не законов, а созидание по провидению, по настроению.

Отличительные особенности цивилизации познаются ею самой только на основе сравнительно-сопоставительного анализа. Причем это возможно лишь на таком достаточно высоком уровне развития данного типа культуры, который позволяет осознать себя в истории именно в своих отличительных чертах. Отсюда, однако, не следует, что в начале становления новых формаций, нового общества ориентация невозможна. Точки отсчета для

подобного анализа есть всегда. Они лежат на линии общего прогресса человечества, его поступательного развития.

Основоположки революционного учения называются досоциалистический период истории предысторией человечества. Это, кажется, было понято слишком буквально, чуть ли не на уровне разрыва исторического процесса. И сегодня можно иногда встретить суждения, что, мол, все ошибки от того, что следовали за словами пролетарского гимна: «Весь мир насилья мы разрушим, до основания, а затем...». Но такие «аргументы» есть спекуляция. В том-то и дело, что речь шла о разрушении «мира насилья», а не всего мира. Прочли же и действовали левацки настроенные политики именно так — все разрушай! Не поняли, не выжили в глубочайший смысл известного «консерватизма» Ленина, когда он выводил и культуру и мораль нового общества из достижений и ценностей всего предшествовавшего развития человеческой цивилизации. Когда он и в экономике и в политике искал и находил в буржуазном обществе полезное и нужное для социализма. К сожалению, начался такой подход поздно и он не утвердился.

Да, нам необходимо взыскательно-критическое отношение к ошибкам и недостаткам в деятельности предшествующих поколений строителей социализма. Но мы должны понять, осознать и такой момент: эти ошибки нередко были порождением объективных обстоятельств (мы в данном случае не имеем в виду преступления, которые не могут быть оправданы ни научно-исторически, ни морально), отсутствием опыта данной культуры. Субъективные ошибки произрастали в том числе там, где «законное место» призван занимать опыт данной цивилизации. А в отсутствие такого опыта наиболее надежным гарантом от распространения и утверждения крайностей является только демократизм. Только свободное творчество народных масс, ведущих исторический поиск путей и форм строительства нового общества.

Крайности взглядов, оценок, предлагаемых концепций продвижения вперед, по всей вероятности, почти всегда неизбежны на этапе становления новой культуры, в период, переломный для развития общества. Смысл всего сознательного создания социализма заключается в этом отношении в своевременном вытеснении всевозможных крайностей из политики на подобающее место, т. е. на обочину столбовой дороги исторического действия.

Пусть они существуют в качестве оппонентов, альтернативных суждений. Это только поможет выкристаллизоваться политической платформе, опирающейся на науку. Но нельзя допускать монополизма крайностей.

Формирование зрелого исторического сознания должно опираться на подлинно научное, а потому и правдивое историческое знание. И если на этот счет сказано и в научной литературе, и в публицистике немало, то пока мы мало еще касаемся проблемы культурно-исторических традиций. Кое-кто, кажется, еще по старинке «нобавляется» традиций, видит в них чуть ли не единственное — основу консерватизма. Однако традиции — это не шаблоны. Им не чужды подвижность, восприятие нового, инновации как таковые. В теоретическом плане это, кажется, вопрос выясненный⁶⁷, но в политической практике стереотипы ломаются подчас не проще, чем в науке.

Проблемы наследия, взаимоотношения между поколениями, передающими наследство и принимающими его, пронизывают широчайший спектр общественной жизни. В этих вопросах, как нигде, требуются конкретно-исторический подход, глубокое осознание природы анализируемых явлений. Смещение, прямолинейный анализ социологических, нравственных, идеологических, художественно-эстетических ценностей, подмена или забвение их специфики приводят к вульгарно-социологическим теориям и политике. Говоря, например, о соотношении национального и интернационального, Ленин писал: «Чаще всего и больше всего недостатком рассуждений по этому вопросу является отсутствие исторической точки зрения и конкретности. Очень обычен провоз всяческой контрабанды по флагом общих фраз»⁶⁸. «Контрабанда» аргументов из иной области и другого времени — прием не преодоленный в науке и политике до сего дня. Причиной тому — примат субъективных интересов над объективными обстоятельствами. Для отстаивания же такой позиции «годится» все — от подтасовки фактов до размахивания душкой «идеологических клише».

Положение, отмеченное ранее, что историческое сознание имеет своим стержнем «историческое настоящее, сущее», подчеркивает не только момент интереса современников к определенным событиям, фактам истории. Здесь присутствует и такое важное обстоятельство, как детерминированность любого вида сознания, в том числе исторического, существующей окружающей дей-

ствительностью. «Сила инерции» — это традиции, и они в этом смысле являются «великим тормозом» в истории, писал Ф. Энгельс. Однако подобные традиции, «сила инерции» живут в области «юридических, философских и религиозных представлений», и они не могут долго удерживаться «после того, как экономические отношения в корне изменились»⁶⁹. Впрочем, только в ходе аналитической работы возможно такое разделение, так как в реальной жизни интересы (и в области истории тоже) формируются именно на базе существующих общественных отношений.

На крутых изломах исторического развития общество острее, чем в ходе эволюционных процессов, сталкивается с предрассудками и грузом предыдущего опыта. На поворотных этапах болезненнее ощущается отрицательное воздействие старого, отжившего, острее осознается потребность в преодолении инерционных явлений. Сознание же (и индивидуальное, и групповое, и общественное) формируется и изменяется вместе с изменениями в самой жизни. Уповать лишь на методы идеологического, воспитательного, просветительного воздействия — значит пребывать в иллюзиях. Ведущую роль сознание играет, как правило, только у идеологов движения, у авангарда масс⁷⁰.

Для понимания этих вопросов особое значение имеют проблемы, связанные с соотношением обыденного и теоретического сознания. Даже в специальной научной литературе первое нередко отождествляют с ограниченностью, утилитарностью, а второе с совокупностью научных теорий и идей. Это верно как правило. Но здесь слишком много исключений.

Еще совсем недавно можно было буквально повсеместно встретить такие утверждения. Поскольку в советском обществе господствует коммунистическая идеология, постольку и теоретическое, и обыденное сознание являются выражением коммунистической убежденности. Но это было не так. Здесь нет и не может быть прямых зависимостей. Это во-первых. Во-вторых, нельзя априорно даже коммунистическому по содержанию сознанию приписывать качества, присущие только научно-диалектическому сознанию. Причем это относится не только к обыденному, но и к теоретическому сознанию.

Безусловно, у научного сознания, так сказать, больше шансов быть действительно диалектическим. В то же время обыденное сознание отнюдь не обречено на

существование в метафизической сущности. На нем не стоит раз и навсегда поставленного клейма догматизма, «разорванности» в представлениях при отражении сложных и взаимозависимых общественных процессов и явлений. Тем более когда речь идет о сознании общественном, а не об индивидуальном или даже групповом.

Добиваясь овладения диалектическим мышлением, общество призвано заботиться о том, чтобы поднимать сознание масс на уровень теоретического сознания и одновременно постоянно проверять жизненность теоретических воззрений, идей, которые становятся основой политики, принимаемых решений. В этом отношении обыденное сознание, отражающее преимущественно стихийно диалектику жизни, может и должно через волеизъявление народа, постоянное изучение общественного мнения и т. д. служить своеобразным инструментом для проверки того, насколько адекватно теоретическая мысль отражает, как писал Энгельс, саму «объективную диалектику»⁷¹. По нашему убеждению, различие теоретического и обыденного сознания в большей мере существует по такому основанию, как глубина представлений, а не по тому — истинны или ложны эти представления.

Конечно, в данном случае вновь встает проблема полноты исторического знания. И в науке, и в массовом сознании. Нельзя считать нормальным, что от 76 до 88 % людей, преимущественно имеющих высшее образование, подчеркивают наличие «белых пятен» в нашей истории. Вполне естественно, что люди в таком положении говорят и о недостаточности знаний для дискуссии с теми, кто придерживается других взглядов. Готовность вести полемику выражают лишь 7,8 %. И это при 41,1 % опрошенных, проявляющих «не узкопознавательный» интерес к истории, а видящих в исторических знаниях пользу для анализа уроков прошлого, корней современных явлений⁷².

Мы как-то односторонне привыкли утверждать, что задача воспитания, формирования сознания масс идет только в таком направлении: необходимо поднимать обыденные, неполные представления людей до уровня, достигнутого наукой. И в принципе это верно. Если наука — наука, а не служанка субъективизма. В таком качестве наука лишается объективности, возможности вводить в оборот все более широкий круг данных, оперировать всей правдой фактов. Протivoестественно, когда один из участников уже упоминавшегося нами

«круглого стола» по проблемам начала второй мировой войны (А. А. Искендеров) вынужден констатировать: «Насколько я понимаю, сейчас в нашем обществе дискуссия по обсуждаемым... проблемам идет как бы на двух уровнях — научном и общественном. Конечно, один уровень не должен подменять другой, но противостоять они не должны друг другу. Если исходить из общественного уровня, то обнаруживается такая картина. По наиболее острым вопросам, и прежде всего по вопросам обеспечения европейской безопасности, считает общественное мнение, никто из народов Европы не хотел войны. Однако тогдашние правительства ряда европейских государств действовали, не принимая особенно в расчет мнение своих народов. В определенной мере это можно отнести и к лидерам нашей страны, также мало считавшимся с интересами народа и не использовавшим всех шансов, чтобы избежать войны. Если же встать на позицию, что государственные и политические деятели Запада поступали сплошь опрометчиво и педально-видно, а руководители нашей страны не совершали никаких ошибок, а если и предпринимали какие-либо неверные шаги, то только вынужденные объективными обстоятельствами, то мы не продвинемся вперед в понимании и правильной трактовке многих остро обсуждаемых сейчас в нашем обществе проблем, связанных с истоками и причинами второй мировой войны. Очевидно, и об этом надо прямо сказать, что на каком-то рубеже и мы не использовали все возможности, не всегда поступали лучшим образом, а на каком-то этапе стали выравнивать свою политику. Только в этом случае научный уровень можно будет приблизить к общественному. Без этого неизбежно их противопоставление, а этого не следует допускать. Здесь потребуются новые подходы и новое мышление, что позволит сблизить научный и общественный уровни осмысления этой непростой проблемы»⁷³.

Для чего нам потребовалось приводить это высказывание? А вот для чего. Здесь все вроде бы верно. Однако если вчитаться в приведенные строки, то начинаешь понимать: ведет идеологический, политический стереотип. Возможно, из-за «неаккуратных» формулировок. Ведь что получается? Главная задача — «не следует допускать» разпочтений между трактовками в науке и общественностью, надо «сблизить» эти уровни осмысления. Это, конечно, важно, необходимо. Но главное — правдивое,

объективное, всестороннее освещение истории. А что к чему приблизится — научный к общественному или наоборот — вопрос, как говорится, не столь уж принципиальный. Это А. А. Искендеров, видимо, и имел в виду (судя по его размышлениям), однако выводы сделаны некорректно.

Читатель в то же время вправе после сказанного задать вопрос: а сводятся ли вопросы формирования сознания, в том числе исторического, к названным проблемам? Можно ли понять интересующую нас тему на уровне, скажем, рассуждений, осмысления соотношения и сущности теоретического и обыденного сознания? Разумеется, нет.

Общественное сознание неоднородно не только по вертикали (глубина осмысления, познания истории, окружающей действительности), но и по горизонтали (кто является носителем того или иного типа, формы, уровня сознания). Проблемы неоднородности общественного, группового сознания и групповой неоднородности сознания самих социальных, профессиональных, возрастных групп были достаточно подробно проанализированы Б. А. Грушиным⁷⁴.

Рассматривая в качестве примера классовое сознание, он справедливо подчеркивает, что различные слои, скажем, рабочего класса находятся на разных этапах развития самого пролетарского классового сознания. Неоднородность рабочего класса порождает историческую и социальную неоднородность его сознания. Более того, «...те или иные группы, их отдельные „части“ оказываются носителем не только „своего“... но и „чужого“, привнесённого „со стороны“, порождённого другими общностями группового сознания. Это ведет к возникновению такого многогранного в политическом, культурном и иных отношениях явления, как групповая неоднородность сознания общности (группы) или — в более широкой формулировке — несовпадение того или иного группового, в частности классового, сознания, с одной стороны, и фактического сознания, сознания данной группы (данного класса) — с другой»⁷⁵.

Для анализа реального состояния духовной жизни общества во всей его многогранности важно не забывать о пересечении различных типов сознания даже в пределах одной группы. «Смысл этого явления — до банальности очевидного, но тем не менее далеко не всегда учитываемого в теории и политической практике — за-

ключается в том, что множества индивидов, образующих в своей совокупности ту или иную группу... одновременно входят и во многие другие более или менее широкие общности: демографические, региональные, этнические, политические, совпадающие с ближайшим окружением человека (средой его проживания) и т. п. В результате они оказываются посетителями не одного... а нескольких различных типов группового сознания»⁷⁶. И в этой связи весьма продуктивны исследования массового сознания, сознания «толпы» и «классических», прежде всего социальных, групп, в их взаимопереплетении, перекрещивании. Речь, стало быть, идет об анализе феномена «массы», необходимого для изучения массового сознания, отмечает здесь же Б. А. Грушин.

В настоящее время все мы являемся свидетелями роста национального самосознания наций и народностей нашей страны. И этот объективный и объяснимый процесс идет в немалой степени «с перекосами» из-за того, что историческое познание выхватывает какой-то определенный спектр проблем истории, игнорирует или невольно не замечает другие. Таким образом (по этой схеме) формируется и историческое сознание народа. А оно «срабатывает» деструктивно, если неполное знание приводит к складыванию сознания, неадекватно отражающего историю. Разумеется, и адекватно отражающее историю сознание может быть деструктивным, но у объективного познания все же неизмеримо больше возможностей и оснований для выработки правильных выводов и соответствующих им практических действий.

Общество не может преодолеть трудности, возникающие в многонациональном государстве на межнациональной основе, пока оно не осознает в полном объеме такую проблему: историческое познание народа всегда ведет к росту национального самосознания, а оно, в свою очередь, — к социально-этническому самоопределению, к пространственно-временной ориентации нации. И этот сложный процесс закономерен. Его нельзя игнорировать, по его можно и нужно учитывать.

В этих вопросах многое приходится иметь в виду. Так, например, национально-историческая самобытность каждого народа ведет и не может не вести к признанию оригинальности его путей развития. Но оригинальность нации не есть прерогатива истории. Она, оригинальность (прежде всего этническая, культурная), должна быть и в настоящем, сохраняться и в будущем. Со-

циально-классовые оценки, социально-политические и идеологические критерии, имеющие общенациональный характер, мы призваны, говоря языком математиков, умножать на национально-исторические коэффициенты. В противном случае политика будет обречена на интернационально-космополитическое нивелирование. А это не приемлют и отвергают народы. Это противоречит и духу того, что имеет название ленинской национальной политики. Разумеется, не в искаженном виде.

Культура исторического мышления, широта исторического сознания, уровень его цивилизованности — факторы огромного политического значения. Незрелость этих факторов ведет нередко просто-таки к невероятным несоответствиям, к очень противоречивым «кульбитам» в представлениях и оценках. Так, с одной стороны, например, движение Шамиля рассматривается как реакционное, а не национально-освободительное, противосамодержавное. С другой же — попытки исторического, диалектического взгляда на это явление расщепляются чуть ли не как рост национализма, антирусских настроений. Показывать надо всю правду. Историю изучать всесторонне, а не только все выводить из того, кто с кем-то когда-то воевал. Ну никому же не приходит в голову на основании того, что Франция напала на Россию и началась Отечественная война 1812 г., развивать антифранцузские настроения. Ну кто рассматривает Наполеона как врага русского народа?

Но если обратиться к тому же Наполеону, Франция давно возвела его в национальные герои. И это несмотря на то что за ним поражение, термидор, реставрация империи, т. е. прямое покушение на завоевания революционной Франции. Французская буржуазия (в своей историко-графии, в массовой пропаганде) сопрягла социально-классовые и национально-исторические характеристики. Она, если уж обнажать проблему, своим национально-классовым чутьем освоила диалектику истории и современности. Мы же по-прежнему на уровне революционной романтики и категоричности молодости оцениваем еще очень многое в нашей досоциалистической истории.

К примеру, безусловны и правомерны неоднозначные оценки деятельности такой исторической фигуры, как П. А. Столыпин. Но характеристика его политических взглядов, симпатий и антипатий, отношения к революционной России и т. д. не может не идти одновременно

и с осмыслением результатов политики, проводившейся этим премьер-министром. А они весьма поучительны и не столь однозначны, как иногда представляется⁷⁷.

Видимо, есть своеобразный закон, согласно которому данное общество только на определенном, достаточно высоком уровне развития способно к осознанию себя в широком историко-пространственном контексте. Нетерпимость данного, конкретного типа культуры на этапе становления является следствием не только исторического бескультурья, но и определяется (объективно) неспособностью идеологов движения в своей массе подняться над фактами и эмоциональным напряжением слишком недавнего прошлого. И только увидев, осознав в истории, что есть сущностное, а что частное, человек, группа людей, класс, общество обретают историческое сознание.

Исторические проблемы во взаимоотношениях поколений

История не развивается, не существует сама по себе. Она в конечном счете есть развитие человека, изменение самого общественного человека, развитие и изменение человеческого общества. Но кто же является «посителем» истории? Человек, человечество? Да. Однако это слишком абстрактно. Для понимания самого движения истории необходимо обращение к более определенным и конкретным образованиям или общностям.

Но по каким основаниям вычленять эти общности из огромного многослойного во времени и пространстве человечества? Видимо, понятно и оправданно в данном случае обращение к вертикальному срезу (во времени), поскольку горизонтальный срез (в пространстве), будучи сам по себе обязательным при анализе, не дает возможность вычленять общественные, социальные, профессиональные и иные образования, столь определенные в своем историческом (временном) ракурсе. Такими образованиями и являются поколения.

Разумеется, в каждое конкретное время живут, действуют различные классы, нации, социально-профессиональные группы. Более того, скажем, классы, борьба между ними формировали и формируют в значительной мере и сегодня лицо времени. Классовая борьба, переросшая в революцию, создает сами эти феномены (революции), которые Маркс называл «локомотивами истории». Вместе с тем через прошлое, настоящее течет и устремляется в будущее история людей, живущих в определенное время, связанных с конкретными общественно-историческими событиями.

К общностям, жизнь и движение которых в истории как бы олицетворяют историю в ее человеческом наполнении, марксизм относит поколения. Согласно взглядам Маркса и Энгельса, «история есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из ко-

торых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»¹.

О поколениях как «носителях» истории

Прежде всего во избежание недоразумений следует сказать: метафора Маркса о революциях как «локомотивах истории» не нуждается в защите. Если стоять на позициях правды и объективного анализа, то революции, происходящие в различных областях жизнедеятельности общества, выступают именно в качестве ускорителей, направляющей силы, ведущего фактора общественно-исторического развития. Однако, продолжая этот тематический, терминологический ряд, необходимо отдавать себе отчет и в том, что паровозы или электровозы, т. е. локомотивы, создаются не в целях самопередвижения, а во имя транспортировки составов. В известную условность взятой метафоры в таком случае есть возможность ввести и своеобразное понимание поколений. Это «машинисты и пассажиры» истории, ее материальное и духовное наполнение.

Итак, сначала о самом феномене — поколении.

Анализ работ историков и философов, социологов и демографов, рассмотрение особенностей различных поколений в истории позволяют сделать вывод: вполне оправдана практически уже устоявшаяся точка зрения на поколения как социально-демографические общности людей. Это в то же время не значит, что в данном вопросе достигнут консенсус по всем параметрам. Многие авторы расходятся между собой при определении сущности поколений, и читатель может познакомиться с их взглядами в имеющейся литературе².

На наш взгляд, поколения как общности объединяют людей, живущих примерно в одно и то же время, в относительно одинаковых социально-экономических условиях. Они связаны участием в одних исторически значимых событиях, а значит, имеют сходный социальный, идейно-политический, нравственный, психологический опыт.

Каждое поколение, безусловно, отражает (как общность) социально-классовую структуру общества и изме-

пения в ней. А это диктует, определяет задачи, решаемые каждой классовой, социальной, профессиональной (и иной) совокупностью этой общности. Последнее важно иметь в виду еще и по следующим соображениям. До последнего времени слишком прямолинейно и упрощенно представлялся процесс стирания социально-классовых различий в условиях социализма. Жизнь показала сложность и противоречивость этого процесса, многовариантность переходов, групп, когорт, вбирающихся классическими образованиями — рабочий класс, крестьянство, интеллигенция.

Смена поколений является важнейшим компонентом поступательного развития истории. Возрастные же границы, определяющие своего рода «толщину» того или иного поколения во времени, хронологические рубежи жизни конкретных поколений в истории, частота их смены — понятия подвижные. Здесь нет раз и навсегда заданных критериев. Все зависит от конкретно-исторических условий.

Говоря о процессе смены поколений, важно уяснить и характер взаимоотношений между ними. Да, безусловно, история движется благодаря тому, что поколения наследуют материальные и духовные ценности, создают новые, передают преемникам. В этом основа поступательного, преемственного развития истории. В то же время было бы недialeктично, как это делалось еще совсем недавно, утверждать, что для взаимоотношений между поколениями при социализме характерна только гармония, а, например, для их взаимоотношений при капитализме — преимущественно (или только) конфликты.

Прогрессивные и консервативные взгляды, тенденции, политические действия имеют место в любом обществе. Борьба старого и нового, новаторского и рутинного происходит и при социализме. Более того, если оставаться на точке зрения диалектики, эти источники развития не будут сняты, на наш взгляд, никогда. Для практики же сегодня более всего важно другое — изучать способы проявления и пути разрешения возникающих противоречий, учитывать их в политике.

В реальной жизни история оказывает свое воздействие на формирование напряженных отношений между поколениями, конфликтных ситуаций, противоречий между ними тогда, когда вопросы истории перекликаются с проблемами настоящего. Нередко это бывает не осознано

ни обществом в целом, ни отдельными поколениями. Но база для противоречий здесь закладывается именно на уровне различий между поколениями. В текущей истории мы всегда имеем дело с материализованными в облике, сознании, поведении новых поколений ранее совершенных действий их предшественниками. Рельефнее всего проблемы поколений выступают при обращении к молодежи, к ее особенностям.

В целом для формирования нормального духовно-психологического климата, в том числе во взаимоотношениях между поколениями, в обществе, строящемся на основе сознательных усилий по реализации научной теории, жизненно необходимо положительное восприятие младшими субъективной деятельности старших. Разумеется, само восприятие зависит не столько от благих пожеланий, сколько от объективного воздействия окружающей среды.

Согласно данным ряда исследований, в настоящее время «на стыке» молодого и среднего поколений возникли весьма тревожные тенденции. Происходит постепенная потеря при переходе от поколения к поколению важных социально значимых качеств, связанных с развитием коллективистской психологии. А это принципиально для коллективистского по своей сути социалистического общества. Среди молодежи в возрасте от 17 до 25 лет намного больше, чем среди людей старше 45 лет, тех, кто рассчитывает в жизни не на коллектив, товарищей, а только или преимущественно на себя³. Молодежь всегда настроена критично. В то же время при росте после 45 лет требовательности к нравственным качествам людей старшие более положительно оценивают идейно-нравственные качества окружающих⁴. Конечно, человеческое «я» — это самооценность. Но коллективизм — это не стирание личности, а гармонизация отношений между людьми. В противном случае нужно говорить не о подлинном, а о примитивно-казарменном коллективизме.

Надо сказать и о следующем. Простые, вечные нормы нравственности и в нынешних непростых условиях, и на фоне отмеченных выше негативных по своей сути тенденций более прочны, устойчивы. «Анализ результатов по 12 различным регионам страны показал, что оценка распространенности таких качеств, как уважение к жещине, старшим, высокая культура, почти не зависит от того, в каком именно коллективе работает человек. Практически в любом месте и в любом коллективе результаты

были одипаковы. В то же время есть нравственные качества, оценка которых (а следовательно, можно предположить, и сам процесс их формирования) в большей степени зависит от конкретного коллектива. Это прежде всего чувство товарищества, принципиальность, гражданственность, единство слова и дела. Разница в ответах на вопрос об уровне распространенности этих качеств среди членов разных трудовых коллективов достигает 41 %»⁵.

Упомянутые и другие выводы В. М. Соколова подводят к заключению, что за последние 25—30 лет произошли немалые изменения в настроениях людей, в их ценностных ориентациях. Внимание к проблемам сознания, психологии масс выдвигает перед учеными и практиками по крайней мере следующие вопросы: причины большей распространенности и устойчивости среди людей качеств, относящихся преимущественно к простым пормам нравственности, по сравнению с идейно-нравственными установками, связанными в большей мере со спецификой социалистического общества; корни и механизм формирования столь пестрой картины в распространении общественно значимых качеств у людей, принадлежащих к различным поколениям; проблемы, связанные с потерей ряда позитивных черт у молодого поколения; насколько более критическое отношение молодежи к духовно-нравственному миру современников связано с естественным обостренно-эмоциональным восприятием действительности, а насколько с ростом негативных настроений как реакция на коррозию, деформацию социализма, на ошибки прошлого. Без ответа на эти и подобные вопросы научно обоснованную политику выработать практически невозможно.

Разные периоды в своей социалистической истории пережила наша страна. Многие пришлось испытать народу. Итожить всегда непросто. Всегда существует опасность преувеличения одних и недооценки других событий или явлений. Именно поэтому, не являясь панацеей от всего и вся, тем не менее историческая образованность, воспитанность, культура предстают в качестве достаточно надежных гарантов против искаженных оценок истории, недопонимания смысла происходившего и степени, характера воздействия прошлого на современность.

В этом отношении весьма показательна реакция людей на проблемы настоящего. Время перестройки, как и любой крутой исторический поворот, значительно обостряет восприятие болезненных вопросов, задач, требующих безотлагательного решения.

В социологическом обзоре по итогам массового опроса, проведенного Всесоюзным центром изучения общественного мнения при ВЦСПС и Госкомтруде СССР, отмечается следующее. «Еще вчера, казалось, мы были настроены исключительно на волну празднования достижений, а сегодня захлестывают общество критические настроения, дискуссии по самым острым вопросам, которые множатся подобно снежному кому. Эта безусловно позитивная тенденция — желание открыто взглянуть на реалии жизни и откровенно сказать об увиденном — имеет порой побочный эффект психологического порядка: многим кажется, что именно перестройка породила те «болячки», которые при более внимательном рассмотрении оказываются «заслугой» времен застойных»⁶.

Мы еще вернемся к этому размышлению авторов, а сейчас пойдем вместе с ними дальше, возьмем еще одно интересное заключение. Но прежде всего объясним читателю, на основе каких данных оно сделано.

Респондентам были предложены для оценки острые проблемы социально-экономического порядка. В их список эксперты включили: плохое снабжение промышленными товарами и их качество, нехватка и качество продовольствия, широкое распространение «блата» и несправедливое распределение благ, низкие доходы и высокие цены, загрязнение окружающей среды, жилищная проблема, плохое медицинское обслуживание, зависимость от чиновников при решении жизненных вопросов, низкий уровень обучения и воспитания подрастающего поколения, недостаточная забота о пожилых людях. При этом опрашиваемые должны были трижды выразить отношение к этим проблемам с различных точек зрения. Им предлагалось оценить актуальность названных проблем для себя и семьи; выделить одну, самую острую; высказаться относительно последовательности их решения.

Картина перед социологами предстала и интересная, и паводящая на многие размышления. Самыми актуальными были названия проблемы, связанные со всевозможными дефицитами. Наиболее острыми — жилищная проблема, затем низкие доходы при высоких ценах. Начинать решать надо с экологии, с продовольственной проблемы. Много и других наблюдений и выводов⁷.

Но вот что заставляет задуматься особо. Социологи пишут: «Сравнение ответов на все три вопроса дает любопытную закономерность. Вне зависимости от того, под

каким углом зрения людям предлагается приведенный здесь список, каждый раз он разбивается на две устойчивые группы. В первой — те шесть проблем, которые неизменно оказываются наверху, во втором — постоянно оказывающиеся внизу списка; все проблемы, собранные в первой группе, сорпентированы на, так сказать, «ближнюю» перспективу, во второй — на «дальнюю». Иными словами, люди, как выяснилось, отдают предпочтение своим повседневным заботам и лишь потом задумываются о судьбах пожилых людей и будущности детей»⁸.

Что стоит за этим выводом? Безусловно острота реальных проблем, повседневная неустроенность, от которой люди просто устали. Скрывается ли за этим возросшая эгоистичность, погруженность в «свои» заботы даже в ущерб вниманию к детям, старшим? На этот вопрос ответить сложнее.

Казалось бы, сравнивая приведенное только что заключение с выводами, сделанными В. М. Соколовым (мы их отмечали выше), можно говорить об изменении тенденций, о начале более интенсивной деформации вечных ценностей. Но так ли это? Да, налицо рост индивидуализма, черствости, приоритет «собственных» забот. Однако и жилищная, и медицинская проблемы, и проблема семейного бюджета впрямую связаны с возможностями проявить должное внимание к детям, пожилым. Нельзя, думая о детях, не беспокоиться и о состоянии окружающей среды. Необходимы, следовательно, и более тонкие инструментальные исследования, и иные индикаторы, чтобы понять наконец, что и как меняется в людях, принадлежащих к различным поколениям, и в людях при их переходе из одной возрастной группы в другую. Мы вновь сталкиваемся с попытками на основе единовременных срезов делать далеко идущие выводы. А научно управляемому обществу недостаточно знания человека на нынешнем уровне.

Можно тем не менее предположить с достаточной степенью определенности, что в результатах взятого нами социологического опроса заключены и более глубокие основания исторического порядка.

Поколения советских людей вполне сознательно шли на ограничения, лишения во имя будущей светлой жизни, счастья своих детей. Старшие поколения отказывали себе в самом необходимом. Затем наших соотечественников настойчиво убеждали в быстром достижении самых вы-

соких рубежей прогресса, в том, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». А действительность не давала подтверждения обещаниям и ожиданиям. Может быть в настроенности на приоритетное значение актуальных социально-экономических задач (даже по сравнению со святым — внимание к детям, пожилым!) кроются общественное разочарование, раздражение, обманутые надежды? Может теоретически нами уже понятая невозможность длительной эксплуатации энтузиазма масс все острее предстает перед социализмом и как практическая потребность идти наконец от интересов, потребностей людей? И если это так, а мы уверены в этом, значит, любое промедление с перестройкой, с решением насущных задач чревато серьезным взрывом социального недовольства. Общество, в котором среднее поколение (основная дееспособная сила) находит возможным «откладывать на следующий этап» внимание к своим живущим предкам и потомкам,— большое общество.

Идеалистическое отношение к созданию нового общества, бывшее в определенной мере не только оправданным, но и естественным после победы социалистической революции, да еще и впервые в истории, слишком долгое время превалировало в теории и политике. Но пытаться действовать в соответствии с логикой развития материального мира (и его истории) на базе только или преимущественно идеалистических воззрений и предположений — значит обрекать общество на новые ошибки, неудачи и песуразицы. «Поставьте людей в разумные общественные отношения,— писал Г. В. Плеханов,— т. е. в такие условия, при которых инстинкт самосохранения каждого из них перестанет толкать его на борьбу с остальными; согласите интерес отдельного человека с интересами всего общества — и добродетель (*vertu*) явится сама собою, как сам собою падает на землю камень, лишенный опоры. Добродетель падо не проповедовать, а готовить разумным устройством общественных отношений»⁹.

Думается, однако, что в систему «разумных общественных отношений» следует включить не только социально-экономические основания, но и то, что относится к генотипу, традициям и обычаям каждого народа. Изменение обстоятельств жизни воздействует на человека не всегда и не во всем прямо, но и опосредованно. И нельзя недоучитывать, как это нередко было в истории, что об-

ратное воздействие на общество оказывает не абстрактный и идеальный человек, а человек конкретный. Человек, принадлежащий конкретному времени и истории данного народа, этой страны.

Исходя же из понимания особенностей нашей социалистической истории, мы должны во всей социально-политической, экономической, идеологической деятельности общества исходить не только из безусловного — «бытие определяет сознание», но и из постоянной потребности на качественно новом уровне обратиться к проблемам социалистических ценностей и идеалов. Не только пережитое старшими поколениями, но и осознаваемое молодыми заключено в том, что хорошо было выражено Е. А. Евтушенко в монологе инженера Карцева в поэме «Братская ГЭС»:

Ты хочешь,— чтобы начал я мгновенно
про трудовые подвиги, наверно?

Это из обращения к молодому человеку в конце 50-х годов. Сегодня предположение сразу же будет в подобном разговоре нелепым — мол, ты, наверно, хочешь о трудностях, репрессиях и т. п. Вот как изменился сам характер наших взаимоотношений с историей! Вот какая принципиальная разница в грузе прошлого, лежащем на молодых в наши дни, в отличие от сверстников три десятка лет назад!

А я опять посчит отцов — детей.
Ты молод, я моложе был, пожалуй,
когда я, бредя, мировым пожаром,
рубал врагов Коммуны всех мастей.

...И сплелись мне пидусы на тачанках,
и перуанцы в шлемах и кожанках,
восставшие Берлин, Париж и Рим,
весь шар земной, Россией пробужденный,
и скачущий по Африке Буденный,
и я, конечно,— скачущий за ним.

И далее уже часть монолога Карцева, повествующего о трагедии народа, поколелая в годы сталинских репрессий.

...Мы лес в тайге валили, перечислы,
партийцы, инженеры и чекисты,
начдивы... Как могло такое быть?

Кого сажали, знали вы, сексоты?
И жуть брала, как будто не кого-то,
а коммунизм хотели посадить.¹⁰

Да, безусловно, в воспитательной работе необходимо идти от жизни, от действительности. Но, говоря о прошлом, прокладывая пути в будущее, нельзя отталкиваться от амбиций всезнайства, возникшего уже как бы задним числом. Иначе не понять того, что двигало, скажем, Б. Ш. Окуджавой, когда он писал (убежден, что искренне) еще недавно популярные строки, посвященные тому же Е. Евтушенко: «Я все равно паду на той, на той далекой, на гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной»¹¹. История не может быть судима без знания законов истории, без понимания особенностей исторического времени.

Полагаем, что есть известное полемическое преувеличение в словах И. М. Ильинского в его беседе на страницах «Литературной газеты»: «Надо честно признать, что возможность „внесения“ социализма в сознание новых поколений исчерпана и, более того, способна дать обратный эффект». Нам, пожалуй, не стоит бросаться из одной крайности в другую.

Далее Ю. Д. Поройков спрашивает Ильинского, и тот отвечает: «— То есть, иными словами, если для новых поколений это вопрос выбора (отношение к социализму.— В. Е.), то для социализма — проблема завоевания молодежи на свою сторону?»

— Именно так. Говорят, история дала нам еще один шанс для осмысления собственной жизни и корректировки движения. Не ошибиться бы в очередной раз, не начать бы вновь строить рай для будущих поколений, отпихнув их в сторону уже в момент замысла новой строительной эпохи. Снова — к счастью насильно, помимо воли? А кто нам дал такое право? Давайте всерьез говорить с молодыми: чего они хотят? Ведь при всех пороках и недостатках, которые они от нас же и унаследовали, они (благодаря нам!) образованнее и, как минимум, не глупее нас. И несомненно смелее, несомненно честнее, ибо на нашем примере постигли всю животную низость страха и лжи. И при всем своем прагматизме они все же не враги родителям». И дальше об отношении к социализму: «Во всяком случае, монолитного единства в точке зрения на социализм, его прошлое, настоящее и будущее у молодежи нет...»¹².

Это, как нам кажется, интересные и верные в своих акцентах размышления. Мы еще вернемся к данным проблемам при обращении к истории, нынешнему состоянию и к будущему социализма. Заметим здесь, однако, что монолитного единства во взглядах на содержание и цели общественного развития в обществе у представителей различных поколений, по сути, никогда не бывает. Может быть показное монолитное единство при загнанном вглубь, изолированном от общества пинакомыслии. Скажем, в те же годы, когда Карцев из поэмы Евтушенко сначала крушил, что скажут, и созидал, как укажут, а затем трудно прозревал в лагерях, замечательный писатель М. М. Пришвин оставлял в своих дневниках наблюдения и оценки удивительные по своей точности. Речь у него идет об отношении к процессу складывания тоталитарного режима, о коллективизации, о судьбах культуры и интеллигенции. Причем все это в выражениях и формулировках, звучащих поразительно современно — идет ли речь о смысле и ходе истории или о характеристиках, например, Сталина, Троцкого и других деятелей эпохи¹³.

«...И вот размышляешь в своей пещере,— пишет Пришвин,— задавая главный вопрос: есть ли наша революция звено мировой культуры или же это наша болезнь?

Если это наша болезнь, то болезнь, как, например, сифилис, полученная извне случайно, или же болезнь как следствие своей похоти. Или это болезнь роста, вроде юношеской неврастности.

Я хочу думать, что это у нас болезнь роста и, значит, например, явление Сталина с его „левым загибом“ — неизбежно было: что-то вроде возвратного тифа.

Поиму (хотя не разделяю), если поставят вопрос: „Идея или народ?“, но, конечно, это болезнь, если ставят, как у нас — „Машины или народ?“»¹⁴.

По-разному несут в себе и на себе поколения историю. По-разному и представители различных поколений — и классы, и социально-профессиональные группы, и отдельные люди. Но скольких же бед, ошибок могли бы мы избежать, если бы задавались вопросами, подобными пришвинским, политические деятели на рубеже 20—30-х годов, да и не раз в более позднее время. Если бы открыто и честно обсуждались они в обществе.

Сегодня общество столкнулось на уровне взаимоотношений между поколениями с очень острыми и непросты-

ми проблемам. Не только относительно моды на одежду, музыку. Но и по сложным историческим, общественным вопросам. Каждый пятый молодой человек, а среди школьников каждый третий считают, что старшие их не понимают, отмечает И. М. Ильинский на основе социологических исследований, проводимых НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ. Тревожные симптомы. Но все же возникает вопрос о том, а на каком уровне была эта рассогласованность раньше. Полного понимания и единства между поколениями не бывает. Поэтому надо постоянно диагностировать общество, иначе не будет материала для сопоставления, для выявления тенденций и т. д.

«Нарастают настроения апатии, пессимизма, сомнения, — продолжает Ильинский. — Менее 40 процентов молодежи, например, уверены в том, что наша страна сможет достичь уровня производительности труда развитых капиталистических стран, только каждый пятый считает, что нам удастся в ближайшие годы существенно повысить уровень жизни населения. Около 50 процентов опрошенной трудовой молодежи и 60 процентов студентов видят преимущества социализма лишь в бесплатном образовании и отсутствии безработицы, отдавая предпочтение капитализму в области экономики, в решении социально-бытовых проблем, в развитии личных качеств и инициативы.

Или возьмем такую сложную матерню, как гуманизм. Маркс ставил знак равенства между коммунизмом и гуманизмом, что, в общем-то, понятно, по... Пока для абсолютного большинства людей в нашей стране гуманизм имеет ярко выраженную материальную формулу: спосный заработок, приличное жилье, достаток и разнообразие продуктов, качественная одежда. Нет их у нас — и люди поворачивают голову в ту сторону, где они есть»¹⁵.

Невольно при обращении к таким данным мы задаемся вопросом: как же могли произойти столь серьезная деформация социализма и, как следствие, неверие людей, примитивизация жизненных идеалов, увеличение «пожищ» между должным и сущным. Нет, как бы ни выглядели «демократично» призывы к деидеологизации, размышляя над новым обликом социализма, разрабатывая его новые концепции, общество не может быть безразличным к формированию сознания людей. И прежде всего подрастающих поколений. Нет таких примеров, чтобы призывающие к отказу от формирования коммунистических идеалов прямо или косвенно не занимались пропа-

гандой идеалов антикоммунистических. Другое дело, что в этой работе надо опираться на действительность, добиваться, чтобы она прежде всего воспитывала соответствующие человеческие качества, представления и убеждения людей.

Но никакая, даже самая грандиозная и светлая социальная идея не в состоянии захватить массы, если она не становится для людей своей, близкой, понятной. Полагаем, что нам еще предстоит серьезно обратиться к проблемам патриотизма как нравственного, психологического стержня общественных преобразований. В свое время мы основательно подрубили корни этого феномена, отбрасывали его историческое и национальное содержание, оставляя лишь социальное, классовое. Да еще совсем недавно, в канун 70-летия социалистической революции, газетно-журнальные страницы пестрели рубриками и заголовками «Мы родом из Октября». И сама мысль об ограниченности, антиисторичности такого подхода казалась кое-кому кощунственной, «покушением на устои». Вот и получили из-за этой близорукости, из-за исторического невежества, что, открывая, утверждая правду истории, ликвидируя ее «белые пятна», мы стали получать рецидивы исторического пессимизма, нигилизма. А казалось бы, наоборот. Нельзя же, право, утверждать патриотические чувства, только опираясь то на Октябрь, то на Победу над фашизмом, то на перестройку. Это все звенья и важнейшие вехи истории. Но не вся история, история, для народов насчитывающая столетия и тысячелетия. непониманием сущности патриотизма, предназначения народа, смысла истории, а не только излишней критичностью прессы, как иногда представляют, объясняется тот факт, что в ноябре 1987 г. 92,8 % опрошенных социологами ответили, что они испытывают гордость за прошлое своего народа, а в июне 1988 — уже только 63 %¹⁶.

Как же можно жить без гордости за свой народ, за его прошлое? Нельзя заниматься социально преобразующей деятельностью вопреки законам истории, морали, культуры, нельзя сводить прошлое народов только к одному или другому периоду. Антиисторизм в общественной практике вообще в идеологической работе в частности безнаказанно не проходит.

Практика общественного развития показывает, что наибольшие различия в отношении разных поколений к проблемам истории возникают тогда, когда на авансцену

политической борьбы, идеологических дискуссий выступают явления, события, процессы недалекого прошлого. И это понятно, поскольку трудно представить, что непосредственное напряжение между группами людей может, скажем, возникнуть на почве причин поражения восстания под предводительством Емельяна Пугачева. И какие бы подробности подавления крестьянской войны ни приводились, включая такой (в чем-то «делikatный») сюжет, как роль армии под командованием А. В. Суворова, эти вопросы остаются для наших современников в качестве историко-познавательных. Другое дело, когда речь идет о спорах вокруг содеянного ранее одним из живущих поколений. В этом случае претензии предъявляются к конкретному поколению как к объекту критики, находящемуся, что называется, перед глазами. Подобных примеров множество. Такая параллель с только что отмеченным: подавление войсками М. Н. Тухачевского крестьянских восстаний в период коллективизации вызывает известные напряжения в дискуссиях.

В поступательной смене поколений вообще есть такая закономерность: каждое новое (вступающее в жизнь) поколение воспринимает окружающую действительность как результат субъективной деятельности предшественников. И это обстоятельство как создает хорошие возможности для формирования чувства сопричастности к делам старших (в том числе уже прошедших в историю) поколений, так и предопределяет складывание предпосылок для взыскательного, критического (а возможно, и пегативного) отношения к тому, что сделано предшествующими поколениями.

Здесь следует особо подчеркнуть еще раз значение исторического воспитания. Способности к научному историческому мышлению могут быть не у всех людей. Но элементарное уважение к истории как к науке необходимо формировать у каждого. При всех возможных исключениях, как правило, например, человеку не только со средним, но и с специальным высшим образованием не приходит же в голову претендовать на роль знатока ядерной физики или проблем биотехнологии. Что же касается истории, то здесь многим, к сожалению, кажется, что достаточно знания некоторых фактов, чтобы понимать прошлое и грамотно судить о сущности процессов и явлений недавней и далекой истории. Недоверие к историкам сформировалось во многом из-за политико-идеологическо-

го давления на науку. Но обществу, исправляя подобные ошибки, не допуская их впредь, следует поднимать авторитет профессионального исторического знания.

Разумеется, было бы наивно сводить многие сложные проблемы сегодняшнего дня к распространению такого своеобразного комплекса, как историческое всезнайство или историческое невежество. Впрочем, иногда одно трудно отделить от другого. Однако сбрасывать со счетов их наличие и опасность было бы непростительно. Не секрет, например, что основная масса участников экстремистских, антиобщественных выступлений на националистической почве имеет представление о корневых основах и многогранности того или иного вопроса на уровне крайнего примитивизма. А познание, как известно, плохой советчик. Использовать его в своекорыстных целях не так уж трудно, переубедить же человека, «убежденного» на уровне желания верить, эмоций, стадной солидарности, очень непросто.

Значение истории, понимание закономерностей развития имеет огромное значение. Одновременно живущие поколения всегда (практически всегда) «имеют дело» с незавершенными процессами. Одни из них только начинаются. Другие находятся в стадии развития, что само по себе немыслимо без изменений. Третьи завершаются или переходят в другое качество. Вариантов сопряжения, переплетения здесь может быть великое множество. И все это не умозрительные проблемы. Новые поколения всегда оценивают действия предшественников. Они могут считать их верными и ошибочными. Точно так же безразлично, нередко болезненно и старшие реагируют на действия своих исторических преемников. Здесь тоже все естественно, поскольку речь идет о продолжении их дела новыми людьми, которые могут и изменять цели, и корректировать подходы, и выбирать, использовать иные средства и методы и т. д. Вариантов, повторим еще раз, живая история предлагает немало.

Так, например, если взять цели, задачи, практические действия на путях социалистического строительства, при жизни ныне здравствующих поколений, то «история имела возможности» наблюдать следующее. После смерти Сталина, основываясь на том, что происходило под воздействием XX съезда КПСС, уточнялись цели движения, достаточно решительно изменялись методы работы, политические, экономические средства решения стоящих задач. Все это сопровождалось или же предопределялось пере-

осмысленном того, что было связано с самим фёпомом, определенным тогда как культ личности.

Однако уже в самом пачале 60-х годов был взят курс на развернутое строительство коммунизма. Соответствующие оценки истории, ломка современности характеризовали и новое лицо этого времени.

После октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС начинается процесс постепенной переоценки не только десятилетия «оттепели», но и смысла, значения, содержания предыдущих трех десятилетий. Вступая в так называемый период стагнации, общество меняло не только исторические оценки, но и меняло характер действия самых различных общественных сил в экономике, политике, социальной и духовной жизни.

Немало, как известно, потрясений и изменений пришлось пережить нашим соотечественникам и включаясь в столь долгожданные для большинства преобразования, по праву связываемые нами с именем Ю. В. Андропова. А сколько разочарований, социального пессимизма (разумеется, не для всех) породила попытка повернуть вновь после его смерти к словословию, полудействиям и т. п. И как воспряло большинство общества весной 1985 г. И как трудно, болезненно оно переживает, перерабатывает сложные и неотвратимо вставшие перед страной проблемы в годы перестройки.

Мы взяли менее четырех десятилетий истории. Но все они, перенасыщенные борьбой, успехами и неудачами, противоречиями, выпали на долю тех, кто сегодня входит в поколение дедов. Почти все это не по учебникам истории знают отцы. Много уже пришлось увидеть на своем коротком веку и детям, внукам старших поколений.

Следует в то же время подчеркнуть, что, как правило, не только на уровне обыденного сознания, но и в ходе теоретического, политического анализа чаще всего мы оперируем не строго социально-демографическим понятием поколения. Для характеристики эпохи, особенностей поколений, действовавших в то или иное время, вполне достаточно бывает хронологического или демографического подхода. Так, отмечая последствия принятия конкретных мер, связанных с экономикой, Маркс и Энгельс писали, что данный закон на 40 лет лишает каких-либо шансов два поколения¹⁷. Ленин, рассматривая особенности истории российского законодательства о воинской повинности, писал о том, что в начале XX в. противоестествен-

по то, что казалось нормальным «поколения три тому назад, во времена николаевские»¹⁸.

Нередко политологический анализ предполагал у Маркса, Энгельса, Ленина преимущественное внимание к явлениям, течениям общественно-политической мысли, революционной борьбы, наложившим наиболее яркий отпечаток на свое время. Нам всем понятно, что, когда Ленин пишет «люди 40-х и 60-х годов»¹⁹, он имеет в виду революционеров того поколения, а отнюдь не всех людей, живших в 40—60-е годы. Для понимания сути революционного процесса, особенностей его отдельных этапов этого оказывается достаточно.

Типологически по сходным основаниям выделяем и мы поколения, когда говорим «сверстники Октября», «первое послереволюционное поколение», «поколение первостроителей социализма», «военное поколение» и т. д. При этом для рассмотрения проблем, ныне особенно волнующих советских людей, надо прежде всего осмыслить те исторические процессы, которые протекали при жизни живущих поколений, события, происходившие при их участии.

Здесь старшим выступает военное поколение, дошедшее до нас уже далеко не полным. Историки, социологи, психологи не обходили его вниманием. Но сколько еще предстоит продумать и переосмыслить! Пока преимущественно только публицистика обращалась к поколению «шестидесятников». А сколько своеобразия в поколении, нередко определяемом как «дети застоя». Нельзя понять наше время, нельзя идти уверенно в завтра, не разобравшись в этом.

Военное поколение. Кто они, эти люди, вынесенные на себе неслыханную тяжесть той огромной и страшной войны? Это были и творцы Октября, и их дети. Вчерашние рабочие и рабочие военного времени. Колхозники, среди которых и беднота, часть середнячества, вливавшиеся вполне и не вполне добровольно в колхозы, и те, кто перенес через трагедию своей семьи народную трагедию насильственной коллективизации. Интеллигенция с ее пониманием и непониманием происходившего в стране в сталинское время. Профессиональные партийные и советские работники, кадровые военные. А сколько политических, нравственных, семейных перипетий в этом слое взрослого населения. И конечно же, молодежь. Те, о ком одни из самых произительных поэтов

своего поколения — Николай Майоров написал, горько пророчествуя еще до войны:

«Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы»²⁰.

Было бы неверно исключать из этого поколения и тех, кто работал на Победу в сталинских лагерях. Это страшно, но в лагерях производилась значительная часть нашего национального продукта, кое-кто из авторов говорит даже, что третья часть.

И все это военное поколение. Без строго демографических рамок, но в безусловной своей исторической определенности.

А теперь попробуем остановить историю на таких рубежах, как март 1953 г., лето этого же года с «делом Берия» и осень с сентябрьским Пленумом ЦК по сельскому хозяйству. И заострим наше внимание на других событиях этого периода — XX съезд КПСС (1956 г.) и «окончательная» победа Н. С. Хрущева среди окружения после июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС с вопросом об антипартийной группе Молотова, Маленкова, Кагановича. «Остановим» историю и попробуем представить себе состояние людей различных социально-профессиональных и возрастных групп населения — всего этого «военного поколения»...

Сложная это будет картина. В общем и целом поддающаяся воссозданию, по, убежден, далеко не достаточно осмысленная²¹.

Разоблачение культа личности Сталина, начало большой работы по восстановлению ленинских норм партийной и государственной жизни (мы, конечно, шире и глубже понимаем сегодня причины трагедий и деформаций социализма) было для советского народа настоящим потрясением. В нем (этом потрясении) сливалась радость и облегчение с озлобленностью, растерянностью, гаммой самых различных отношений. Рациональные и эмоциональные, осознанные и не очень, они все же имели свою доминанту. Эта доминанта складывалась из множества составляющих. Но она была, безусловно, выражением стремления большинства к оздоровлению общества, освобождению человека.

Если не брать полярные позиции — от сознательно начавших борьбу со сталинизмом или включившихся в

нее и сталинистов по духу, по грузу преступлений и пным причинам, то можно сказать, что непросто, трудно происходило в народе переосмысление истории. Но оно происходило. Трудности эти были неизбежны. Они до сих пор живут в общественном сознании. И не только на быденном, но и на теоретическом уровне. Это, однако, самостоятельная, важная, но особая тема. Нам же сейчас хотелось бы затронуть другую сторону проблемы.

Каково было тем, жившим более четверти века пазад, поколениям и каково нынешним переосмысливать и переживать переосмысление огромного периода истории социализма? И каково влияние этих процессов (переосмысление и переживание) на судьбы социализма?

20—30-е годы для взрослого населения периода «оттепели» были годами становления вместе со страной, годами труда, борьбы, радостей и трагедий, успехов и ошибок, обретения себя и невозвратных потерь. Что здесь преобладало? Сложно ответить на эти вопросы. Еще недавно, говоря об отступлениях от ленинского курса, трагедиях, репрессиях против собственного народа, в обществе официально держалась и утверждалась линия, в целом связанная с позитивной оценкой прошлого. Хрущевский период и брежневский отличаются значительно (если взять наиболее характерное). Однако подчеркивание положительного значения того, что происходило в стране во второй половине 20-х — первой половине 50-х годов было их общей чертой.

При этом, разумеется, психологическая ломка не могла быть одинаковой для отдельных людей, для целых групп населения. Важно в то же время иметь в виду, что первая попытка трезвого и объективного анализа сталинского периода имела ряд особенностей перед нынешней ситуацией. К середине 50-х годов не выявилась (пожалуй, и не могла выявиться в полном объеме) очевидная ныне потребность перехода от экстенсивных методов хозяйствования к интенсивным, от индустриального развития к повому качеству. Убедительной для абсолютного большинства была и аргументация причин культа, сводившаяся в основном к личным отрицательным качествам Сталина. (Такой подход встречается и сегодня. Но является он более не передовым достижением общественно-исторической мысли, а скорее остатками попыток сказать все, что думает и знает автор по данному поводу и что не смел высказать в период реставрации по Брежневу.) В своей основе была безусловной для большинства

и народа и вера в способности партии снять с утвердившейся модели социализма наносное. И может быть, важнее вера и партии и народа в достаточность подобного ремонта системы.

Не только ограниченностью знания современников, преобразователей той поры, не только нежеланием более глубоких перемен были продиктованы действия «воспного поколения» в послевоенный период. А ведь именно оно определяло эпоху. Представители этого «поколения» составляли и большинство взрослого населения, и занимали руководящие посты во всех областях жизнедеятельности общества от глубинки до центра. Их действия им казались и необходимыми и достаточными. В этом суть. В массе своей то поколение мыслило в обобщенном виде, думается, именно таким образом.

В то же время нельзя не принимать во внимание и психологические аспекты. Да, им было трудно, людям послевоенной поры, эмоционально воспринять и согласиться даже с полуоткровенной критикой периода сталинизма. И на это часто (и справедливо) указывают ветераны. Но, как бы это ни показалось страшным, а косому, возможно, и кощунственным, им было в чем-то и легче. У них была твердая, в том числе психологически, почва под ногами. Если все не сводить к Сталину, не ограничивать жизнь репрессиями и жутью лагерных будней (а они, очевидцы, и не сводили, и не могли сводить), у них было понимание не зря прожитой жизни. Ни страной, ни людьми.

Поколение, прошедшее через войну, было поколением победителей. Может быть, именно поэтому, даже сдвигаемая десятилетиями, четко прослеживается линия оптимистического настроя от 30-х годов к Победе и далее в 50-е годы, в начало 60-х. Там тоже были эти символы эпохи победителей. Первый спутник Земли. Полет Гагарина. Мы, кажется, и радоваться так разучились.

Они были победителями. Это было поколение первооткрывателей социализма. Они обеспечивали новому строю первые и значительные победы. Они были победителями фашизма. Много было сомнений и в ходе и после войны, много было переживаний в связи с вопросом о цене победы. Но они были победителями. Победителями в конечном счете были и тысячи, сотни тысяч реабилитированных, миллионы невинно осужденных при Сталине. Они были победителями, потому что оказались правы,

сумели и себе и другим доказать свою правду. Правду, выпошенную, выстрадавшую. И сколь бы неполными ни были знания, реабилитации — это были люди выстоявшие и победившие.

В середине 50-х — начале 60-х годов у первой страны социализма был уникальный шанс. В значительной мере он был упущен. Нет, не прошли бесследно преобразования той поры. Но шанс был упущен.

Из войны, из восстановительного периода наша экономика, наше общество в целом выходили более убедительными, чем мы пришли к окончанию застоя. Такой, по Лещину, на крутых поворотах истории решающий фактор, как вера масс, готовность и решительность масс, был практически безоговорочно на стороне социализма, на стороне партии. Отнюдь не из желания уйти от анализа менее определенных в своих «плюсах» и «минусах» факторов мы считаем достаточными уже эти. Нет. Они достаточны хотя бы потому, что в них были заложены не просто немалые, но определяющие гарантии проведения и экономических реформ и политических преобразований. Любой глубины и неожиданности. И без масштабных социальных, общественных потрясений. Достаточно вспомнить экономические реформы и политико-государственные эксперименты «позднего» Хрущева и «раннего» периода при Брежневе и Косыгине. Одни из них просто проходили. Другие встречали искреннее одобрение.

Заметим в этой связи, что здесь свою роль играла не только привычка подчиняться и все принимать на веру, воспитанные страхом. Нет. Здесь еще работала и собственно вера в социализм, в партию, в единственно верные решения, идущие из Москвы. Не все так воспринимали. Но в массе своей народ, как творец истории, воспринимал, по нашему мнению, так.

В этом уникальность шанса, который был дан нам историей еще раз. Социализм в России со всеми его особенностями имел второй раз после Ленина исключительную возможность доказать, что ушедшие вперед цивилизации можно догнать на базе социализма благодаря сознательным действиям пародной власти.

Уникальность шанса была и в следующем. Несмотря на гигантские потери, вопиющие преступления 30—50-х годов, страна сделала историческое восхождение на самые передовые рубежи в индустриальном и научном

развитии. Война — этот страшный и самый нежелательный экзаменатор — подтвердила это. Подтверждением являются данные и о потенциальных возможностях строя в этот период.

Так уж случилось, но смерть Сталина, начало работы по освобождению общества от ужасающих деформаций совпали по времени с началом эпохи научно-технической революции, эпохи постиндустриального развития. Были ли у нас возможности для включения в эти процессы без потери десятилетий? Были.

По международному стандарту ЮНЕСКО, называемому коэффициентом интеллектуализации молодежи (КИМ), в 50-е годы СССР занимал третье место в мире после США и Канады. В 1985 г. мы были уже на 42-м месте. Приводя эти данные, показывая разрыв в объеме средств, выделяемых на науку, образование в нашей стране и в ведущих капиталистических странах, народный депутат СССР А. И. Коновалов с тревогой говорил о том, что мы оказались к настоящему дню уже в конце пятого десятка по уровню «молодого общественного интеллекта в мировой интеллектуальной таблице о рангах»²².

Таким образом, неповоротливая централизованная система, созданная при Сталине и оказавшаяся способной на путях экстенсивного развития выжимать из народа, из страны все соки во имя достижения поставленных целей, не смогла переориентироваться на новые принципы развития. И промышленный, и научный потенциал развивался при Хрущеве и Брежневле уже в разных измерениях с новой эпохой. Отсутствие демократии, возможностей для сопоставления вариантов развития, соревнования идей не позволяло прорваться на иные уровни.

Уровень демократизма общественно-политической жизни, атмосфера в обществе при Сталине и Хрущеве отличаются значительно. Это трудно сопоставимые периоды. Страна прошла под руководством Н. С. Хрущева огромный путь. Однако пройденная дистанция оказалась недостаточной для радикального обновления социализма. Половинчатость, непоследовательность лежали тяжелым грузом на политике периода «оттепели». Эти качества закладывали возможность не только для углубления политики реформ (подтверждение тому реформы 1965-го г.), но и возможности для отката назад, топтания на месте. Это в конечном счете и произошло.

Бедой заключалась главным образом в том, что, размышляя над путями возвращения к лепинскому облику

социализма, борясь за утверждение ленинских норм партийной и государственной жизни, политическое руководство второй половины 50-х — начала 60-х годов не сумело выявить корень всех проблем. Шли, сменяли друг друга эксперименты, вводились всевозможные новшества. Трудно, мучительно происходило переосмысление истории. Однако во главу угла всех преобразований не было поставлено принципиальное ленинское понимание социализма как живого творчества народных масс.

Вопрос о сущности Советов сколько-нибудь серьезно тогда не ставился. Над обществом, руководством продолжала довлеть сталинская схема: теория социализма — последовательное руководство сверху — народ-исполнитель.

Сегодня приходится встречаться и с таким утверждением. Н. С. Хрущев, близкие к нему руководители пытались найти выход из доставшегося в наследство положения. Говорят, что создание сельских обкомов партии — это была (в перспективе) попытка избавиться от недостатков однопартийной системы и таким образом решительно прибавить в демократизме. Немало делалось и для передачи тех или иных государственных функций обществу. Здесь и реорганизация народного контроля, и создание добровольных народных дружин для охраны общественного порядка. Но все эти меры не затрагивали главного — политической власти, высших эшелонов власти. Со сталинской системой их роднило неверие в творчество народа.

Было бы, однако, неверно критиковать тот период только с позиций практики. Причины лежали глубже. Не было теоретического прорыва. Не было попыток по-новому взглянуть на социализм. Система, требовавшая капитальной реконструкции, подвергалась косметическому ремонту. За почти два десятилетия при Брежневе ситуация в основном усугублялась. В середине 80-х годов система пришла в аварийное состояние. Вот и досталось внукам и детям «военного поколения», детям «шестидесятников» общество, которое надо решительно обновлять. Но как реконструировать находящееся в аварийном состоянии? Как капитально ремонтировать дом, в котором живут, а выселяться-то некуда? Дом этот — вся страна, все общество.

Хрущев представлял поколение 30-х, был представителем старших в «военном поколении». Он был одновременно и старейшим, и главным действующим лицом

«Шестидесятников». И может быть, в силу своей природной решительности он был более революционен, менее склонен к компромиссам, нежели окружение. Но он был дитя своего времени. Интеллигенции не верил. Народу не доверял. Имея как лидер яркие популистские черты, он тем не менее сформировался в качестве руководителя в обстановке, когда народ пытались превратить (и преуспели в этом) в подчиненную, послушную массу.

Эта внутренняя противоречивость выявилась наиболее ярко, пожалуй, в самой попытке освободить сверху коммунистические устремления в народе, «спустить по команде» развитие творческих сил масс. Не свободное творческое развитие призвано было формировать коммунистические начала, а агитационно-пропагандистски воспитуемые коммунистические идеалы должны были, по пониманию руководства, закладывать коммунизм в экономике и политике. Идеализм в теории детерминировал волюнтаризм в политике. Варварское насилие Сталина и более «цивилизованная» волюнтаристская политика Хрущева были одного корня — схематизм, примитивизм в понимании законов истории, пренебрежительное отношение к народу. И трагический, и комический культы лежали на одном фундаменте — человек-винтик, народ не более чем набор винтиков. У одного в социалистической, а у другого в коммунистической машине. При этом и социализм и коммунизм в этих случаях приходится ставить в кавычки.

Трагедия социализма, трагедия народа заключалась в немалой степени и в том, что после репрессий, потеря военного времени само военное поколение оказалось вырубленным. Многие зависло от того, что политическая система не давала возможностей для выявления и проявления политических талантов. Но нельзя не учитывать и тот факт, что из поколения 1910—1926 гг. рождения после 30-х годов и после войны и выбор-то был весьма ограниченный. И если среди сверстников Хрущева по известным причинам мало оставалось самостоятельно мыслящих, то из сверстников Брежнева выбирать было сложнее и по иным причинам. Среди последних, пожалуй, по трагической закономерности слишком много было желающих или приспособиться, или пожить спокойно и в собственное удовольствие, коли уж выжили. Репрессии пережили, война прошла мимо. А более молодых не пускать, сделать невозможным их прорыв — на это и умения и разума хватало.

Показательна в этом отношении судьба К. Г. Мазурова. Член Политбюро, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. За плечами партизанская Белоруссия, где он был одним из первых комсомольских, а затем партийных руководителей. Несогласие принять самые однозвучные черты брежневского стиля руководства обернулось отставкой. Печальной задалго до смерти бывших на десятках и более лет постарше неприкасаемых Брежнева и Суслова. А сколько таких судеб на иных уровнях и в целом по стране...

Комбаты, солдаты Великой Отечественной к середине 60-х годов достигли только средних эшелонов власти. Повлиять на чрезмерно централизованную власть они были не в состоянии. Они, искренне откликнувшиеся на курс XX съезда КПСС, так и остались во многом частью поколения, чьи таланты оказались невостребованными. А была эта немногочисленная семья фронтовиков, безусловно, яркой. Эти люди как бы сконцентрировали в себе способности погибших товарищей по оружию, поняв в мае 45 года весь масштаб и всю невосполнимость потерь. У А. Т. Твардовского в стихотворении «В тот день, когда окончилась война» есть такие строки:

«В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые...

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числится в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег»²³.

И что немало талантов было среди оставшихся — история свидетель. Не лучшие времена были для творчества, однако вспомним, например, только писательские имена фронтовиков. В политике же, идеологии, экономике раскрыться поколению не дали. Даже оставшейся его части. Вот, может быть, еще одна и не до конца осознанная нами вина руководителей, работавших при Хрущеве, при Брежневе. О Сталине здесь и говорить не приходится.

Данный большой экскурс в нашу недавнюю историю, достаточно фрагментарный анализ особенностей только одного военного поколения или, точнее, двух поколений, судьбы которых связаны с войной, сделан не случайно.

Мы попытались показать, насколько трудно подчас представить многочисленные пересечения между проблемами истории и взаимоотношениями между поколениями. А отмеченные нами моменты — это лишь часть взаимопересечений. Это часть связей и отношений между ныне живущими поколениями через призму отдельных вопросов послевоенной истории нашего общества.

Пожалуй, только «чистые» историки обращаются к прошлому лишь, что называется, из любви к искусству. Хотя сама возможность существования отвлеченных от борений своего века исследователей весьма проблематична. Мировоззрение и пристрастность, личностное начало и общественные напряжения настоящего всегда сказываются на суждениях человека об истории. Само обращение к ней имеет свою первопричину. Н. М. Карамзин в недавню (через 177 лет после написания!) опубликованном произведении «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» писал: «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее; одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее»²⁴.

И не столько само прошлое, сколько именно его связи с настоящим волнуют современников, определяют их отношения к предшествующим поколениям, к результатам их деятельности.

Так что же надо знать, понимать, да просто иметь в виду человеку, который желает судить об истории, о судьбах, мыслях и делах людей, творивших эту историю до него?

Историческое знание, о чем уже говорилось, может быть полным и неполным, а то и фрагментарным, отрывочным.

Историческое сознание существует как на теоретическом (профессиональном) уровне, так и на бытовом (любительском, дилетантском). При этом и профессиональное, на теоретическом уровне существующее знание далеко (как уже говорилось ранее) не всегда является синонимом истинности.

История воспринимается людьми и через рациональное (знания) и через эмоциональное (чувства). Более того, раздельно рациональное и эмоциональное не существуют. И если на первый взгляд кажется, что рационалистическое отношение предпочтительнее чувственного, то при проникновении в сущность особенности истории

как науки такое однозначное отношение вполне определенно становится недостаточным.

Нередко можно слышать: это чисто эмоциональное восприятие, сугубо эмоциональные оценки. Да, действительно, когда чисто и сугубо чувственное — это уже не наука. Вместе с тем вне чувственного восприятия радио способен привести ко многим бедам, коли речь идет о гуманитарной сфере человеческой деятельности.

История — это смена поколений, это в конечном счете движение людей, движение человека общественного в исторической системе координат. А человек не может отнестись отстраненно к собственной истории. Он не может воспринимать только умом ни природу, ни технику, поскольку частью первой он является сам, а вторая — плод его сознательной деятельности. Что же касается истории общества, истории человека, то здесь в полной мере и всегда проявляются человеческие эмоции. И к счастью. И на беду. Все зависит от соотношения рационального и эмоционального.

Человечески надо знать не только настоящее, но и прошлое, дабы не заблудиться в вечном и безмерном лесу его же человеческой истории. Но важно и чувствовать, понимать не только умом, а и сердцем деяния своих предшественников. Ведь отношения новых, молодых поколений к поколениям старших сродни отношению детей к родителям, дедам и прадедам. И так в глубь веков, в толщу поколений. Вне эмоционального нет и нравственного. Без нравственного же начала человеческая история перестает быть историей людей.

Смена поколений — стержень истории. А один из ее важнейших законов — их преемственность. Через любые противоречия и конфликты. В противном случае обрывается сама история.

Забвение, непонимание этого уже не раз оборачивалось большими бедами, невосполнимыми потерями. «Пока еще не поздно, — буквально взывает к современникам Л. М. Леопов, — надо довести до их сознания (до сознания подрастающей смены, которой „послезавтра, может быть, суждено встать у штурвалов государственного управления“.— В. Е.), что *сегодня* есть лишь промежуточное звено между *вчера* и *завтра*, что все мы нынешние — лишь головной отряд бесчисленных поколений, пускай закопанных где-то далеко позади, однако отнюдь не исчезнувших вчистую, а и посмертно взрывающих нам задницу. Существуют некоторые и другие связи между

генераціями — кроме соціально-економічної преемственности; только забвением этого рода объясняется, что иная ходовая щука ищет себе за границей глубинку посылней... И кроме полагаемой ответственности, какая радость заключена в безотчетном ощущении суровых, немигающих глаз, провожающих тебя в неизвестность будущего!»²⁵

В противном случае невозможно понять движение истории человечества как человеческой истории. А в ином отношении она, пожалуй, не способна более играть свою нравственно-созидающую роль. Ибо ныне эгоизм одного из поколений способен породить не просто трагедию народа или народов. Он способен уничтожить все созданное предками, убить современников, перекрыть дорогу в будущее, т. е. прекратить сам ход истории.

Некоторые проблемы диалектики во взаимоотношениях поколений

Чтобы понимать историю и ее законы, необходимо возможно более полное знание. Но этого мало. Обязательным условием является познание, понимание связей, взаимозависимостей, определявших и определяющих действия поколений. Могли или не могли сделать предшественники больше, лучше. В экономике, в политике, в культуре. Больше и лучше исходя не столько из нашего нынешнего знания последствий, результатов их жизни, труда, борьбы, сколько из объективных обстоятельств и субъективных возможностей своего времени.

Историку или человеку, претендующему если не на роль прокурора, то как минимум на место присяжного в суде истории, следовало бы задаться по крайней мере и таким вопросом: а обладали ли предшественники опытом, знаниями, которые бы позволили избежать допущенных ошибок? Да, незнание закона не освобождает от наказания за его нарушение. Но история не юриспруденция. И здесь надо мыслить категориями не права, а истории. Безусловно и права, однако не без поправок на историю, на время действия. Капитализм у древних племен мы не рассматриваем как преступление, несмотря на все наше неприятие этого действия. По-разному воспринимает человечество и акт лишения человека жизни:

одно — боевые действия на войне, другое — карательно-репрессивные акции.

Отношение одного поколения к другому нельзя рассматривать изолированно от результатов действия предшественников, от проблем отношения к историческому наследию вообще. Когда современник обращается к предшественникам, он, подчас даже не осознавая, всегда начинает вторгаться в такую проблему: все ли было взято людьми исследуемой эпохи из предшествующего опыта. То ли и так ли сохранили, то ли уничтожили, порушили. Без подобного анализа, без такого более глубокого исторического исследования понять историю, ее движение невозможно. Теряется перспектива, исчезает точка отсчета. Иначе вообще невозможно судить о прогрессе или регрессе.

Оперировать понятием «поколение» дело не только трудное, но и деликатное. Мы нередко склонны судить о поколениях по характеру, деятельности его наиболее ярких представителей. Однако это не всегда кривомерно и оправданно. Выше лишь фрагментарно были намечены составляющие понятия «военное поколение», а сколько даже в этой далеко не полной картине особенностей, отличий, оттенков. Следовательно, нужен конкретный, детализированный разбор того, каков вклад социальных, профессиональных и прочих групп, входящих в поколение, в результирующую его (поколения) деятельность. Собственно говоря, каков вклад каждой составляющей поколения в победы и поражения своего времени, в радости и трагедии миллионов.

В своем горизонтальном срезе поколение состоит из классов, наций и народностей, социально-профессиональных и возрастных групп. Состоит оно, увы, и из руководителей и подчиненных. Многие поколения состоят из серьезно отличающихся друг от друга возрастных групп (вертикальный, исторический срез). То же «военное поколение» — это поколение высших руководителей (скажем, от Сталина до командующего фронтом) и поколение тех, о ком Ю. П. Воропов сказал: «В блокадных днях мы так и не узнали: меж юностью и детством где черта?.. Нам в сорок третьем выдали медали и только в сорок пятом — паспорта»²⁶. Ко всем этим группам людей одного поколения, разумеется, не может быть одного подхода, «одной мерки». В русле такого понимания, как нам представляется, только и можно добиться цивилизован-

ного отношения к истории, объективного и уже потому нравственного отношения к предшествующим поколениям.

Отмеченное, частично лишь намеченное многообразие факторов, связей, составляющих различные отношения между поколениями (исторические, экономические, политические, социальные, духовно-нравственные), и формирует комплекс взаимосвязей, взаимоотношений между отдельными поколениями. А эти взаимоотношения всегда пересекают большие и менее значимые, всеобщие и частные исторические проблемы. Собственно, взаимоотношения между поколениями немыслимы вне этих пересечений. В этой сложной диалектике связей и отношений, можно сказать, и живут поколения.

Сегодня, в период обостренного и массового внимания к истории, как мы уже отмечали, нередко приходится слышать: что же это за история, за наука, которая складывается из того, другого, третьего. Мол, все было, и то и сё. Таким образом, дескать, и оправдать что угодно можно. Но нет. Попытаться оправдать, конечно, можно. Однако это уже будет субъективизм, односторонность, а не поиск истины в истории. В истории, в которой на самом деле бывает и многое, и всякое, и взаимоисключающее друг друга. В том-то между тем и состоит грамотное, непредвзятое отношение к истории, чтобы все знать, все принимать во внимание, ничего не отбрасывать и анализировать, искать результирующую исторического процесса. Необходим, повторим, тщательный сбор материалов. Их объективный и всесторонний анализ. Глубокие и непредвзятые выводы. И тогда история становится наукой. И только так можно подходить к ней и в политике, и на уровне бытового спора. Так, если не заниматься спекуляцией, преднамеренным подтягиванием знаний о прошлом в субъективных интересах дня нынешнего.

Поправку на субъективную переработку автором исторических сюжетов надо делать практически всегда. Грешат перед истиной часто и не задаваясь неизменными целями. В этом специфика и неоднозначность исторического знания. В своих дневниках М. М. Пришвин как-то записал: «Не верьте писателю, если он пишет историческую повесть, что он в прошлом: он описывает его настоящую жизнь в образах прошлого»²⁷.

Обществу необходимы не только на должную высоту поставленная историческая наука, талантливые и правдивые беллетристы и публицисты. Обществу крайне нуж-

ны исторически образованные читатели. Без этого условия серьезно возрастают возможности для манипулирования общественным мнением.

Советским, социалистическим поколениям присуща такая важная особенность. Эти поколения (а их в послеоктябрьский период насчитывается примерно пять) являются участниками преобразования общества на социалистических основах. Многое менялось за более чем семь десятилетий. Изменялись и представления о социализме, путях его достижения. Вместе с тем оставалась для большинства общая стратегическая цель — социализм. А этот общественный строй, как известно, формируется, развивается не стихийно. Здесь чрезвычайно большое значение имеет субъективный фактор — строительство общества на основе теории посредством целенаправленных действий народных масс.

Несмотря на все перипетии нашего исторического движения, ошибки и деформации, цель движения — социализм — большинством поколений после 17-го года не ставилась под сомнение. Однако средства, методы, способы достижения этой цели корректируются. Более того, дважды (при переходе к нэпу и начиная перестройку) мы коренным образом пересматривали все наши предыдущие представления о социализме. В первом случае только начали эту теоретическую работу и соответствующую новым воззрениям политику. Во втором пытаемся осмыслить ленинскую методологию, реализовать ее на практике применительно к современным условиям и с учетом накопленного опыта.

Нынешние поколения хорошо понимают, что дело здесь не только в движении вперед, в расширяющихся возможностях, в изменившихся обстоятельствах. Подобного рода изменения были и будут всегда. Они естественны. Речь идет о том, что меняются принципиальные, можно сказать, фундаментальные подходы. Меняются не только средства, методы, способы, но и пути достижения стратегической цели. А с точки зрения интересующего нас вопроса это означает не что иное, как классификацию преемниками действий предшественников в качестве и недостаточных и ошибочных по отношению к сути социализма.

Неверные, ошибочные действия как бы лишились оправдания объективными обстоятельствами. Ими можно было объяснить первопроходческие просчеты раз, два. Однако они, эти просчеты, стали приобретать хрониче-

ский характер. Субъективные ошибки Сталина, Хрущева, Брежнева по закону перехода субъективного в объективное оцениваются ныне уже как детерминированные сущностью той модели социализма, которая утвердилась в стране. А то и социализмом как таковым.

Сознательные стратегические действия в прошлом оцениваются нынешними поколениями и как имеющие своим результатом негативные последствия. Не только тактические (подчеркнем), но и стратегические действия, имея в виду смоделированную цель и магистральные пути ее достижения. А это не могло не повлиять и на формирование в обществе, особенно среди молодежи, апатии, нигилизма, антисоциалистических настроений.

Масштабы распространения таких негативных явлений, глубина их проникновения в общественную психологию еще не позволяют говорить о нарушении преемственности между социалистическими поколениями. Вернее, может быть, социалистического характера преемственности (по ценностным основаниям) между различными поколениями. Но все это влияет на социально-психологический облик поколений, прежде всего новых, вступающих в жизнь. Недооценка противосоциалистического влияния на людей деформаций и извращений социализма уже создала в обществе известную напряженность. Дальнейшее игнорирование подобных проблем, промедление с исправлением недостатков чревато серьезными последствиями. Социальные конфликты при этом могут выразиться в том числе и через конфликты и глубокие противоречия поколенческого уровня. Наиболее предсказуемые из них — отходы молодого поколения от социалистических идеалов (которым вполне основательно привержены старшие) и на этой основе конфликт между молодежью и обществом, молодыми и старшими поколениями.

Подчеркнем, что, помимо прочего, серьезным теоретическим (а затем и политическим) просчетом на предыдущих этапах нашего развития была переоценка роли субъективного фактора в строительстве социализма. Она и без того велика, о чем мы уже говорили. Когда же ей отводится, и сознательно, главенствующая роль — тут система начинает терять базисную стабильность. Фундамент деформируется. Субъективный фактор, все более не справляясь с непосильными задачами, интенсивнее и уже без сдерживающих рычагов начинает переводить субъективные ошибки и подсчеты в объективные препятствия развития. Система начинает воспроизводить в экономике,

в политике, в социальных структурах общества материал, работающий против самой системы. Видимо (не столько по логике, сколько по горькой проницательности истории), социализм тоже способен производить в своих недрах своего же «могильщика». Если к нему не подходят как к науке. Если его лишают самих основ существования, нормального функционирования — истинного народовластия, подлинного демократизма.

Социально-психологические факторы общественного развития формируются не по раз и навсегда заданным основаниям. При жизни даже одного поколения меняется интенсивность и глубина воздействия на сознание и поведение людей отдельных сторон общественной жизни. То, что еще вчера можно было достичь преимущественно средствами идеологического воздействия, сегодня уже может потребовать подключения новых механизмов. Социалистические идеалы, например, становились для поколения революционных борцов побудительными мотивами к действию, фактором убежденности в сущности на идеальной основе. У поколений строителей социализма социалистическая убежденность формировалась уже не только идеологией социализма, но и его практикой, изменяющейся действительностью. И это несмотря на все издержки и трагедии в ходе самого социалистического строительства. В последние годы окружающая человека действительность стала терять (и все более заметно) способность к воспитанию социалистически убежденной личности. Ныне возвращение былой эффективности формирования социалистического идеала возможно только на базе новых теоретических прорывов и лишь на основе новой, по-настоящему социалистической практики.

Субъективная деятельность одного поколения, подчеркнем еще раз, часто, а может быть и как правило, предстает перед преемниками в качестве объективной данности. И мы обязаны учитывать это в теории и на практике. Здесь пожалуй, наиболее сложная сторона диалектики взаимоотношений между поколениями. «Субъективный и объективный факторы, — справедливо отмечает В. С. Грехнев, — диалектически переходящие друг в друга свойства действующего социального субъекта». А несколькими страницами ранее он подчеркнул следующий важный момент: «Объективное и субъективное каждый раз определяются через конкретное отношение людей друг к другу в непосредственных процессах общения и деятельности. Все это требует и более

гибкого (с учетом переходов объективного и субъективного) подхода к анализу социально-психологического фактора, который в рамках конкретных обстоятельств может относиться как к объективному, так и к субъективному фактору, а следовательно, неоднозначно воздействовать, влиять на общественные процессы»²⁸.

Однако при всей важности проблемы противоречий между поколениями, поколениями и обществом следует иметь в виду, что эта группа противоречий носит подчиненный характер. Проблемы, нерешенные вопросы, существующие при социализме, как правило, не порождают «самостоятельных» противоречий на уровне взаимоотношений между поколениями, поколениями и обществом. Они являются отражением, проекцией проблем, имеющихся в социальной, экономической, политической, духовной жизни.

Разумеется, к примеру, классовые противоречия также порождаются комплексом проблем. Но будучи комплексными, социально-классовые противоречия имеют сущностную природу, они определяют характер, остроту, направленность всех иных общественных противоречий. В этом качестве выступают противоречия поколенческого уровня. Они в своей основе являются социально-классовыми, национальными, идеологическими и т. д. и только могут приобрести при соответствующих условиях поколенческую окраску.

Противоречия на уровне поколений, «на стыке» поколений, между поколениями и обществом, как и любые противоречия, имеют свой генезис. При этом ни одна область человеческой деятельности не требует при анализе внимания к столь длительным историческим периодам, как область культуры, морали. Значение же этих вопросов переоценить просто невозможно. Человечество если и не погибнет, то деградирует, выродится в нечто «машинно-эпштейновское», если внимание к техническому, экономическому прогрессу будет по-прежнему опережать внимание к проблемам сохранения и приумножения духовности, нравственно-психологического прогресса.

Наука и сегодня не располагает достаточно совершенным инструментом для анализа того, каким образом транслируется социокультурный опыт поколений, как осваиваются, перерабатываются, передаются исторические, социальные и духовно-нравственные ценности. Особое значение имеют задачи обеспечения конкретно-практического подхода к процессу наследования, принятия или

отторжения созданного предшествующими поколениями. Прав И. В. Бестужев-Лада, считающий, что возникла реальная общественная потребность в переходе от общеполософских аналитических исследований прогресса в культуре к изучению качественно-количественных параметров, к оценке, диагностике, прогнозу в сфере духовного развития²⁹.

Отмеченные и другие недостатки, имеющиеся до сих пор в общественных, гуманитарных науках, во многом связаны с недооценкой теоретико-методологического и практического значения самой проблемы преемственности в истории, преемственности поколений в общественном развитии. В повседневной экономической, политической, духовной жизни мы все больше осознаем зависимость от традиций и привычек. Все острее осознает общество пагубность разрыва с историческими, народными (в том числе национальными) нравственными корнями. То там, то здесь современники сталкиваются не только с противодействием традиций, сформировавшихся, например, на базе массового отчуждения людей от средств производства, от власти, но и с дефицитом традиций в сфере демократии, культуры как наиболее рельефно и болезненно проявляющиеся недостатки.

Подчеркивая, как и прежде³⁰, необходимость рассмотрения преемственности поколений в качестве общесоциологического закона, мы считаем, что в данном случае будет правильно выделить следующее. Исторический процесс смены поколений, противоречия и конфликты между ними, через которые только и пробивает себе дорогу линия преемственности, линия наследования и прогресса,— все это важнейшие вопросы и для ученых и для политиков. К ним не случаен и массовый общественный интерес. Это и понятно, поскольку без понимания данных проблем невозможно и понимание того, адекватно ли объективным законам развития общества действовали мы вчера, действуем сегодня.

Общесоциологический закон преемственности поколений «работает» на всем протяжении исторического процесса. Являясь одним из наиболее общих выражений поступательного развития человечества, он, естественно, по-своему проявляется в различных общественных условиях. Но в настоящее время мы уже не можем, как это делалось ранее, ограничиться лишь констатацией отличий между социализмом и капитализмом. Да, есть немало оснований (и история это подтвердила) говорить

о сужении базы для конфликтов социально-политического характера между поколениями, поколениями и обществом по мере развития и упрочения нового строя. Однако в обществе складываются, воздействуют на само общественное движение не только социально-классовые, экономические, политические отношения. Огромное воздействие на жизнь общества и человека оказывают культурно-идеологические, нравственно-психологические факторы. А они развиваются по своим законам.

Важно при анализе исторического развития сопоставлять прежде всего коренные социально значимые качества, определяющие сознание и поведение людей, принадлежащих к различным поколениям. При этом весьма существенно изучать характер, уровни рассогласованностей между ними. Именно такой подход является наиболее плодотворным.

«Степень преемственности поколений неодинакова в различных областях жизнедеятельности,— справедливо отмечает И. С. Кон.— В сфере потребительских ориентаций, досуга, художественных вкусов, взаимоотношений полов расхождения между старшими и младшими, как правило, значительно больше, нежели в главных социальных ценностях — политических взглядах, мировоззрении... Сталкиваясь с трудностями современного воспитания, многие представляют, что раньше все было проще, лучше и эффективнее... Между прочим, некоторая рассогласованность целей и результатов воспитания — необходимое условие и предпосылка исторического развития вообще»³¹. И это подчеркнуто верно. Как не менее верно, на наш взгляд, и то, что «раньше было проще, лучше и эффективнее» в пыльных представлениях людей. У представителей старших поколений объективно происходит со временем «смещение в воспоминаниях», так как бывшее близким и понятным, сильным в молодости обрывается ореолом известной легкости и простоты. Для многих же прошлые (не их) трудности, сложности, переживания, можно сказать, несколько упрощая, существуют по логике, сформулированной в народной мудрости, «чу-жая боль не болит».

Передача опыта, ценностей, навыков от поколения к поколению осуществляется не механическим путем и не по схеме: вот такой-то опыт такого-то поколения, и передается от такому-то поколению и таким образом. Поколения связаны, соединены между собой плавными, на близком историческом расстоянии подчас неразличи-

мыми общими чертами и отличиями. Им приходится решать разные задачи и порой в несопоставимых условиях. К сожалению, не всегда и не всеми понимается, что даже сходные задачи по прошествии времени приходится решать совершенно другим людям и в значительно изменившихся обстоятельствах. В этом, как нам кажется, например, иллюзорность ожидания быстрых перемен с раскрепощением хозяйственной деятельности, развитием кооперации и т. д. Аналогия с эпохой в данном случае весьма условна. Иное чувство хозяина у людей, другая степень развития элементарной предприимчивости, различные изначальные запросы как экономическая, психологическая предпосылка деятельности, несравнимый опыт взаимоотношений с Советской властью, местной бюрократией, которая (бюрократия) тоже не та, и т. д.

Рассмотрение важных исторических, социальных, нравственно-политических и других проблем через призму общесоциологического закона преемственности поколений представляется обязательным. Этот закон выражает одну из важнейших закономерностей общественного развития. Он в самой своей основе связан с анализом характера и содержания преемственности, потерь и приобретений качеств и ценностей людей при переходе от поколения к поколению. В данном законе как бы аккумулируются проблемы соотношения потребностей и интересов общества и потребностей, интересов отдельных поколений (или их представителей).

Общесоциологический закон преемственности поколений носит по-настоящему интегральный характер, проявляясь на уровне социального целого. Его познание возможно лишь объединенными усилиями демографов, социологов, экономистов, историков, политологов и культурологов, специалистов по психологии и социальной психологии, герантосоциологии, статистике, этнографии. При этом, выражая именно существенные связи различных составных частей общественного организма в их развитии, он (закон) сопряжен самым непосредственным образом с целесообразной деятельностью человека по изменению окружающего мира.

Глубокое, по-настоящему научное отношение к изучению прошлого и настоящего, их связей требуется и для нынешней практики, и для социальных прогнозов. Кроме того, без такого подхода не может быть плодотворной работы и по формированию научно-исторического мышления, сознания у людей.

Ультрареволюционная поспешность и консерватизм имеют, несмотря на свою очевидную противоположность, один корень. Это отрыв от реальной действительности. Но если силы инерции, скажем, в консервативном мышлении пытаются отжившими представлениями, нежеланием, неумением, боязнью нового и опасность этих сил достаточно очевидна, то с псевдоревolutionными настроениями бороться нередко сложнее.

Забегание вперед в требованиях, идеях, лозунгах (во фразе, как говорил Ленин) до известного предела бывает привлекательным для масс. В начале ломки, на первом этапе начинающегося революционного процесса это не страшно. Даже полезно. Иначе инерцию, груз стагнации не преодолеть. Однако со временем сама ультрареволюционность может приобретать инерционность, переходить в своего рода традицию. И если эта опасность вовремя не осознается, общество или ввергается в хаос, или вновь отдаст инициативу в руки консерваторов. В массе, неудовлетворенной темпами, характером, глубиной изменений, достаточно быстро может возобладать тяга к «стабильности».

На крутых изломах истории общество острее, чем в ходе эволюционного развития, воспринимает предрассудки прошлого, груз предыдущего опыта. Люди болезненно ощущают отрицательное воздействие отжившего, проявляют передко нетерпимость в борьбе со старым, мешающим движению вперед. На таких этапах налицо бывает потребность и в скорейшем преодолении инерции мышления. Но нельзя забывать, что носителями мышления, его субъектами являются конкретные люди. Со своим опытом, особыми представлениями о жизни, различными склонностями, симпатиями и антипатиями.

Велико желание перемен. Однако пользоваться революционным настроением, социальным нетерпением, политической бескомпромиссностью масс следует чрезвычайно осмотрительно. Мы по истории хорошо помним, что подчас стояло за броским обвинением «контра». Нельзя никогда забывать все связанное с ярлыком «враг народа». И уж совсем негоже (с нашим-то опытом!) искать пастойчиво «противников перестройки».

Мышление, формирующее сознание (и индивидуальное, и групповое, и общественное), изменяется и формируется вместе с изменениями в условиях жизни. Инерция мышления — это объективная данность. Ее надо преодолевать. Но надо различать людей инерционно мыслящих и борющихся с прогрессом осознанно, корыстно. Ленин,

чрезвычайно много внимания уделявший подобным проблемам, считал, что ведущую роль сознание играет, как правило, только у идеологов движения, у авангарда масс³². Он неоднократно предупреждал: «К массам надо научиться подходить особенно терпеливо и осторожно»³³.

Даже не занимаясь специально историей, демографией, социологией, можно вполне осознанно утверждать: проблемы истории и проблемы между поколениями пересекаются там, где возникают связи между «старым» и «новым». В борьбе «старого» и «нового», в их вечном противоборстве заключено само условие прогресса. Это закономерность общественного развития. Важно, однако, и глубже понять, что же скрывается за самими этими понятиями.

Под «старым» философы подразумевают как бы три состояния. Первое — это «старое» в значении вредного, мешающего развитию, тормозящего прогресс и требующее уничтожения; второе «старое» выступает в качестве временно необходимого для развития нового, еще нуждающегося в поддержке; третье «старое» — это безусловно необходимое для развития, то, без чего невозможен прогресс и без существования чего наступит регресс. Под «новым» же имеется в виду или случайное, не детерминированное, не обусловленное предшествующим развитием, или наоборот³⁴.

В переложении же на конкретно-исторический материал эти подходы нуждаются в ряде уточнений. Для развития истории, для прогресса культуры, для сохранения культурно-исторического достояния нередко необходимо сохранение такого «старого», которое на первый взгляд не участвует непосредственно в настоящем развитии. Оно может вообще прямо не участвовать в борьбе «старого» и «нового» в данный период времени. Наиболее характерны в этом отношении примеры из области культуры. Так, проблемы новаторства в творчестве Андрея Рублева необходимо глубоко изучать, имея в виду познавательные аспекты, искусствоведческие, историко-философские, но в противоборстве «старого» и «нового» в наши дни творчество гениального живописца практически не участвует. Это, однако, отнюдь не то «старое», которое не должно существовать, без которого как бы можно обойтись. Абстрактный подход правомерен отнюдь не ко всем областям теоретической деятельности. И уж тем более нельзя делать из абстракций утилитарные выводы для практики. Нет смысла возвращаться еще раз к тому, сколько пору-

пили и навсегда потеряли мы из-за подобного «пова-торства».

В этом отношении важно понимание чрезвычайной сложности проблемы прогресса и регресса в культуре. И если по общему правилу прогресс — это почти всегда и отрицание предыдущего состояния, то в культуре — это почти всегда наполнение, дополнение, превращение, но не отрицание, не отторжение. Во всяком случае, в культуре прогресс имеет еще и такое качество: преодоленное последующим развитием должно оставаться рядом с новым и только вместе сосуществующие «старое» и «новое», традиции и повадки олицетворяют прогресс. Потери в культуре практически абсолютны.

С чем связаны многие наши беды? Думается, с непониманием к опыту людей, опыту предыдущих поколений. Мы слишком часто уповали на сознание, считали что социалистически (и даже коммунистически) сознательная личность может сформироваться путем просвещения и воспитания. А не опытом истории и жизнью с помощью просвещения и воспитания. Именно, пожалуй, поэтому и в науке и в политике так мало уделялось внимания анализу реального положения дел.

Плодотворны размышления на этот счет Л. П. Бугеовой: «Традиции и обычаи той микросреды, в которой воспитывается или непосредственно действует личность, могут, например, нести в себе значительный «запас» старых, до-социалистических форм жизни, отношений и поведения, отнестись к области «пережитков». А та система информации, которая действует на рациональном уровне, через науку, образование, идеологию и т. п., является социалистической по своему содержанию. Однако вытеснение тех старых традиций и обычаев, которые тормозят развитие культуры, в сущности, невозможно только рационалистическим путем, без создания новых, социалистических форм жизни и общения именно в «живой» социальной практике. Поэтому рационалистическая система информации не вытесняет традиционные формы передачи и усвоения социального опыта, а трансформирует их, видоизменяет в соответствии с потребностями совершенствования духовно-правственных аспектов жизнедеятельности общества»³⁵.

В связи с вышеприведенным следует, на наш взгляд, сделать несколько отступлений и замечаний. Полагаем, что речь о рассогласованностях, скажем, жизни и идеологии может идти не только на уровне до-социали-

стического или псевдосоциалистического. Подобное возникает и в рамках социалистического в реальности и идеях. Мы как-то невольно недооценивали методологическое значение ленинских положений о необходимости подвода масс через их собственный опыт к восприятию новых форм жизни. Эти идеи, пожалуй в своем большинстве, Ленин высказывал в связи с проблемами подвода крестьянства к социализму. И понятно, поскольку в условиях России роль и место крестьянства в революции, в строительстве нового общества — вопрос коренной, главный. Но по прошествии времени, с опытом истории нам становится все более понятным, что в ленинских взглядах содержится методология подхода к классам, социально-профессиональным и социально-демографическим группам в условиях строительства общества на базе научной теории.

Вот эти подходы, если коротко. Ленин исходил из того, что следует «учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю»³⁶. Нужно буквально приравливаться «к уровню самого обыкновенного крестьянина»³⁷. Отнюдь не случайно он говорил о возможности решения этих задач в неопределенный срок, о том, что это «дело, требующее поколений»³⁸.

Совершенно справедливо Л. П. Буева поставила в своих размышлениях само понятие «пережитки» в кавычки. Какие пережитки? По отношению к чему, к какому состоянию? Теоретически являющееся для социализма пережитком может для практики социалистического строительства на данном этапе, для действующих поколений быть просто реальностью, чуть ли не единственно возможной формой экономических, политических, нравственных отношений.

Так, борясь против социального неравенства, мы «записали» в пережитки неравенство всякое. И получили вместо социалистического распределения по труду, т. е. вместо социальной справедливости в обществе трудящихся, уравниловку. Обезличку. Теперь уже эта уравниловка (наше собственное благоприобретение) квалифицируется (и вполне оправданно) как пережиток времен, когда доминировали казарменно-уравнительные представления о социализме. Но и тогда, в начале социалистического строительства, и теперь за теми, за другими «пережитками» (подлинными и мнимыми) стояли и стоят миллионы. Их психология, их отношение к делу, их представления о справедливой и разумной жизни формировались поколения-

ми. Ломать не строить. Но как же тяжело преодолевать инерцию, сложившиеся традиции. Насколько осторожно следует относиться и к социальным экспериментам, и к пересмотру истории.

«Есть, вероятно,— пишет П. В. Волобуев,— социологический закон, согласно которому жизнеспособность общества находится в прямой зависимости от степени самопознания или, иными словами, от того, какую полноту знания правды о себе самом оно может себе позволить»³⁹. Убеждены, что здесь историк подметил исключительно важную сторону функционирования социалистического строя. Об этом говорят уроки истории. Свидетельством тому и перипетии процесса самопознания, выявившиеся в ходе перестройки.

Уместно будет привести здесь следующее рассуждение П. В. Волобуева, в концентрированном виде воспроизводящее проблемы, оказавшиеся в наши дни предметом особо пристального внимания. Обсуждения, начавшегося и еще идущего далеко не безболезненно. «Приходится с сожалением признать, что по части самопознания наше советское общество сильно грешило многие десятилетия, примерно с конца 20-х и до середины 80-х годов. Потому-то сегодня мы задумываемся над многими трудными вопросами, ищем на них прямые ответы. Как, скажем, могло случиться, что социалистическое общество, рожденное в результате синтеза революционного порыва трудящихся масс и научной политики ленинской партии, в дальнейшем не смогло реализовать провозглашенное великой революцией намерение построить новую жизнь на научной основе, на основе правды и справедливости? Как могло случиться, что партия, призванная руководствоваться в своей деятельности подлинно научным учением марксизма-ленинизма, не всегда сохраняла неформальную верность его духу? Почему руководители страны вскоре после смерти В. И. Ленина заболели боязнью, а в иные периоды и страхом самопознания? Наконец, каковы исторические последствия ослабления способности нашего общества к самопознанию и какие уроки следует извлечь из давнего и недавнего прошлого, чтобы возродить изначально присущее марксизму революционно-критическое отношение к истории и действительности?»⁴⁰

Вопросы сформулированы кратко. Они, схватывая главные, стержневые проблемы уроков истории, как бы заключают в себе и ответы. Сегодня этим периодам и борениям прошлого историки уделяют много внимания. В то

же время представляется, что некоторые существенные фрагменты в этих уроках истории еще не проанализированы, не осмыслены обществом. Мы имеем в виду их рассмотрение через призму преемственности и прерывности в ходе смены поколений. Собственно говоря, отмеченный выше социологический закон (зависимость жизнеспособности общества от возможностей его к самопознанию) является как бы условием правильного пользования, научного и политического учета диалектики взаимоотношений, преемственности поколений. Игнорирование законов и требований, вытекающих из взаимоотношений между поколениями, ведет к потере исторической перспективы, не позволяет сколько-нибудь достоверно судить о потерях и приобретениях в самом человеческом факторе, лишает общество способности вовремя подмечать назревание негативных явлений и конструктивно на них реагировать.

Поколение революционеров, возглавивших вздыбленную Россию, отличало целый ряд особенностей. К ним относятся отмечавшиеся неоднократно Лениным специфические черты нашего рабочего класса и его партии. Пройдя через все перипетии революционной борьбы, неся потери, набираясь опыта, большевистская партия оказалась способной решить главную задачу революции — возглавить массы и обеспечить переход власти в руки Советов. По этому поводу Владимир Ильич писал: «...в решительный момент, в момент завоевания власти и создания Советской республики, большевизм оказался единым, он привлек к себе все лучшее из близких ему течений социалистической мысли, он объединил вокруг себя *весь авангард пролетариата и гигантское большинство трудящихся*»⁴¹.

Но трудности руководства страной еще более усугубились после гражданской войны из-за огромных потерь, которые понес кадровый пролетариат, сама партия. «Если не закрывать себе глаза на действительность,— говорил Ленин в начале 20-х годов,— то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией»⁴².

Слой действительно был тончайший. В громадной стране со всеми ее особенностями пролетарскую политику могла обеспечивать лишь незначительная часть из

в целом не такой уж и многочисленной партии — 400—500 тыс. членов.

Вскоре после окончания гражданской войны, т. е. только-только получив возможность мирного социалистического строительства, партия, Страна Советов лишилась Ленина. И почти одновременно начал постепенно срабатывать фактор неприятия инакомыслия, недоверия к испытанным партийным кадрам. Уже в 1925 г. в одном из писем Сталин писал: «У нас в России процесс отмирания целого ряда старых руководителей из литераторов и старых „вождей“ тоже имел место. Он обострялся в периоды революционных кризисов, он замедлялся в периоды накопления сил, но он имел место всегда. Лупатарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красины и т. д., — таковы первые пришедшие мне на память образчики бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли»⁴³.

Пройдет еще немного времени и окажется, что в данном случае набрасывался не только эскиз «исторического исследования», но и формировался политический курс. Курс, который не сумели тогда оценить и не остановили его развития крупнейшие руководители партии и государства — бывшие соратники Ленина. А недалек тот день, когда сами они «отойдут на второстепенные роли» и затем будут уничтожены. Тончайший слой старой партийной гвардии, с которой Ленин связывал все надежды, без него не выдержал.

Для чего этот исторический экскурс? Он для того, чтобы понять, что тончайший слой политиков может оказаться способным или неспособным вести массы, определять в конечном счете историю. Сталину удалось постепенно подменить слой старой партийной гвардии слоем верных ему людей. Последний (слой), создавая административно-командную систему, воспроизводил во все большем количестве себе подобных. Этому способствовали различные факторы — от присвоенного права на роль наследников Ильича, от реальных результатов первых социалистических преобразований до страха и репрессий, обрушившихся на партию и народ. Вера Сталина в собственную непогрешимость переросла во всеобщую общественную несамокритичность. Сформировались поколения людей, значительные группы в составе новых поколений, которые были отлучены от творчества, лишены демократической атмосферы, не принимали альтернатив и сомнений.

Нам не обойтись без осмысления такого феномена: ве-

ра в непогрешимость в выборе путей, средств, методов строительства нового и разрушение старого нуждаются не только в самоутверждении, но и в закреплении себя в этом «безгрешном» качестве. В глазах потомков, по мнению претендентов на вечную память в истории, можно остаться единственно праведными при одном условии — канонизация принципов, догматизация теории и политики, отвержение инакомыслия как проказы.

Справедливо оценен призыв Н. Андреевой «Не могу поступиться принципами» как манифест антиперестроечных сил. За ним не в одном поколении утвердившаяся идея непогрешимости. Однако, когда люди, записавшие сами себя в лидеры и единственные толкователи перестройки, разворачивают шельмование чуть ли не любого несогласного, засомневавшегося в правильности проводимой политики, в антиперестройки, — это вызывает возражение, законное беспокойство. По историческим параллелям (разумеется, всегда условным), по типологии здесь мы, кажется, сталкиваемся с прежней попыткой канонизировать одну-единственную линию как путь к истине. Отторгнутый сталинизм в новом поколении борцов словно оказался способным существовать в новых одеждах.

Примечательно здесь и другое. Особую нетерпимость к оппонентам проявляют представители поколения «шестидесятников». И это понятно. Обманутое поколение, в молодом, среднем возрасте находившиеся после XX съезда КПСС люди, ныне, часто сами того не сознавая, спешат самоутвердиться. Спешат закрепить свое положение. У них невольно срабатывает синдром возможного консервативного реванша. Но спешка, тем более сведение счетов с предшествующим временем (и с предшественниками) — опасный советчик в политике. Вот почему нам сегодня, как никогда, необходимы и демократия, гласность, альтернативные платформы в дискуссиях и опора на молодые, свежие силы.

Многообразные и глубокие по значению уроки таит в себе история Октября, социалистического строительства. Извлечь их из пагромаждения исторических явлений, событий, фактов — значит создать хорошую основу для самознания общества и в настоящем.

Октябрю было суждено стать первой победоносной социалистической революцией. Революционный порыв, окрашенный в романтические тона, охватил в те годы не только массы, но и идеологов движения к социализму. И это вполне естественно. Менее естественно было дру-

гое — неумение вовремя остановиться, оглянуться, внести коррективы в теорию, отталкиваясь от жизни. Происходило часто наоборот: жизнь ломали по старым схемам и теоретическим построениям.

Достаточно вспомнить настойчивую тягу к мировой революции, попытки перейти сразу же к коммунистическим принципам распределения, стимулирования труда и т. д. Ленин достаточно быстро сумел увидеть нависшую над революцией опасность. Будучи диалектиком, он стал искать из оригинального положения российской революции и оригинальные пути в социализм. К этому следует добавить его изначальное неприятие разрушительных идей в культуре, морали. Новая культура, новая нравственность мыслились им, как известно, в качестве продолжения (и в этом смысле именно составной части) векового опыта человеческой цивилизации. Однако многие прозрения Ленина не были поняты. Многие прямые указания и советы фактически не выполнены.

Говоря о культуре в широком смысле этого понятия, следует подчеркнуть, что именно в отношении к ней коренятся основные беды и ошибки послеленинского периода. Еще можно понять то, что относится к первому опыту, что является шагами пионеров. Но ошибки пионеров становятся совершенно непонятны во второй половине 20-х и в 30-е годы. Это уже догматизм в теории и упрямство в политике. «Зрящее отрицание», небрежение вековым опытом народов, переоценка специфических условий не только страны, но и ее отдельных регионов — все это в конечном счете не могло не вернуться в политику бумерангом. Но уже не к политикам 20—30-х годов — этим нерадивым детям революции, а к политикам нашего времени.

Усваивая подобные уроки истории, нельзя вместе с тем бросаться в крайности. Из отрицания предыдущего трагического или неудавшегося опыта не следует, что необходимо в принципе записаться в орден разрушителей сделанного предшественниками. Уроки истории говорят как раз об обратном: нам надо вернуться к пониманию, что цивилизованная политика базируется прежде всего на уважении ценностей, созданных старшими поколениями, в том числе давно ушедшими в глубь истории. Отмывая напосное, мешающее развитию, нам никак нельзя вновь брать на себя право распоряжаться тем, что принадлежит не только нам, но и всем поколениям. До и после нас.

Это как императив — ни одно поколение не должно присваивать себе право решать судьбы сделанного предшественниками или жить за счет преемников. Это касается и собственно экологии, и экологии человека, культуры. И пора бы нам осознать, что те, кто придет на смену, будут не только образованнее и не глупее нас, они будут умнее. Хотя бы потому, что они будут оснащены и нашим опытом. Еще Энгельс боролся с непониманием в этих вопросах. Он отмечал: «Мы, по всей вероятности, находимся еще почти в самом начале человеческой истории, и поколения, которым придется поправлять *нас*, будут, надо полагать, гораздо многочисленнее тех поколений, познания которых мы имеем возможность поправлять теперь, относясь к ним сплошь и рядом свысока»⁴⁴. А мы, претендуя на роль марксистов, никак не можем усвоить эти уроки.

От историзма в науке — к историзму в политике

Неосознанное, неосмысленное прошлое не дает возможность подлинно по-научному понять настоящее. Не разрешенные проблемы историографии очень часто, может быть даже как правило, «сводят счеты» в политике с конкретным обществом, с политическими партиями и деятелями. И здесь напрашивается, кажется, такой вопрос: почему это происходит? А ответа однозначного нет, его и не может быть. В каждом конкретном случае он «складывается» индивидуально, вбирая в себя множество факторов и обстоятельств.

В поисках ответа мы должны иметь в виду тот комплекс проблем, который обуславливает возможности и направленность размышлений политиков. Часто приходится сталкиваться с ситуациями, когда для глубоких обобщений и выводов не хватает знаний, приходится иметь дело с еще не выкристаллизовавшимся опытом. Подобные объективные ограничения усугубляются недооценкой или неправильным пониманием уроков истории. Анализируя удачу и ошибки политики, исследующий всегда упирается в вопросы полноты и правдивости фактологической базы, умения (неумения), желания (нежелания) изучать действительное многообразие существенных и необходимых связей и явлений в исторических процессах, вникать в них.

Наука по своей сути чаще всего бывает готова реконструировать события минувшего на уровне достижений своего времени. Необъективно воссозданная история, поверхностные или субъективные выводы из уроков прошлого — это в большей мере следствие соответствующего социального заказа политики. И перекрапывание, переписывание, сокрытие истории в угоду сиюминутных интересов — тоже часть подобного заказа.

По нашему убеждению, принципы историзма научного исследования (что тоже обеспечивается не автоматически) могут адекватным образом оказывать плодотвор-

пое воздействие на политику только при вполне определенных условиях. Обеспечиваются эти условия по всей цепочке «наука — политика». С особыми институтами и в науке и в политике. С особой ролью и влиянием личности и в той и в другой области человеческой деятельности. Со своими специфическими потребностями в востребовании научного знания, присущими различным ступеням и типам общественного устройства.

Историзм как принцип анализа окружающего нас развивающегося мира, как принцип мышления издавна интересует философов, историков, культурологов. При этом следует подчеркнуть, что, согласно наиболее распространенному мнению, исторический подход к изучению прошлого и настоящего начал разрабатываться в условиях нового времени, в XVIII в. Нас в данном случае интересует не историография проблемы, а ее нынешнее понимание. Вместе с тем необходимо отметить, что совершенно прав М. А. Барг, выступая за исторический подход к истории формирования исторического сознания. Он выступает против того, чтобы «впадать в далекое от историзма самообольщение» и отказывать в «истинно историческом» мышлении докапиталистическим обществам. Историческая мысль, по его справедливому суждению, — это грань определенного типа культуры конкретного общества¹.

Рассматривая историзм с позиций диалектико-материалистического понимания развития общества, хотелось бы подчеркнуть, что, как нам представляется, сущность историзма еще не осмыслена наукой именно как грань культуры социализма. Причем здесь происходит, с одной стороны, забвение того безусловного факта, что социализм не может быть правильно понят в отрыве от предшествующих этапов развития человеческой истории. Его нельзя брать вне корней, из которых он вырастает. С другой же — правильная и всесторонняя пространственно-временная ориентация социализма невозможна без осмысления его отличительных черт в контексте особенностей эпохи и исторического процесса в целом. Иными словами, частная типологизация социализма необходима, но недостаточна в отрыве от общей типологизации развития человеческой цивилизации.

Дабы не отсылать читателя к достаточно многочисленной литературе по методологии истории, возьмем уже широко использовавшуюся нами работу А. И. Ракитова «Историческое сознание». В ней проводится мысль, что «исторический материализм обобщил и синтезировал»

предшествующие взгляды на историзм, взяв все ценное в предшествующих концепциях, переработав их «на основе единого диалектического метода»². Ракиловым, пожалуй, дана наиболее развернутая, расписанная по пунктам формулировка основных составляющих принципа историзма:

«1. Объектом исторической науки является история, понимаемая как прошлое развитие человечества. Это развитие подчиняется особым объективным законам.

2. Развитие общества отличается от развития природы. Природа развивается по своим собственным законам независимо от воли, сознания и целей человека. Историческое развитие есть прежде всего развитие целеполагающей деятельности людей и, следовательно, включает в себя на всех уровнях и этапах сознание. Оно выступает в форме воли, эмоций, осознанных или интуитивных целей и является важным фактором истории.

3. Все формы, виды и проявления сознания в конечном счете определяются общественным бытием людей. Сознание, будучи детерминировано бытием, оказывает на него обратное активное воздействие. В определенных условиях общественное сознание и реализующие его институты могут обретать относительную самостоятельность, прямое сведение общественного сознания к бытию невозможно и ошибочно.

4. Эмпирическую базу исторического познания составляют факты, построенные на основании научного критического исследования исторических и археологических источников. Принцип историзма требует выявления и описания максимально полного набора фактов, необходимых для решения каждой конкретной исторической задачи...

5. События, ситуации и процессы объективной исторической реальности причинно обусловлены.

6. События, ситуации и процессы объективной исторической реальности функционально связаны.

7. Все исторические события, ситуации и процессы различаются по степени их значимости, по вкладу в историческое развитие. Критерий значимости задается определением того, содействует, препятствует или остается нейтральным данное явление по отношению к фиксированным в конкретном исследовании социальным, экономическим, политическим и культурным структурам, к процессу их развития.

8. Возникновение, развитие и исчезновение исторических явлений происходит в объективном времени и прост-

рапстве. Процесс исторического развития совершается диалектически в специфически исторической форме, т. е. через столкновение и борьбу противодействующих социальных сил — классов, групп и т. д. Теоретическое познание истории, опираясь на факты, воспроизводит, отражает, реконструирует и объясняет причинные и функциональные связи, действующие в обществе, имея целью создание концептуальных схем и формулирование научных законов истории.

Сфера приложения принципа историзма не ограничивается лишь профессиональным историческим познанием; он находит применение во всех социальных науках и конкретных исследованиях, связанных в той или иной мере с познанием общества. В структуре же собственно исторического познания он выполняет роль своего рода стержня, объединяющего всю систему, пронизывающего все ее подсистемы от эмпирических фактов до концептуальных, теоретических схем»³.

Для нашей работы такого концентрированного описания всех составляющих принципа историзма, по сути, достаточно. В описании «введено» даже больше «позиций», чем на наш взгляд, вбирает сам историзм. Мы бы не стали заострять на этом внимание, если бы А. И. Раки-тов, критикуя В. И. Келле, И. С. Кона за расширительные толкования принципа историзма⁴ (когда он отождествляется чуть ли не с диалектическим мышлением вообще и не показываются «механизмы и границы... применимости»), сам не встал бы на тот же расширительный путь. Прямо скажем, такие «пункты» Ракитова, как 3-й полностью, а 2, 5 и 6-й в определенных своих частях, тоже относятся не только к предмету «историзм».

Не вступая, однако, в дискуссию по этому специальному вопросу, скажем, что в наиболее концентрированном виде принцип историзма — это принцип диалектико-материалистического познания исторического развития общества, требующий своего, специфического угла зрения на исследуемые факты, явления и процессы. Такой подход, разумеется, не нов. Он вытекает из ленинского определения самого «духа марксизма»: рассматривать все явления исторически, лишь в связи с другими и только в связи с конкретным опытом истории⁵ — о чем мы уже писали. В данном отношении вполне справедлива формула, что нет историзма без диалектики и нет диалектики без историзма.⁶ И тем не менее развернутое описание,

которое дал Ракитов, необходимо и полезно и для науки и для практики.

Уже само название главы говорит о том, что мы попытаемся рассмотреть историзм в двух аспектах. Первый из них касается сферы науки — области человеческой деятельности, связанной с выработкой знаний об окружающем мире, его прошлом, настоящем и будущем. Наука сама по себе исторична, ибо она «...движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения»⁷. А согласно марксистскому пониманию процесса познания, в общественных, гуманитарных науках исследуются «в их исторической преемственности и современном состоянии условия жизни людей, общественные отношения, правовые и государственные формы с их идеальной надстройкой в виде философии, религии, искусства и т. д.»⁸. Историзм науке присущ изначально, сущностно, независимо от «желания» ученых. Другое дело — уровень историзма, зависящий как от полноты знаний, профессионализма исследователя, так и от установок, которые им движут. Внутренне или внешне.

Здесь мы выходим вновь на такую тонкую и остро дискуссионную тему, как связи и зависимости между социальными науками и политикой. Не возвращаясь к уже затрагивавшимся проблемам познаваемости истории и общества, истинности исторического знания, добавим, что, согласно диалектическому материализму, объективное отражение наукой, безусловно, возможно. Наука объективна тогда, когда знания и представления, накапливаемые, перерабатываемые и вырабатываемые ею, не зависят «от субъекта»⁹. Другое дело, какие знания и выводы как и кем востребуются. А это уже сфера интересов людей, партий, классов и социальных групп, государств, целых общественных систем. Это уже область политики, у которой, как известно, свои законы.

Но нельзя необъективно списывать все недостатки общественных наук на счет политики. Всегда существовала и существует проблема внутренних и внешних установок у исследователя, в науке. Ни те, ни другие сами по себе не гарантируют объективного, беспристрастного анализа. Может быть и внутренняя установка на фальсификацию и социальный заказ на правду. И наоборот. Экспертиза здесь всегда должна быть конкретной.

Маркс, не путавший, как известно, объективность и партийность позиции, писал: «...Человека, стремящегося

приспособить науку к такой точке зрения, которая потерпела не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами,— такого человека я называю „пизким“»¹⁰. В то же время положение, когда внешние интересы диктуют науке, встречается весьма редко. Проще всего, разумеется, вновь процитировать основоположников: «Буржуазия,— отмечал Энгельс,— все превращает в товар, а, следовательно, также и историю. В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»¹¹. Прочитать и поставить точку. У них, мол (у капиталистов), все так, а у нас все по-другому, хорошо и объективно. Но от подобного примитивизма и одностороннего подхода мы, кажется, уже избавились. Ушли от него, а к чему пришли?

Вот мы и подошли ко второму аспекту вопроса об историзме.

Прежде всего следует сказать, что вне исторического анализа современного состояния экономики, государственного устройства, культуры, международных отношений политика обрекает себя на блуждание в потемках. Не в тьме кромешной, поскольку и единовременный срез сегодняшнего состояния предмета внимания политики дает материал для анализа и для ориентирования. Но такой уровень знания, как правило, бывает недостаточным. Это во-первых.

Во-вторых, следует помнить— политика всегда проводится в чьих-то интересах и во имя чего-то. Следовательно, рассчитывая на успех, политические партии, движения, деятели заинтересованы в наиболее полном и объективном знании. Научный историзм берется политикой на вооружение практически всегда. Другое дело, считают ли необходимым политики оперировать открыто всеми знаниями, известными им, или что-то скрывают, что-то фальсифицируют.

В-третьих. События и процессы в истории различаются по их значимости, по глубине воздействия на историческое развитие, по и действующие в настоящем политические силы произрастают из самих этих более или менее значительных явлений, питаются их соками. Следовательно, политические воззрения современности всегда связаны

и со своим прошлым, и с нынешними концептуальными объяснениями истории.

В-четвертых. Политические партии и движения действуют неизоллированно. Их политические диалогн с союзниками и противниками не могут обходиться без обращения к прошлому. А политическая деятельность всегда связана с успехами и неудачами, с попытками разобраться в их причинах. Таким образом, политика является историчной не только в силу непрерывного общественного развития, постоянного обновления ситуации, но и потому что она (политика) вынуждена заниматься самоутверждением или самокритикой, объяснением и оправданием, пересмотром как взглядов на историю, так и своих актуальных программ.

И наконец, последнее. Политика, претендующая на успех, как свидетельствует опыт истории, должна не отторгать оппозирование, не гнушаться анализом идей и концепций, вырабатываемых инакомыслием, а делать из этого выводы. Политический плюрализм является не фактором, мешающим реализовать определенную политику, а фактором, обеспечивающим жизнеспособность последней. Логика здесь в худшем случае такова: затрудняющее тактику позволяет утверждать стратегию. Ну а в лучшем, как говорится, «все как по маслу».

Значит, возможность определения историзма в качестве политической категории предполагает выводы об известной политизации наук об обществе и о невозможности реальной политики без опоры на общественно-исторические знания.

Еще совсем недавно перипетии вокруг рассматриваемых проблем объяснялись, если коротко, следующим образом. Объективное познание возможно только на базе диалектико-материалистического мышления. В таком подходе (объективном, правдивом) из всех социально-классовых сил более всего заинтересован рабочий класс, поскольку он вернее и точнее других классов и слоев отражает объективный ход исторического прогресса. Коммунистическая партийность не только обязательна в мире, в обществе, разделенном на классы, но и необходима. Она выражает интересы самого передового класса и поэтому в отличие от буржуазной партийности не отторгает, а предполагает объективное познание действительности. Партийность в соответствии с марксистско-ленинским учением — это принцип и познания, и общественно-политической деятельности.

Бросающийся в глаза архаизм подобного изложения сложнейших проблем теории познания, социально-исторического прогресса, общественно-политической деятельности — следствие не только схематизма сжатого текста. В таком духе писались главы книг и учебников, целые монографии. И не в таком уж далеком прошлом. Какой же вывод? Все это неверно? Нет, и это не так, хотя с примерно такими «кавалерийскими наскоками» приходится ныне встречаться все чаще.

Представляется, что в первую очередь, возвращаясь на новом витке развития и на новом уровне знания к диалектико-материалистическому учению о развитии общества и истории, необходимо уяснить несколько очевидных истин. В примитивизации учения «виновато» не учение, а его интерпретаторы и толкователи. Отставание от проблем современности — это не нечто заложенное в диалектическом и историческом материализме, а прямо противоположное его духу.

Мы уже ссылались на Ленина, по убеждению которого объективное знание возможно, когда наука не зависит от субъекта — ни от человека, ни от человечества. Это вообще краеугольное, фундаментальное положение марксизма. Можно, к примеру, сослаться и на Г. В. Плеханова: «„Партийная наука“, строго говоря, невозможна. Но, к сожалению, очень возможно существование „ученых“, проникнутых духом партий и классовым эгоизмом. Когда марксисты презрительно отзываются о буржуазной науке, они имеют в виду именно „ученых“ этого рода»¹². Известно и понятно, что такие «ученые» есть не только «у них».

Политика может «давить» на науку и бывает заинтересована в искажении истории. Такой деформированный социальный заказ науке делается, по общему правилу, политикой, выражающей или классовый эгоизм, или интересы классов, социальных сил, пришедших в противоречие с историческим прогрессом. Подлинно революционные, а не спекулирующие на революции, на преобразовательной деятельности силы объективно заинтересованы в правдивом освещении прошлого и настоящего. Партийность с позиций передовых движений современности соединяет в себе и стремление к объективности и определенность политической позиции. Здесь они не противоречат друг другу. Если марксизм, по словам Ленина, «требует от каждого общественного деятеля неумолимо объективного анализа действительности и складывающихся на почве той действительности отношений между раз-

личными классами, то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это „не полагается“?»¹³

Подобный методологический вывод распространяется в общем и целом на все классы, на все общественные системы. Искажение марксистских взглядов, прямая измена его принципам, допущенные при Сталине и продолжавшиеся далее, не опровергают, а подтверждают отмеченные подходы. Уничтожение ленинской гвардии, перерождение партии и узурпация власти сталинской «командой» лишили трудящихся России, все ее революционные силы главного оружия — методологии революционного учения. Искажения, прямая ложь при анализе истории и современности в те годы — верный признак того, что социализм по-Сталину оказался не в ладах с прогрессом. Он стал выступать в области социалистического строительства, мягко говоря, с позиций неправильно понятых интересов рабочего класса, его союзников.

На последнем, XI съезде РКП(б) (март 1922 г.) созданной им партии, на котором Ленину довелось выступать, он и утверждал и предупреждал: «Пролетариат не боится признать, что в революции у него то-то вышло великолепно, а то-то не вышло. Все революционные партии, которые до сих пор гибли, — гибли оттого, что забывались и не умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях и научимся преодолевать слабости»¹⁴. Ленина чрезвычайно беспокоили эти вопросы. Примерно через год, диктуя один из документов своего завещания, адресованный XII съезду партии, он сформулирует: «Наш ЦК сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную, но работа этой группы не поставлена в условия, соответствующие его авторитету. Этому помочь должна предлагаемая мною реформа, и члены ЦКК, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая, „не взирая на лица“, должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел»¹⁵. Быть самокритичными, добиваться безусловной осведомленности партии по всем вопросам — вот чего требовал Ленин.

Интересно подчеркнуть такой момент: Ленин, видимо, весьма беспокоился за способность партии рабочего класса действовать, будучи правящей, так, как в иных условиях, т. е. по-марксистски. Он прямо говорил, что партия быстро училась тогда, когда «подталкивала необходимость. На войне нас подталкивали чрезвычайно энергично... Вот когда мы постоянным образом спохватились и начали и учиться и применять свои плоды учения и выгнали неприятеля»¹⁶. А иные условия — это и тогда, когда партия была в оппозиции, когда без объективного анализа, без правды добиться успеха невозможно. И тогда, когда вопрос жизни и смерти в условиях войны диктовал необходимость политики, опирающейся на поиск истины, когда нельзя было спрятаться за иллюзии. Став правящей, партия, по Ленину, должна была всегда исходить из непреходящих ценностей: «Нельзя делать иллюзий, создавать себе мифы,— отмечал Ленин,— материалистическое понимание истории и классовая точка зрения безусловно враждебны этому»¹⁷. И все неудачи социализма, все его последующие трагедии были связаны с тем, что непреходящие ценности предавались забвению, а классовая точка зрения пролетариата подменялась точкой зрения бюрократии, оторвавшейся от самого класса.

Уроки минувшего не понять без рассмотрения соотношения законов истории и законов политики. На этот счет много полезного и интересного читатель может почерпнуть в имеющейся литературе¹⁸. В работах, указанных нами, раскрываются многие методологические и специальные вопросы. Нас же интересует проблема взаимосвязей между законами истории и законами политики. Нельзя, конечно, сказать, что эта проблема — «белое пятно» в науке. Однако здесь есть, что называется, паде чем подумать.

Обращаясь к прошлому, размышляя над настоящим, заботясь о будущем, человек всегда пребывает в определенных пространственно-временных рамках. И мысль человеческая, пытающаяся разобраться в том, что же происходит с обществом и человеком, сориентирована во времени и пространстве. Во времени, поскольку всегда возникают вопросы о том, как было раньше, откуда возникло явление, как начался интересующий процесс, какие в обществе происходили изменения, где мы находимся, куда идет развитие, что нас ждет завтра? Три модуса времени — прошлое, настоящее, будущее — «держат» человека в своих крепких объятиях, как бы кто-либо ни хотел

отрицать историзм. В пространстве покуда не существует абсолютной возможности изолироваться ни человеку, ни обществу от своих «соседей» по планете, по географическому положению страны, по социальным горизонтам общества, в котором живут и взаимодействуют классы, социально-профессиональные группы, партии, союзы, отдельные люди.

Логика истории, пронизывающая пространство и время, пробивает себе дорогу через причудливое переплетение закономерностей и случайностей исторического развития. Но не вкралась ли ошибка в предложенную «формулу»? Не есть ли логика истории синонимом закономерности? Думается, что в этих правомерных вопросах заключен большой смысл. Он по крайней мере в том, что логику истории нужно понимать, на наш взгляд, как своего рода результирующую различного рода закономерностей. Это то, из чего складывается обобщающая линия развития человеческой цивилизации, общественного прогресса. А закономерности, как известно, бывают разные, они живут, существуют, действуют и в экономике, и в социально-политической области, и в сфере культуры. Свои закономерности «выстраивает» история в развитии общественно-экономических формаций, в классовой борьбе, в действиях отдельных политических сил, национальных движений, групп людей. Есть, стало быть, закономерности разных уровней, различного характера, и задача состоит в том, чтобы выявить и познать их, суметь понять, куда же выводят они человечество в настоящее время? Куда уходит эта дорога, устремляясь за горизонт времени?

Ленин в свое время, характеризуя принципиальную, методологическую сторону теории марксизма, писал: «Что стремления одних членов данного общества идут вразрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войны, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общезвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы»^{18а}. А у Сталина вообще «дело обстоит напряженно» с поисками истины в лабиринтах жизни. К этому не был приспособлен его интеллект, этому противилась его натура. Он не мог «купаться» в противоречиях истории и жизни,

не понимал сути диалектики. К его прямолинейному мышлению, нетерпимому к инакомыслию, властолюбивому характеру очень подходила сама идея: классовая борьба как самоцель, смысл истории как средство достижения идеалов прогресса. Он не пожелал (или не сумел?) понять ни новую логику новой социалистической истории (но логику, вписывающуюся, а не противоречащую логике всемирной истории), ни смысл прямых указаний Ленина на «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»¹⁹.

А ведь это было убеждение Ленина, а не просто фраза, «брошенная» больным человеком в завещании, к которому, как мы уже отмечали, соратники отнеслись весьма своеобразно. Еще в 1921 г. в связи с четырехлетней годовщиной Октября Ленин говорил: «Мы рассчитывали, поднятые волной энтузиазма, разбудившие народный энтузиазм сначала общеполитический, потом военный, мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, как и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать: мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов коммунистически... Жизнь показала нашу ошибку. Потребовался ряд переходных ступеней: государственный капитализм и социализм, чтобы *подготовить* — работой долгого ряда лет *подготовить* — переход к коммунизму. Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостики, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не подойдете к коммунизму... Так сказала нам жизнь»²⁰.

Смысл политики, проведение которой началось на рубеже 20—30-х годов, состоял, кроме всего (и это очень существенно!), и в том, что принципы политики были лишены историзма.

Закон истории можно рассматривать в двух отношениях. Это закон исторического процесса, т. е. выражение закономерностей общественно-исторического развития. Это законы исторического познания, законы истории как науки. Два смысла употребления понятия «исторические за-

коны» связаны, но не тождественны между собой. И различия здесь лежат главным образом в русле отличий между историческим материализмом и теорией познания. С позиций же соотношения истории и политики здесь следует различать характер, содержание законов и способы, методы, возможности их использования.

Для общества, строящегося на научной основе, это имеет непреходящее значение. Ведь здесь в отличие от преимущественно стихийно функционирующих систем все пронизано управлением. И на какую науку и как политика опирается — вопрос не только эффективности, но и в конечном счете жизнеспособности социалистического строя.

Сегодня доминируют утверждения (а нам кажется, что это так), что практически главная беда нового строя — это следование за схемами, отрыв от жизни, подгонка действительности под идеалы, измена обществом, создающимся по теории, на базе научного управления, самой науке. Но это только половина правды. И эта половина, коли уж считать ее таковой, является производной, не ведущей, а ведомой.

Ведущая, основная, главная беда социализма как строя и вина принятой на вооружение интерпретации научного социализма как науки заключаются, на наш взгляд, в недооценке определяющего фактора цивилизованного развития — пространственно-временной ориентации во всемирном историческом процессе. Точнее будет сказать так: недооценка этого фактора в теории и игнорирование его на практике. Парадокс заключается в том, что марксизм как учение, поднявшее историзм на невиданную до него высоту, лег в основу социально преобразующей деятельности, его же (историзм) отрицающей. По меньшей мере недооценивающей. А схематизм и идеализм уже шли за этим.

Мы, видимо, подчас забываем, что искаженное восприятие марксизма, отмеченное еще Энгельсом, преодолено до конца не было. А это касается достаточно широкого круга проблем. Главные из них — диктат примитивного экономизма, увлечение политикой пересмотров и перекрапываний, «конструированием» общества от идеала, «на манер гегельянства», как говорил Энгельс²¹. Социально-политические и экономические абстракции, долгое время довлевшие над социализмом в теории и на практике, были достаточно подробно проанализированы А. С. Ципко²².

О том, что весьма своеобразные представления о сущности социалистического строя были широко распространены, говорит хотя бы такой факт. Известно: Ленин творчески, диалектически подходил к положениям и высказываниям Маркса и Энгельса. Слова «мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное...»²³ достаточно характерны для него. И тем не менее еще в 1917 г. для Ленина, большевиков основой понимания нового общества было убеждение: «Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией»²⁴. Грубо говоря, единая форма собственности и социалистическая государственная монополия — это и есть прообраз того, на чем базировалась сталинская система социализма. Устаревший взгляд был реанимирован после Ленина. От его теоретических разработок, прямых политических указаний, наметок и размышлений, связанных с ним, с пониманием социализма как строя цивилизованных кооператоров, общества демократического, опирающегося на исторические достижения мировой культуры (и материальной и духовной), постепенно мало что осталось. Исторические корни социализма, его корреспондированность с человеческой цивилизацией в целом были урезаны настолько, что в саркастическом замечании Н. И. Бухарина: «История человечества делится на три периода: матриархат, патриархат и секретариат»²⁵, увы, правды оказалось впоследствии даже больше, чем он предполагал.

Все познается в сравнении. Истина эта верна и для социализма, который может быть правильно понят только при его рассмотрении в контексте исторического развития и страны, в которой он строится, и стран и народов, идущих рядом по дороге истории. Только в этом случае можно представить себе достаточно хорошо социализм как новый тип культуры. Тип культуры новый, но все составляющие ее произрастают не просто на реальной, но на вполне конкретной почве. Собственно, в условиях империалистической войны, когда перед человечеством впервые со всей остротой встал вопрос о том, что капитализм «способен порвать и неминуемо порвет все основы культурной жизни», социализм рассматривался именно как спасение исторических достояний цивилизации. Проблема выбора, по Ленину, была такова: или «...погубить всю культуру и погибнуть или революционным путем свергнуть его капитала, свергнуть господство буржуазии, за-

воевать социализм и прочный мир»²⁶. Социализм произрастал из альтернатив своего времени, и его последующая, уточненная ориентация в историческом процессе вообще и в истории отдельных стран в частности — это было уделом иной эпохи.

Разумеется, всеобщие, интернациональные законы развития экономики, функционирования политических систем, движения в социально-классовой структуре обществ, жизни культур. Но эти законы во всемирной абстракции существуют только в теории. В действительности они всегда наполняются, корректируются неповторимым содержанием времени, своеобразием исторического прошлого и настоящего народов, оригинальной самобытностью их сознания, психологии, характера, традиций. Нет двух одинаковых феодализмов, капитализмов, социализмов. Каждый строй может быть понят только в своем сцеплении с историей и только в своих связях и особенностях настоящего. Марксистская «...теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»²⁷. Говоря о путях социалистического строительства, Ленин подчеркивал, что «ни в коем случае» нельзя подходить единообразно к различным регионам. «Центральную Россию, Украину, Сибирь шаблонизировать, подчинять известному шаблону будет величайшей глупостью»²⁸. А своеобразие и оригинальности состояния — из истории.

Политика всегда связана с интересами классов, социальных групп, наций, общественных движений, с отношениями между ними. Но если проблемы политики — это всегда, во всей истории — прежде всего проблемы власти, то в социалистическом обществе это еще и сфера деятельности, посредством которой осуществляется создание всего общества на основе научной теории. Преимущества социализма (сознательная деятельность по его строительству) предполагают и наличие особых, специфических сложностей: политика никогда не ограничивается только своей сферой, здесь она активнее, чем в других общественных системах, почти постоянно вторгается и в другие области — в экономику, в культуру. Преходящее в истории (политике) имеет способность при социализме оказывать подчас чуть ли не решающее воздействие на непреходящие ценности. Именно поэтому возникает необходимость «сдерживать» данное созидющее

начало, вносить в политику принципы и требования науки.

Важнейшее из этих требований — рассматривать политику в условиях социализма как закономерный для данного этапа развития итог становления, эволюции самой политики и самого управления делами общества и государства. Этот закономерный итог по убеждению Ленина был в том, что «...созидателями этого общества могут быть только многомиллионные массы. Как сотни были этими созидателями в эпоху крепостного права, как тысячи и десятки тысяч строили государство в эпоху капитализма, так теперь социалистический переворот может быть сделан только при активном непосредственном практическом участии в управлении государством десятков миллионов»²⁹. Для социализма демократия, самоуправление, всепартийный учет и контроль, гласность — это не тактика, не пропаганда, а фактор существования, жизнеспособности. «Мы хотим, чтобы правительство всегда было под контролем общественного мнения своей страны»³⁰, — заявил Председатель Совнаркома на второй день после его образования.

Когда же речь идет о том, что социализм существует и строится для народа, а не наоборот, то частенько забывают о традициях, привычках. О национальном характере и о народной, национальной психологии вообще до последнего времени говорить как-то было не принято. Но это не марксистский подход. Именно подобные «издержки» привели к тому, что еще не перевелись любители изображать «...дело так, будто культурная политика партии — и в прошлом, и сейчас — направлена на противопоставление досоциалистической и социалистической истории страны, на подрыв народных традиций»³¹. Преодоление подобных воззрений — важная задача, но она осуществима только при полном отходе от «рапповско»-изоляционистского подхода к истории и в науке, и в политике.

Было бы наивно, конечно, полагать, что принципы историзма прямо переносимы из науки в политику. В политике свои законы. Но, утверждая безусловную мысль о том, что политика — это искусство возможного, следует обязательно уточнить, в каком смысле и для кого возможно? Подлинная социалистическая политика может только тогда претендовать на такое определение, когда под возможным будет подразумеваться не только практически осуществимое, но и исторически оправданное. Це-

лесообразное с точки зрения культуры. Препемлемое с позиций общечеловеческих нравственных ценностей. Можно сказать, что историзм, разумеется, «мешал» и еще будет «мешать» конкретным политикам, но он помогает реалистической политике. Как только политика начинает «не стыковаться» с принципами историзма, тотчас же можно ставить диагноз: отрыв от действительности. И еще: историзм может «не устраивать» тактику, «противостоять» предлагаемым мерам, но он всегда работает на стратегию. На по-настоящему правильно понятые интересы народов, классов, любых других общественно-исторических образований.

Когда заходит речь о взаимодействии истории и политики, читателю, знакомому с проблемами становления советской исторической науки, перипетиями, возникавшими в сфере идеологии в 30-е годы, конечно же, вспоминается формула «история есть политика, опрокинутая в прошлое». Она связана с именем одного из первых историков-марксистов — М. Н. Покровского, именно ему приписывалось уже после смерти авторство этой «концепции».

Исследователь творчества М. Н. Покровского О. Д. Соколов предполагает, что указанный тезис был выдвинут учеником Покровского П. О. Гориним. Последний не вкладывал в него никакого иного смысла, кроме желания подчеркнуть «лучшие качества своего учителя как ученого-политика». У самого Покровского подобной формулы вообще нет. Однако после выхода постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (1934 г.) на волне пересмотра истории в соответствии с установками книги «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» эта формулировка стала одним из центральных пунктов критики так называемой «школы» Покровского. Апофеозом, пожалуй, были два сборника статей: «Против исторической концепции М. Н. Покровского» и «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», вышедших в 1939 и 1940 гг. В них топ задавали статьи А. М. Панкратовой и Ем. Ярославского³².

Данный историографический экскурс предпринят нами отнюдь не в просветительских целях. Дело в том, что в 30—50-е годы (да и позднее) в полном соответствии с упомянутой «концепцией» политика и вторгалась в прошлое, «писала» и «переписывала» историю в угоду сиюминутным политическим интересам. Удивительное де-

ло — здесь прослеживается та же логика, что и в борьбе Сталина со своими оппонентами по партии. Разгромить Троцкого, затем взять у него на вооружение многие подходы. Обвинить Бухарина и Рыкова в одном, а после прощесствия времени и с изменением конъюнктуры приписать им собственные утверждения, встав на их ранее раскритикованную позицию. Видимо, вообще для переломных эпох характерно утверждение своего «я» путем смены идеологических масок, агрессивного отрицания некогда провозглашавшегося, присвоения приоритетов низвергаемого противника. Перестройка в лице некоторых деятелей подтвердила и эту закономерность поворотных этапов истории.

С точки зрения диалектического материализма неправомерно ни «опрокидывать» в прошлое политику, ни подходить к современности с мерками минувшего. Подобные крайности присущи схоластике, которая по своей сути не способна воспринять диалектику соотношения истории и современности, истории и политики.

В чем же, на наш взгляд, каким образом принципы историзма выходят на политику? Понимая условность разделения между собой составляющих общественно-исторического развития и наличие известной схематизации при всяком выделении пунктов и подпунктов в теории и политике, тем не менее отметим следующие. Научный социализм, переходя в политическую практику и тем самым «вмешиваясь» в исторический процесс, должен оперировать «точными выводами из исторических фактов и процессов развития»³³. А для этого необходимо понимать, что:

1. Политика призвана исходить из того, что, согласно марксистскому учению, человек предстает прежде всего как самоцель общественного развития. Подход к человеку как к своего рода средству реализации задач прогресса и одновременно как к объекту преобразований возможен и необходим с позиций материалистического понимания истории, но только при одном непременном условии. История движется не только благодаря деятельности людей и изменениям в самом человеке, она и существует постольку, поскольку несет в себе человек известные природные неизменности, сохраняет и передаст от поколения к поколению вечные ценности цивилизации — культуру, мораль, традиции. Социализм не от схем и утопий, а от науки и исторической практики исходит

право на жизнь, только постоянно соизмеряя свои прогностические посылы и созидающе-преобразующие действия с логикой прогрессивного развития общества и человека в прошлом и настоящем истории человечества.

2. Коммунизм, рассматривавшийся еще Марксом не как состояние, а как движение, разумеется, предполагает создание «моделей» социализма и следование им. Но и, как история в целом, любая «модель» имеет свои предпосылки, свое начало (прошлое), свое данное и в чем-то вынужденное, детерминированное состояние (настоящее) и свое желаемое будущее. Подвижность наших представлений о социализме, путях и методах его строительства не синоним беспринципности, а антипод догматизма и стагнации.

3. Задача овладения всеми теми богатствами, которые выработало человечество, имеет методологическое значение для становления социализма как типа культуры. Причем данный подход в отношении социалистической цивилизации в целом предполагает опору как на прошлое, культуру, традиции народов, уже вставших на путь практического социалистического созидания (вертикаль истории), так и на опыт, культуру других народов, т. е. на достижения и уроки, находящиеся по горизонтали исторического восхождения человечества. Интернационалистская сущность социализма восходит к всемирному опыту и к общей исторической судьбе цивилизации. В этом опыте вклад народов — самоценность. Исторические, социально-экономические, духовно-нравственные особенности развития каждой страны, каждого народа влияют на облик, черты конкретного социализма сегодня, эти факторы будут действовать и воздействовать на строительство общества на протяжении всего ныне обозримого будущего.

4. Закономерности общего хода развития человечества выявляются только на высоком уровне научного обобщения. И только на высоких уровнях абстракций понимаемы логика истории, результирующая прогресса цивилизации, будущее человечества. Для политики исторические закономерности имеют практический смысл тогда, когда анализируются, используются опыт, уроки, достижения, выявляемые на уровне «частных» закономерностей «конкретных историй» и определенного настоящего — страны, формации, общества. Разумеется, важно умение соотносить политику с общими закономерностями, однако при этом следует помнить, что общие закономерности выводятся, произрастают из более частных. А не наоборот.

5. Политика должна опираться на науку. Но только на понимании истории, на знании философии, политической экономики и т. д. она строиться не может. В научно обоснованной политике сопрягаются различные сферы общественной жизни, которые развиваются по своим законам. И важно уметь строить жизнь, вести политику так, чтобы, сообразуясь с социалистическими ценностями и представлениями, экономика развивалась по законам экономики, культура — по законам культуры, государственная жизнь строилась на основе права, опиралась на самоуправление, на углубление социалистического демократизма и т. д. Момент историзма включается в каждую из этих областей по-особому, предполагая внутренний настрой против застоя, а тем более против деградации.

6. Исторически обусловленное выделение человека из мира природы никогда, по-марксизму, не разделяло «историю природы и историю людей» (Маркс, Энгельс). Известное разделение на определенном этапе развития цивилизации, с ростом возможностей человеческого вмешательства в окружающую среду, со всей остротой поставило вопрос о сохранении среды обитания самих людей. Потенциально большие способности научно управляемого общества по обеспечению экологической защиты природы и человека должны быть реализованы на практике. Исторически возникшую эйфорию вседозволенности цивилизации необходимо преодолеть в исторически чрезвычайно короткие сроки.

7. Проблемы управления человеческими возможностями, ограничения любых социально-политических амбиций приобрели значение императива в условиях создания, совершенствования и распространения различных видов оружия массового уничтожения. Новое мышление, выдвинутое СССР в качестве базы политики во взаимоотношениях государств на планете, — это осознание исторически нового качества в жизни всемирной цивилизации. Впервые в истории словесное решение спорных вопросов стало опасным для существования самого человечества.

8. Политика в условиях социализма имеет ныне возможность совершенствовать свое качество, не только опираясь на научно-теоретические знания, но и исходя из опыта социалистической истории. Проблема гарантий истинно социалистического развития восходит в конечном счете к обеспечению подлинного народовластия. Демократизм, контроль масс, гласность и невозможность ничего монопольного ни в экономике, ни в политике — вот те

пути и средства, которые в конце концов позволят использовать во имя человека власть самого народа. Социальная справедливость и широчайшие возможности для развития способностей и дарований человека — вот те цели цивилизации, которые являются и приоритетными и притягательными. На путях их достижения и будут решаться судьбы социализма в соревновании за право различных общественных устройств претендовать на то, что именно данное общество являет собой более высокий тип, уровень развития материального и духовного производства.

9. Особенности научного социализма и социалистического общественного устройства предполагают, что при социализме политике должна быть внутренне присуща способность к самокритике. Истинность прошлого опыта проверяется настоящим, не замышлявшимся, а достигнутым. В свою очередь, настоящее, произрастающее из прошлого, проверит будущее. Поколения, придущие нам на смену, будут по законам истории умнее и «многочисленнее» нас (Энгельс). Критически оценивая свою деятельность, люди, причастные к социалистической политике, не могут позволять принимать решения, действовать в ущерб потомкам. Любое поколение может использовать сполна лишь то, что ему только и принадлежит.

10. Поскольку история — это и развитие целеполагающей деятельности людей, постольку в этом процессе присутствует и активно участвует сознание. Именно поэтому важно в истории вообще, а в условиях строительства общества на научной основе в особенности, чтобы политика опиралась на адекватное отражение действительности. А объективный анализ требует брать всю совокупность фактов, рассматривать все явления и процессы в их взаимосвязях, в динамике, в исторической обусловленности, в историческом своеобразии. При этом правдивое отражение истории должно прописывать, определять не только научное, но и обыденное сознание, ибо государство при социализме сильно сознательностью масс. Гласность во всем и для всех, исключение всякого манипулирования общественным мнением — это не желательность, это условие существования социализма, как свидетельствует наш прошлый и нынешний опыт.

11. Историзм в науке предполагает многосторонний анализ конкретных этапов развития общества, его отдельных составляющих, вычленение главных, значительных, второстепенных исторических сил и результатов их деятельности. Политика же, опирающаяся на науку, при-

звана делать на этой основе выводы, предлагать варианты решения возникающих проблем, прогнозировать последствия практических действий. Можно сказать, «исторический плюрализм» как данность, как богатство цивилизации по имени «история» предполагает в качестве условия успеха плюралистические изыскания в процессе познания, альтернативность, соревновательность гипотез, проектов развития, многовариантный, поисковый характер их апробирования на практике, на первопробной стезе социалистического творческого созидания. Будущее человечества не в единообразии, а в том, что оно будет еще «дифференцированнее» в своей духовной жизни (Ленин).

Принципы историзма, по нашему мнению, в перенесении на политику, следовательно, аккумулируют то, что позволяет осуществлять временную и пространственную ориентацию социализма в истории, делать необходимые и своевременные выводы из социалистической и несоциалистической истории и человечества и конкретной страны.

Примечания

Исторические факты и исторические альтернативы

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 16, примеч.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 329.
- ³ См.: Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987.
- ⁴ Там же. С. 9—10.
- ⁵ Там же. С. 15.
- ⁶ Сведения из работ А. П. Гринцера, Б. Л. Рифтина и других авторов приводятся по кн.: Ракитов А. Н. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 55—56.
- ⁷ Геродот. История. М., 1972. С. 11.
- ⁸ Цит. по: Барг М. А. Указ. соч. С. 39.
- ⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 732, 736.
- ¹⁰ Историки спорят: Тринадцать бесед. М., 1988. С. 8—9, 13—14.
- ¹¹ См.: Дубровский С. М. Очерки русской революции. М., 1922. Вып. 1; Он же. Крестьянство в 1917 г. М., 1927; Он же. Крестьянство в Октябрьской революции // Аграрные проблемы. М., 1927. Кн. 2. В этих работах были обобщены статистические материалы, проанализировано развитие двух социальных войн в деревне, подсчитаны крестьянские выступления против помещичьего землевладения, борьба внутри крестьянства (против сельской буржуазии, хуторян и отрубников) и т. д. Данные С. М. Дубровского во многом стали хрестоматийными, до сих пор используются специалистами. См., напр.: Кравчук Н. А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября (март — октябрь 1917 г.). М., 1971. С. 109, 111, 119—120.
- ¹² См. об этом: Илюшечкин В. П. Система внеэкономического принуждения и проблемы второй основной стадии общественной эволюции. М., 1970. С. 65; Ципко А. С. Социализм: жизнь общества и человека: (Пolemические заметки). М., 1980. С. 150—151.

В этой связи следует отметить, что серьезное изучение хозяйственно-экономической статистики требуется для исследования проблем крестьянства, деревенской общины в пореформенной России, в период русских революций, включая вопрос о возможностях использования общины в интересах социализма. К. Маркс говорил об этом (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19) в письме к Вере Засулич. Оно было, видимо, сокрыто Аксельродом, Засулич, Плехановым, Рязановым. В. И. Ленин с ним не был знаком. Трудно, конечно, сказать, как бы повлияли на Ленина замечания Маркса по русской общине. Но нельзя не принять во внимание при этом, что ленинское понимание необходимости идти от жизни прописыва-

- ет и его теоретическое наследие и большевистскую политику. Оно, как известно, во многом не вмещалось в классические каноны социал-демократических представлений о месте крестьянства в социалистической революции и в строительстве социализма. См. об этом, в частности: *Платонов О. О.* Русь, взмахни крылами!.. // Наш современник. 1989. № 7. С. 103—113.
- ¹³ См.: Их сфера — между небом и землей // Неделя. 1989. 17—23 июля, № 29. С. 16.
- ¹⁴ *Шагинян М.* Человек и время. М., 1982. С. 476.
- ¹⁵ *Маяковский В.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1978. Т. 4. С. 539.
- ¹⁶ См.: *Иванов Г. М.* К вопросу о понятии «исторический факт» // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1969. С. 17—34.
- ¹⁷ См.: *Барг М. А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984; *Косолапов В. В.* Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977; *Уваров А. И.* Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973; и др.
- ¹⁸ См. об этих и других проблемах интерпретации понятия «исторические факты»: *Косолапов В. В.* Указ. соч. С. 289—332.
- ¹⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 401.
- ²⁰ См., напр.: Урок дает история: (Беседы, опубликованные в «Правде», Л. Л. Курина и В. П. Наумова). М., 1989. С. 7—55; Историки отвечают на вопросы: (Ответы, подготовленные С. Л. Дмитренко, Н. Н. Масловым). М., 1988. С. 62—69, 141—147; *Плимак Е.* Политическое завещание В. И. Ленина: Истоки, сущность, выполнение. М., 1988.
- ²¹ *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 13.
- ²² См.: Урок дает история. С. 25.
- ²³ Там же. С. 13—14.
- ²⁴ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 347.
- ²⁵ Урок дает история. С. 25.
- ²⁶ Там же. С. 44—45.
- ²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 351.
- ²⁸ См.: *Смирнов Г.* Об одном историческом экскурсе: Poleмические заметки // Правда. 1989. 19 июля.
- ²⁹ *Бедов А. В.* Что обретено в поиске? // Вопр. истории КПСС. 1989. № 5. С. 126.
- ³⁰ *Ципко А. С.* Указ. соч. С. 104—105. См. также к этой цитате: *Петропавловский Р. В.* Дialectика прогресса и ее проявление в правствепности. М., 1978. С. 43—46.
- ³¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 732, 736.
- ³² См.: *Бедов А. В.* Указ. соч. С. 126. В этом обзоре указывается значительное количество работ, в которых так или иначе анализируются альтернативы сталинизму. См., напр.: *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина // Вопр. истории КПСС. 1988. № 8; *Горелов И. Е.* Николай Бухарин. М., 1988; *Горелов И. Е., Осипов А. Г.* На крутом переломе: (Из истории внутрипартийной борьбы между XV и XVI съездами ВКП(б)). М., 1988; *Козн С.* Бухарин: Политическая биография, 1888—1938. М., 1988; и др.
- ³³ См.: *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Что это было? М., 1988. С. 15—19.
- ³⁴ Там же. С. 20.

- ³⁵ Там же. С. 21.
- ³⁶ Там же. С. 145.
- ³⁷ См.: Там же. С. 21, 37, 41—43 и т. д.
- ³⁸ См.: Там же. С. 5—11.
- ³⁹ Там же. С. 146.
- ⁴⁰ *Афанасьев Ю.* Перестройка и историческое знание // Иного падапо. М., 1988. С. 496—497, 499.
- ⁴¹ *Попов Г.* С точки зрения Леонида Красина // Огонек. 1989. № 24. С. 10—11.
- ⁴² См.: *Козн С.* Бухарин. С. 174, 189, 329—330, 366—367 и др.
- ⁴³ Там же. С. 440, 450, 454—455.
- ⁴⁴ *Медведев Р.* Троцкий: Штрихи к политическому портрету // Иностр. лит. 1989. № 3. С. 171.
- ⁴⁵ *Попов Г.* Указ. соч. С. 10.
- ⁴⁶ *Дойчер И.* Адски темная ночь: Глава из книги «Пророк в изгнании» // Иностр. лит. 1989. № 3. С. 182.
- ⁴⁷ Там же. С. 183.
- ⁴⁸ *Блок А.* Двенадцать. Стихотворения. Поэмы. Театр: В 2 т. Л., 1972. С. 259.
- ⁴⁹ Цит. по: *Дойчер И.* Указ. соч. С. 202.
- ⁵⁰ Там же. С. 202—203.
- ⁵¹ См.: *Красин Л.* Контроль или производство // Огонек. 1989. № 24. С. 12—13; *Попов Г.* Указ. соч. С. 10—11; *Смирнов Г.* Указ. соч.
- ⁵² См.: *Медведев Р.* Трудная весна 1918 г. // Волга. 1989. № 1.
- ⁵³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 367.
- ⁵⁴ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 38.
- ⁵⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376.
- ⁵⁶ См.: Там же.
- ⁵⁷ *Зиновьев Г. Е.* Воспоминания: Заметки, наброски, плапы // Изв. ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 175.
- ⁵⁸ *Маяковский В.* Собр. соч. Т. 3. С. 256.
- ⁵⁹ К современной концепции социализма // Правда. 1989. 17 июля.
- ⁶⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 373.
- ⁶¹ См.: Там же. С. 389—406.

Историческое мышление, историческое познание и историческое сознание

- ¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 539—540.
- ² Там же. Т. 35. С. 21.
- ³ Там же. Т. 44. С. 31—32.
- ⁴ См.: *Попов В. Д.* Экономическое сознание: сущность, формирование и роль в социалистическом обществе. М., 1981. С. 12—34.
- ⁵ Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 191.
- ⁶ См.: *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981; *Ракигов А. П.* Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982; *Барз М. А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987.
- ⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 55—56.
- ⁸ См.: *Попов В. Д.* Указ. соч. С. 144—151.
- ⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 16, примеч.
- ¹⁰ См.: Там же. С. 37.
- ¹¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 193.

- ¹² См.: *Димитров Г.* Избр. произведения. М., 1957. Т. 1. С. 375—452.
- ¹³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380—381.
- ¹⁴ *Булгаков С. Н.* Основные проблемы теории прогресса // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 15—16.
- ¹⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 146, 345.
- ¹⁶ *Грановский Т. Н.* Соч. Т. 1. С. 28.
- ¹⁷ *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произведения. Т. 1. С. 521.
- ¹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 379.
- ¹⁹ *Афанасьев Ю.* Перестройка и историческое знание // Иного не дано. М., 1988. С. 501—502.
- ²⁰ См.: Там же. С. 500—506.
- ²¹ Цит. по: *Ракитов А. И.* Указ. соч. С. 9.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 10.
- ²⁵ *Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 265—266.
- ²⁶ *Ракитов А. И.* Указ. соч. С. 12—13.
- ²⁷ См.: Там же. С. 13—21.
- ²⁸ См.: Там же. С. 21.
- ²⁹ См.: Там же. С. 21—25.
- ³⁰ См.: *Додонов Б. И.* Эмоция как ценность. М., 1978.
- ³¹ См.: *Ракитов А. И.* Указ. соч. С. 27—34.
- ³² Там же. С. 47—48.
- ³³ Там же. С. 53.
- ³⁴ См.: Там же. С. 53—63.
- ³⁵ См.: Там же. С. 64—84.
- ³⁶ См.: Там же. С. 84—91.
- ³⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 123.
- ³⁸ См.: *Ракитов А. И.* Указ. соч. С. 90.
- ³⁹ Там же. С. 84.
- ⁴⁰ *Плеханов Г. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 607—608.
- ⁴¹ См., напр.: *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса.) М., 1981. С. 3—59.
- ⁴² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40.
- ⁴³ Там же. Т. 2. С. 547—548.
- ⁴⁴ *Филос. энцикл. слов.* М., 1983. С. 481.
- ⁴⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 418—419. Надо сказать, что Ленин в данной работе, говоря об объективизме и объективности, прямо писал, что «материализм включает в себя *так сказать* (курсив наш.— В. Е.), партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы». Но именно при оценке, а не при исследовании.
- ⁴⁶ Там же. Т. 41. С. 46.
- ⁴⁷ См.: Там же. Т. 17. С. 17.
- ⁴⁸ См.: *Журавлев Г. Т., Меркушин В. И., Фомичев Ю. К.* Историческое сознание: Опыт социологического исследования // *Вопр. истории.* 1989. № 6. С. 125.
- ⁴⁹ См.: Там же. С. 121, 122.
- ⁵⁰ См.: Там же. С. 3—32.
- ⁵¹ Там же. С. 4, 31.
- ⁵² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 139.
- ⁵³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 1—2.
- ⁵⁴ *Огонек.* 1988. № 43. С. 27.

- ⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194, 195.
- ⁵⁶ См.: Анищенко А. И. Структура общественного сознания. М., 1973; Буева Л. П. Человек: деятельность и общение. М., 1978; Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987; Духовное производство: Социально-философский аспект духовной деятельности. М., 1981; Журавлев В. В. Общественное и индивидуальное сознание. М., 1963; Келле В., Ковальзон М. Формы общественного сознания. М., 1959; Коршунов А. М., Маптанов В. В. Диалектика социального познания. М., 1988; Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975; Медведев В. А. Развитой социализм: Вопросы формирования общественного сознания. М., 1980; Николаева Л. В. Общественное сознание и его структура. М., 1977; Уледов А. К. Структура общественного сознания: Теоретико-социологическое исследование. М., 1968; Швырев В. С. Научное познание как деятельность. М., 1984.
- ⁵⁷ См.: Грушин Б. А. Указ. соч. С. 4—145.
- ⁵⁸ Попов В. Д. Указ. соч. С. 55.
- ⁵⁹ См.: Там же. С. 34—36.
- ⁶⁰ См.: Гулыга А. Искусство истории. М., 1980; Ерофеев Н. А. Что такое история. М., 1976; Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980.
- ⁶¹ См.: Кукса Л. Общественное сознание: Сложные взаимосвязи с практикой // Коммунист. 1989. № 10. С. 50.
- ⁶² Вопр. истории. 1989. № 6. С. 120.
- ⁶³ Барс М. А. Эпохи и идеи. С. 9, 24.
- ⁶⁴ Яковлев А. Н. Перестройка и нравственность // Сов. культура. 1987. 21 июля.
- ⁶⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 3. С. 516.
- ⁶⁶ Плеханов Г. В. Указ. соч. Т. 1. С. 541—542.
- ⁶⁷ См., напр.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983; Маркарян Э. С. Теория культуры и современная паука. М., 1983.
- ⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 349.
- ⁶⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 318—319.
- ⁷⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 112.
- ⁷¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 526—527.
- ⁷² См.: Журавлев Г. Т., Меркушин В. И., Фомичев Ю. К. Указ. соч. С. 121.
- ⁷³ Вопр. истории. 1989. № 6. С. 25.
- ⁷⁴ См.: Грушин Б. А. Указ. соч. С. 148—193.
- ⁷⁵ Там же. С. 150—151.
- ⁷⁶ Там же. С. 153.
- ⁷⁷ См., напр.: Сын об отце: Интервью с А. П. Столыпиным; Зырянов П. Столыпиных было несколько // Лит. газ. 1989. 12 июля, № 28; Дьяков И. Столыпин // Лит. Россия. 1989. 14 июля, № 28.

Исторические проблемы во взаимоотношениях поколений

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 44—45.
- ² См. об этом более подробно: Егоров В. К. История есть смена поколений. М., 1986; Он же. Преемственность поколений в условиях социалистического строительства: Проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1988. С. 11—32; Мусаев О. Взаимоотношение поколений в условиях социа-

- лпзма. Апхабад, 1985. С. 10—21; *Павлов В. С.* Социально-классовая преемственность и воспитание молодых рабочих. М., 1984. С. 16—25.
- ³ См.: *Соколов В. М.* Социология нравственного развития личности. М., 1986. С. 163—167.
- ⁴ См.: Там же. С. 109—110.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Согомонов А., Толстых А.* О наших заботах // *Коммунист*. 1989. № 9. С. 74.
- ⁷ См.: Там же. С. 74—76.
- ⁸ Там же. С. 75.
- ⁹ *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произведения. Т. 1. С. 514.
- ¹⁰ *Евтушенко Е. А.* Собр. соч. М., 1983. Т. 1. С. 521, 522, 525.
- ¹¹ *Окуджава Б. Ш.* Стихотворения. М., 1985. С. 12.
- ¹² Пути открыты: Куда? // *Лит. газ.* 1989. 12 июля, № 28.
- ¹³ См.: *Пришвин М.* 1930 год // Октябрь. 1989. № 7. С. 145—147, 150—152, 172—174 и др.
- ¹⁴ Там же. С. 151.
- ¹⁵ См.: Пути открыты.
- ¹⁶ См.: *Журавлев Г. Т., Меркушин В. П., Фомичев Ю. К.* Историческое сознание: Опыт социологического исследования // *Вопр. истории*. 1989. № 6. С. 128.
- ¹⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 56.
- ¹⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 393.
- ¹⁹ См.: Там же. Т. 5. С. 402.
- ²⁰ *Майоров Н.* Мы // Путешествие в страну поэзия. 3-е изд., испр. и доп. Л., 1976. Кн. 2. С. 463.
- ²¹ Нам уже приходилось не раз (см., напр.: *Егоров В. К.* История есть смена поколений. С. 28, 54—56, 96—97 и др.; *Он же.* Преемственность поколений в условиях социализма: Проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1988. С. 26—29, 38—40, 42—43) писать, что мы к сожалению, не располагаем тем объемом знаний, материалов, которые только и позволяют с достаточной степенью полноты анализировать взаимосвязь прошлого и настоящего. Приобретения и потери на путях становления и развития общества и человека невозможно осознать лишь на такой, казалось бы широкой, базе как факты истории, статистика, теоретические исследования и личные наблюдения. Это много, но уже и недостаточно. Помимо единовременных, некорреспондирующихся, «зондажных» социологических исследований, нужны длительные наблюдения за жизнью сменяющихся друг друга поколений, сравнительно-сопоставительный анализ разных молодых, средних, старших поколений на различных этапах становления, развития, перестройки и совершенствования социализма. А без изменения ситуации в этой области общественнознания мы будем постоянно обрекать социализм на эксперименты, на путь проб и ошибок.
- ²² *Коновалов А.* Необходима компетентность // *Сов. Россия*. 1989. 7 июня.
- ²³ *Твардовский А. Т.* Собр. соч. М., 1978. Т. 3. С. 25.
- ²⁴ *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // *Лит. учеба*. 1988. № 4. С. 97.
- ²⁵ *Леонов Л.* Собр. соч. М., 1984. Т. 10. С. 546, 549.
- ²⁶ *Воронов Ю.* Блокада: Книга стихов. М., 1988. С. 231.
- ²⁷ *Пришвин М. М.* Дневники, 1905—1954 гг. // Собр. соч. Т. 8. С. 178.

- ²⁸ Грехнев В. С. Социально-психологический фактор в системе общественных отношений: (Социально-философские проблемы). М., 1985. С. 146, 135.
- ²⁹ См.: Культурный прогресс: Философские проблемы. М., 1984. С. 49.
- ³⁰ См. об этом более подробно: Егоров В. К. История есть смена поколений. С. 32—67.
- ³¹ Кон П. Эстафета поколений // Коммунист. 1987. № 4. С. 95—96.
- ³² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 112.
- ³³ Там же. Т. 44. С. 192.
- ³⁴ См.: Жуков-Варежников Н. Н., Волков М. Н., Майский И. Н. и др. О подходах к изучению соотношения стохастических и «эвристических» процессов в эволюции // Филос. науки. 1969. № 6; Плахов В. Д. Традиции и общество: Опыт философско-социологического исследования. М., 1982.
- ³⁵ Культурный прогресс. С. 81.
- ³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 201.
- ³⁷ Там же. Т. 45. С. 372.
- ³⁸ Там же. Т. 43. С. 60, 222.
- ³⁹ Волобуев П. Мужество самопознания // Урок дает история. М., 1989. С. 308.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 216.
- ⁴² Там же. Т. 45. С. 20.
- ⁴³ Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 43.
- ⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 87.

От историзма в науке — к историзму в политике

- ¹ См.: Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987. С. 25—27.
- ² См.: Ракизов А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 233.
- ³ Там же. С. 233—234.
- ⁴ См. статьи И. С. Кона и В. Ж. Келле, посвященные этой проблеме: Сов. ист. энциклопедия. М., 1965. Т. 6. С. 454; Принципы историзма в познании социальных явлений. М., 1972. С. 5; Ракизов А. И. Указ. соч. С. 230—231.
- ⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 329.
- ⁶ См.: Иванов В. В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема. М., 1973. С. 102.
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 568.
- ⁸ Там же. Т. 20. С. 90.
- ⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 123.
- ¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. 2. С. 125.
- ¹¹ Арх. Маркса и Энгельса. Т. 10. С. 104.
- ¹² Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения. Т. 2. С. 397.
- ¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 547.
- ¹⁴ Там же. Т. 45. С. 118.
- ¹⁵ Там же. С. 387.
- ¹⁶ Там же. С. 118.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: Азаров Н. И. В. И. Ленин о политике как общественном явлении. М., 1975; Актуальные вопросы марксистской гносеологии и социологии. М., 1978; Бовин А. Е. В. И. Ленин о поли-

- тике и политической деятельности. М., 1974; *Бурлацкий Ф. М.* Ленин. Государство. Политика. М., 1970; *Глезерман Г. Е.* Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979; *Грушин Б. А.* Очерки логики исторического исследования. М., 1961; *Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.* Теория и история. М., 1981; *Кон И. С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; *Лооне Э.* Современная философия истории. Таллинн, 1980; *Марушкин Б. И.* История и политика: Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969; Политика как общественное явление: Сб. ст. М., 1972; *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1979; *Ракитов А. И.* Указ. соч.; *Скворцов Л. В.* История и антиистория: К критике методологии буржуазной философии истории. М., 1976; *Уледов А. К.* Социологические законы. М., 1975; Философия и методология истории. М., 1977; Философские проблемы исторической науки. М., 1969; *Шахназаров Г. Х.* Куда идет человечество. М., 1985.
- ^{18a} Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 58.
- ¹⁹ Там же. Т. 45. С. 376.
- ²⁰ Там же. Т. 44. С. 151.
- ²¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 371, 396, 420.
- ²² См.: *Цирко А. С.* Социализм: жизнь общества и человека. М., 1980; *Он же.* Некоторые философские аспекты теории социализма. М., 1983.
- ²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 184.
- ²⁴ Там же. Т. 34. С. 192.
- ²⁵ Цит. по: *Козн С.* Бухарин: Политическая биография, 1888—1938. М., 1988. С. 189.
- ²⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 436; Т. 35. С. 169.
- ²⁷ Там же. Т. 4. С. 184.
- ²⁸ Там же. Т. 43. С. 65—66.
- ²⁹ Там же. Т. 37. С. 451.
- ³⁰ Там же. Т. 35. С. 19.
- ³¹ Яковлев А. Н. Перестройка и нравственность // Сов. культура. 1987. 21 июля.
- ³² См.: *Соколов О. Д.* М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С. 17—23.
- ³³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 364.

Содержание

Слово к читателю	3
Исторические факты и исторические альтернативы	5
Об исторической памяти, о воссозданной и еще не написанной истории	7
«...Из реки по имени „Факт“»	19
Исторические альтернативы	30
Историческое мышление, историческое познание и историческое сознание	58
Что же такое историческое мышление? . . .	61
Историческое познание: пути и перепутья . .	80
Отражающее и творящее сознание	98
Исторические проблемы во взаимоотношениях поколений	115
О поколениях как «носителях» истории . . .	116
Некоторые проблемы диалектики во взаимоотно- шениях поколений	142
От историзма в науке — к историзму в политике	162
Примечания	184

Научно-популярное издание

Егоров Владимир Константинович
ИСТОРИЯ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Утверждено к печати Редколлегией серии научно-популярных изданий

Редактор издательства З. Г. Демидова. Художник А. А. Кущенко. Худо-
жественный редактор Н. Н. Михайлова. Технический редактор Ю. В. Се-
ребрякова. Корректоры Н. П. Гаврикова, Л. А. Лебедева

ИБ № 46629

Сдано в набор 6.04.90. Подписано к печати 24.07.90. А-08504. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр. отт. 10,4. Уч.-изд. л. 11,2. Тираж 20 000 экз.
Тип. зак. 147. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука», 630077 Новосибирск, ул. Станис-
лавского, 25